Миропольский С.

Школа и общество.

Частная Харьковская Женская Воскресная школа

ХАРЬКОВСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
УСТАВЪ
М. С. А.
1904 Г.

С. Миропольскій.

ШКОЛА и ОБЩЕСТВО.

ЧАСТНАЯ ХАРЬКОВСКАЯ ЖЕНСКАЯ ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА.

1069244

СЕНТ. 1904
№ 55552.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19-го октября 1892 года.

ЧАСТНАЯ ХАРЬКОВСКАЯ

ЖЕНСКАЯ ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА.

ОТЪ АВТОРА.

Августъ 1871 г.

Бываютъ въ жизни человѣка рѣдкія минуты, когда онъ, послѣ долгихъ скитаній, житейскихъ опытовъ, исканій, неудачъ, неожиданно встрѣчаетъ въ жизни свѣтлое явленіе, заставляющее его забыть тревоги прошлаго и со всѣмъ увлеченіемъ отдаться созерцанію и изученію отраднаго настоящаго, воплощающаго въ себѣ тѣ лучшія чаянія и стремленія, которыя такъ долго манили душу и которымъ такъ рѣзко противорѣчила обыденная жизнь, наличный опытъ. Такіе случаи рѣдки, но тѣмъ они дороже, тѣмъ сильнѣе они захватываютъ душу и тѣмъ глубже и продолжительнѣе оставляютъ по себѣ слѣдъ.

Нѣчто подобное этому впечатлѣнію мы испытали при знакомствѣ съ Харьковскою женскою воскресною школой, описанію которой посвящаемъ настоящую статью.

Это учрежденіе обязано своимъ существованіемъ частной иниціативѣ, содержится оно на частныя средства, и во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ замѣчательное явленіе, не только въ смыслѣ спеціально-педагогическомъ, но и въ смыслѣ болѣе широкаго общественнаго интереса. Харьковъ можетъ гордиться этимъ учрежденіемъ. Будь эта школа заграницей — въ Парижѣ, въ Берлинѣ, гдѣ-нибудь въ Швейцаріи, она навѣрное служила бы предметомъ тщательнаго изученія, составляла бы предметъ симпатій, заботъ цѣлаго общества; педагоги ѣздили бы нарочно познакомиться съ нею и поучиться, какъ вести дѣло начальнаго женскаго образованія въ воскресной школѣ на разумно-педагогическихъ началахъ. Казалось бы, для насъ подобное учрежденіе должно имѣть тѣмъ бо̀льшую цѣнность, что частная иниціатива у насъ чрезвычайно слаба,

а частныя предпріятія съ цѣлями гуманности и просвѣщенія не долговѣчны. Между тѣмъ Харьковская ж. в. школа существуетъ болѣе 20 лѣтъ и носитъ всѣ задатки для долгаго существованія и развитія. Но мы—русскіе люди, сильные въ самоосужденіи и обличеніи, мало цѣнимъ положительныя явленія нашей жизни; часто даже не замѣчаемъ ихъ, останавливаясь болѣе на отрицательныхъ явленіяхъ нашей жизни; между тѣмъ явленія положительныя требуютъ *поддержки*, нуждаются въ *сочувствіи общества*; съ другой стороны они важны, какъ *живые примѣры* общественной и частной дѣятельности на пользу общую, а извѣстно, что «примѣры увлекаютъ»—на путь подражанія. Приступая къ характеристикѣ одного изъ рѣдкихъ свѣтлыхъ явленій нашей общественной жизни, мы именно имѣемъ въ виду эту сторону дѣла. Кто знаетъ! Быть можетъ, прочитавъ разсказъ о дѣятельности Харьковской ж. в. школы, найдутся въ нашемъ обществѣ люди, которые также пожелаютъ посвятить свой трудъ на пользу школы. Зажженную свѣчу никто не ставитъ подъ столъ, не прячетъ въ закрытое мѣсто, но ставитъ такъ, чтобы свѣтъ ея освѣщалъ сидящихъ въ темнотѣ. Не слѣдуетъ же скрывать и хорошій примѣръ въ добромъ дѣлѣ. Сравненіе это очень старо, но вѣрно.

Скажутъ: «пусть такъ; но вы, очевидно, приступаете къ своему описанію съ явнымъ предубѣжденіемъ въ его пользу». О, да; дѣйствительно нельзя не полюбить эту прекрасную школу и мы отъ души желали бы пробудить то же чувство въ читателѣ; но дѣлу это ни мало не помѣшаетъ. Если бы мы вдались въ голословную похвалу, то, конечно, заслуживали бы порицанія; но въ своемъ описаніи мы болѣе всего предоставляемъ говорить фактамъ, и если по мѣстамъ высказываемъ какое-либо сужденіе о дѣлѣ, то читатель воленъ и не соглашаться; имѣя факты передъ собою, онъ можетъ легко провѣрить наши сужденія.

Нѣсколько словъ объ *источникахъ* для настоящаго труда. Въ маѣ текущаго года намъ пришлось быть въ Харьковѣ и лично посѣтить школу, о которой много слышали раньше, присутствовали на урокахъ, бесѣдовали съ учительницами. То, что мы видѣли и слышали, вызвало желаніе познакомить публику съ школой. Главную помощь въ нашемъ трудѣ оказала намъ сама корпорація школы. Видя передъ собою

человѣка, заинтересованнаго дѣломъ, она намъ открыла *протоколы* засѣданій своихъ за всѣ годы; всѣ имѣвшіеся въ ея распоряженіи *матеріалы*, каковы замѣтки, «педагогическіе дневники» учительницъ, даже частныя письма ихъ по дѣламъ школы, внѣшнюю переписку съ различными педагогами. Присоединяя сюда личныя наблюденія въ школѣ и бесѣды съ учительницами, читатели могутъ видѣть, что мы имѣли передъ собою обильный и разнообразный матеріалъ для характеристики столь живаго явленія, какъ Х. ж. в. школа. Однако мы вполнѣ сознаемъ трудность принятой на себя задачи.

При посѣщеніи школы недостаточно обладать физическимъ зрѣніемъ и внѣшнею наблюдательностью; надо обладать и психическимъ зрѣніемъ, чтобы увидѣть *душу живую* школы, чтобы наблюдать ея *внутреннюю жизнь*, для которой внѣшняя служитъ только проявленіемъ, выраженіемъ. На сколько удалось намъ выяснить, раскрыть эту самую важную сторону дѣла, судить, конечно, не намъ; но мы постоянно имѣли передъ собою эту задачу. При этомъ важное, едва не главное мѣсто въ настоящемъ описаніи имѣетъ элементъ *субъективности*, всецѣло проникающій школу, составляющій ея характеръ и моральную силу. Эта своеобразная *личность школы* въ высшей степени привлекательна, она разлита во всемъ цѣломъ, проникаетъ всѣ частности и отдѣльныя явленія школы, но сама трудно уловима и хотя живо чувствуется при знакомствѣ со школой, но чрезвычайно трудно поддается описанію, опредѣленію. Какъ душа въ тѣлѣ: она проникаетъ весь организмъ, но уловить ее невозможно.

Для характеристики ея оказалось необходимымъ, по возможности, представлять явленія въ томъ непосредственномъ видѣ, какъ они представлялись наблюдателю, почти какъ сырой матеріалъ. Поэтому мы вездѣ стараемся болѣе *дать мѣсто слову и дѣлу самихъ дѣйствующихъ лицъ*, чѣмъ передавать отъ себя ихъ дѣйствія. Этимъ объясняется значительное количество *выписокъ* изъ сообщенныхъ намъ матеріаловъ при описаніи школы. При этомъ имѣлось въ виду, что, узнавая фактъ изъ перваго источника, читатель познакомится и съ *личностями* учительницъ, съ ихъ дѣятельностію, стремленіями. Не надо забывать, что въ педагогическомъ дѣлѣ огромное значеніе имѣетъ *лич-*

ность педагога; а потому при описаніи школы нельзя удовлетвориться реляціями о ней, нельзя и понять ее вполнѣ, если мы не знакомы съ тѣми *личностями*, которыя создали эту школу, ведутъ ее и даютъ ей направленіе, сообщаютъ ей «дыханіе жизни». Быть можетъ, инымъ покажется нескромностію занесеніе въ печать не только объективныхъ фактовъ дѣятельности школы, но даже личныхъ стремленій, надеждъ, разочарованій, — словомъ, субъективныхъ настроеній дѣйствующихъ лицъ. Отвѣтственность за это мы всецѣло беремъ *на себя*. Большая часть матеріала для характеристики школы скопилась незамѣтно; скромныя труженицы писали свои письма, замѣтки, дневники *исключительно для себя*, не для публики и, быть можетъ, если бы не наши убѣжденія и просьбы, имъ никогда не суждено появиться бы въ свѣтъ. Тихо, незамѣтно шла внутренняя работа кружка; медленно выяснялось, крѣпло и зрѣло предпринятое имъ дѣло; заботливо охраняемое, какъ любимое дитя, оно служило предметомъ самыхъ чистыхъ и свѣтлыхъ симпатій, самаго безкорыстнаго интереса. Тутъ не было и не могло быть расчета на внѣшность, эффектъ, на извѣстность или популярность. Свойственная русской женщинѣ скромность заботливо охраняла дорогое дѣло отъ постороннихъ *праздныхъ* взоровъ. Кто интересовался дѣломъ, тотъ могъ его видѣть и былъ дорогимъ гостемъ въ школѣ; но здѣсь не было мѣста для *празднаго любопытства*. И вотъ, Харьковская ж. в. школа является теперь передъ публикой въ своей внутренней жизни, со всѣми мелкими, но дорогими явленіями, изъ которыхъ слагалась эта жизнь; при чемъ дѣйствующія лица говорятъ, живутъ, дѣйствуютъ на глазахъ читателя, который читаетъ ихъ задушевныя бесѣды, видитъ ихъ опыты, наблюденія, стремленія, надежды; для взора его открыты даже душевныя состоянія этихъ лицъ въ минуты, чѣмъ-либо выдающіяся. Многіе, повторяю, могутъ назвать это нескромностью. Но мы смотримъ на дѣло иначе. Дѣло школы—дѣло *общественное*. Все, что можетъ служить къ выясненію условій его возникновенія, развитія, постепеннаго роста, а иногда замедленій и неудачъ—все это представляетъ живой *общественный интересъ*. Вѣдь всѣ эти субъективныя чувства, состоянія лицъ, трудящихся въ школѣ, проникнуты *одной идеей*—общественной пользы. Итакъ, вотъ гдѣ

оправданіе того, что мы широко воспользовались довѣренными намъ матеріалами. Лица довѣрившія заявили, что полагаются на нашъ тактъ, на наше такъ-сказать благоразуміе; если бы кто нашелъ, что мы гдѣ-либо переступили его границы, то *просимъ винить насъ и никого больше.* Но, дѣлая эту оговорку, мы увѣрены, что читатели не будутъ въ претензіи за то, что мы старались придать живой характеръ своему описанію введеніемъ въ него участія живыхъ, дѣйствующихъ лицъ. Во внутренней жизни Харьковской ж. в. школы такое богатое содержаніе, столько живаго педагогическаго интереса, столько симпатичныхъ сторонъ, что намъ думается — читатели скажутъ спасибо за то, что мы старались изложить фактъ возможно обстоятельнѣе. Вѣдь это исторія цѣлаго частнаго *учрежденія*, черезъ которое прошло нѣсколько *тысячъ* ученицъ, въ которомъ безмездно трудится ежегодно масса свѣжихъ молодыхъ педагогическихъ силъ, руководимыхъ опытными и безраздѣльно преданными дѣлу лицами. Если бы намъ посчастливилось вызвать своимъ описаніемъ въ читателѣ то же чувство наслажденія, какое мы сами испытали при знакомствѣ со школой, то цѣль была бы достигнута.

Но мы хотѣли бы оказать и самой школѣ нѣкоторую услугу. Не надо забывать, что не розами устланъ путь труда, особенно педагогическаго. Шесть лѣтъ труда энергическаго, безкорыстнаго чего-нибудь стоятъ, если взять во вниманіе, сколько надо было вынести его организаторамъ. Не привѣтливо у насъ встрѣчается всякая частная иниціатива. Иронія, насмѣшка, сомнѣніе, иногда ничѣмъ не объяснимая вражда встрѣчаютъ въ обществѣ лицъ, которыя идутъ самостоятельно и создаютъ себѣ и другимъ новую, лучшую жизнь въ смыслѣ разумномъ. Тяжело идти цѣлые годы, не видя кругомъ поддержки, теплаго, сердечнаго и практическаго сочувствія со стороны общества. «Представьте себѣ (скажу словами г-жи А—ой) сильнаго и здороваго человѣка, взбирающагося на крутую гору: онъ утомился; ему кажется, что въ немъ нѣтъ силъ идти дальше; каждый ничтожный камень, каждое новое препятствіе обезсиливаютъ его; и препятствія все ростутъ, вмѣстѣ съ утомленіемъ; онъ начинаетъ терять увѣренность въ возможность продолженія пути, *онъ ищетъ опоры*»... И благо ему, если дружеская рука

во-время поддержитъ усталаго путника; онъ оживаетъ, энергія и увѣренность пробуждаются въ немъ съ новою силой и онъ готовъ бодро идти впередъ на новые подвиги... Читатель пойметъ, что мы хотимъ сказать нашему равнодушному обществу, на какой долгъ его мы указываемъ. Не надо забывать, что хотя сдѣлано *много*, но *еще болѣе* остается сдѣлать дальше. Одинъ въ полѣ не воинъ.

Ставя въ началѣ статьи нашей общее заглавіе «школа и общество», мы желали тѣмъ охарактеризовать значеніе описываемаго факта. «Частная Харьковская женская воскресная школа»—это живой и въ высшей степени интересный *эпизодъ изъ нашей общественной жизни*, въ которомъ практически дается отвѣтъ на вопросы: чѣмъ наше *общество* (въ лицѣ лучшихъ, образованныхъ представителей своихъ) можетъ быть *для школы* и чѣмъ *школа* (поставленная педагогически) можетъ быть *для общества*.

Очеркъ возникновенія Харьковской частной женской воскресной школы.

Возникновеніе частной женской воскресной школы учительницъ въ Харьковѣ относится къ эпохѣ общаго пробужденія русской жизни въ 60-хъ годахъ. Извѣстно, съ какою энергіей, увлеченіемъ и горячностью интеллигентное общество того времени отнеслось къ воскреснымъ школамъ. Здѣсь не мѣсто дѣлать оцѣнку этого движенія; но несомнѣнно, что въ немъ принимали участіе и лучшія силы той эпохи. Правда, что въ немъ принимали участіе и люди *моды*, и люди, занимавшіеся школами отъ нечего дѣлать, наконецъ, въ немъ оказались и такіе элементы, которые привели самыя школы къ закрытію; это была большая ошибка; но все же въ основѣ этого движенія лежала хорошая мысль, добрыя побужденія, и у дѣла не мало стояло людей — искренно и горячо преданныхъ, — людей съ убѣжденіями и вѣрою въ будущность того дѣла, которому они полагали начало. Въ немъ приняли участіе наши духовные пастыри. Просвѣтительныя стремленія тогдашняго общества вовсе не были случайностью, какъ думаютъ нѣкоторые; нѣтъ, они лежали въ существѣ великой реформы освобожденія. Пока надъ народною массою тяготѣло *крѣпостное право*, народное невѣжество казалось его естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ. Но когда съ высоты престола раздалось великое слово свободы, когда эта свобода яркими лучами освѣтила тьму, въ которую погружены были милліоны народа, невѣжество народныхъ массъ явилось очевидною аномаліей. Свобода неразлучна со свѣтомъ. И вотъ, общество выступило на встрѣчу новой потребности просвѣщенія; оно сдѣлало первую попытку — примѣнить *частную инициативу* въ этомъ дѣлѣ; какъ мы уже сказали, на доброе дѣло откликнулось все мыслящее, все живое

въ нашемъ обществѣ; примкнула къ нему горячо всей душой и та личность, которой Харьковская воскресная женская школа обязана своимъ существованіемъ. «Анализируя прошлое,—пишетъ она въ своемъ «Педагогическомъ дневникѣ»,—я нахожу теперь тьму недостатковъ въ тогдашнихъ школахъ, въ которыхъ къ обученію допускались всѣ и каждый, и въ которыхъ господствовалъ хаосъ; но тогда я увлеклась и отдалась этому дѣлу со всѣмъ пыломъ юности». Да и какъ было не отдаться молодой, свѣжей натурѣ такому живому, доброму дѣлу, при томъ общемъ возбужденіи, которое охватило тогда наше общество! Но, какъ извѣстно, не всѣ выдержали испытаніе жизни. Буря пронеслась надъ воскресными школами и немногія изъ нихъ уцѣлѣли; немногіе и изъ дѣятелей этихъ школъ остались вѣрны своему призванію; тѣмъ больше чести для тѣхъ, которые съумѣли сохранить дорогое сокровище души своей среди испытаній. Зерно, посѣянное на здоровую почву, выросло теперь въ роскошное, тѣнистое дерево. Не безъ труда, не безъ борьбы и усилій удалось достигнуть этого. Живую картину этой борьбы мы находимъ въ «Педагогическомъ дневникѣ» главной руководительницы школы, пережившей ту тяжелую годину, когда совершенно неожиданно вышло роковое распоряженіе—*«школы закрыть»*.

«Помню я,—пишетъ она,—живо то горе, то смущеніе, съ какимъ мы принуждены были объявить дѣтямъ о закрытіи школы; помню рыданіе и плачъ дѣтей. Въ ту минуту, казалось, я готова была отдать полжизни своей за жизнь школы, но дѣлать было нечего...

«Вдругъ счастливая мысль пришла мнѣ въ голову—пригласить къ себѣ дѣвочекъ учиться на домъ. Я привела ее въ исполненіе,—за мною пошло 50 человѣкъ.

«Съ тѣхъ поръ обученіе дѣтей сдѣлалось любимымъ моимъ занятіемъ. По условіямъ помѣщенія и средствъ, собиралось по 10—20 душъ и я учила ихъ одиноко, крадучись. Меня пугали штрафами, пугали, что закроютъ магазинъ, который въ то время составлялъ для насъ единственный источникъ для добыванія намъ куска хлѣба. Напуганная, я время отъ времени прекращала свои занятія, но потомъ опять съ увлеченіемъ отдавалась имъ. Въ сущности ничего запрещеннаго въ моихъ

занятіяхъ не было; я задавалась самою *узкою* цѣлью—*обученія грамотѣ* бѣдныхъ дѣтей—и только; но неимѣніе диплома давало право каждому стращать меня, заставлять страдать и мучиться».

Однако въ школѣ уже собиралось до 20-ти ученицъ, а въ числѣ сотрудниковъ школы была В Н. Т—ая, самая ревностная изъ учительницъ и до нынѣ работающая въ школѣ. Въ это время открылось «Общество грамотности» въ Харьковѣ.

«Съ вѣрою и надеждою вступили мы въ это «Общество грамотности». Не разъ подавали мы въ немъ свой голосъ за устройство «воскресной школы». Наконецъ мечта моя осуществилась... Первое, впрочемъ, что отравило мое счастіе,—это былъ отказъ, который получили Ж. и П., люди, завѣдомо искренно преданные этому дѣлу... Въ первое же воскресенье я привела въ школу всѣхъ своихъ ученицъ и безбоязненно представила ихъ публикѣ... Я чувствовала себя въ школѣ, какъ у себя дома — бѣгала, суетилась, распредѣляла ученицъ по ихъ знаніямъ и была вполнѣ счастлива. Какъ всѣ счастливые люди, я не замѣчала того недоброжелательства, съ какимъ смотрѣли на меня начальница и другія учительницы, усматривая во мнѣ будто-бы какое-то стремленіе къ господству и властолюбію.

«Начальница была женщина весьма недалекая; главною ея заботой былъ вопросъ: «гдѣ поставить шкафъ», или «въ какой именно переплетъ переплести книги». На одномъ изъ собраній она предложила слѣдующую мысль: «Такъ какъ первое, что бросается при входѣ человѣка въ порядочный домъ, — это умѣнье поклониться,—говорила она,—то прежде всего дѣтей необходимо выучить дѣлать *реверансы*»... Собранія наши бывали очень скучны, учительницы молчали, начальница говорила, что придетъ въ голову. За то, если у кого-либо рождалась въ головѣ здравая мысль не въ пятницу (день собранія), а въ другой какой-либо день недѣли, и учительница выражала желаніе сообщить мысль начальницѣ, то послѣдняя говорила умоляющимъ голосомъ: «Mesdames! Прошу васъ ради Бога, *поберегите это до пятницы!*» Такъ рѣдки бывали тогда здравыя мысли и такъ безсодержательны были эти собранія.

«Составъ учительницъ былъ не менѣе неудаченъ: одна не учила иначе какъ въ перчаткахъ и подъ вуалью; другая при-

знавалась чистосердечно, что поступила въ школу съ единственною цѣлію — научиться учить своихъ дѣтей; третья въ порывѣ педагогическаго негодованія позволяла себѣ обзывать учениць «дурами». Все это было мнѣ очень больно, но я съ отрадой останавливалась на своихъ прежнихъ товарищахъ и старалась не падать духомъ.

«Въ это время мнѣ пришлось поѣхать въ Петербургъ. Накупивши книгъ, я возвращалась оттуда съ новыми силами, веселая и счастливая. Поѣздъ нашъ пришелъ въ Харьковъ въ 10 ч. утра въ воскресенье. Въ половинѣ 11-го я, съ грузомъ книгъ, была уже въ школѣ и чуть не бросилась отъ радости на шею къ начальницѣ. Она встрѣтила меня, впрочемъ, весьма холодно, посмотрѣла на часы и замѣтила: «Учительницы обязаны приходить въ 10 часовъ, а теперь половина 11-го!»

«Колкость эта проскользнула для меня незамѣтно; я весело раздала книги дѣтямъ и начала заниматься. Состояніе моей группы заставило меня взгрустнуть: ученицы не только не подвинулись впередъ, а были *изувѣчены* буквослагательнымъ способомъ; я не выдержала, отозвала свою преемницу въ сторону и высказала ей, что нашла въ ученицахъ. Учительница сочла необходимымъ донести объ этомъ до свѣдѣнія начальницы; начальница подошла ко мнѣ съ угрожающимъ видомъ и сказала: «прошу васъ покорно не мѣшаться въ занятія учительницъ и, кромѣ того, представить *дипломъ* на право преподаванія!»

«Слово «дипломъ» заставило болѣзненно сжаться мое сердце— я столько выстрадала изъ-за этого диплома и напоминаніе о немъ являлось для меня зловѣщимъ предзнаменованіемъ.

«На слѣдующее воскресенье нѣсколькихъ учительницъ не было въ школѣ, за то мы встрѣтили толпу безграмотныхъ учениковъ «педагогическихъ курсовъ», пришедшихъ поучать насъ уму-разуму, по распоряженію руководителя школы, патентованнаго педагога С. Видѣла я своими собственными глазами, какъ безобразничали эти неучи надъ бѣдными дѣтьми, какъ доходили до 1.000,000 съ ученицами, едва ознакомившимися съ десяткомъ, какъ запугивали своимъ развязнымъ прикрикиваньемъ робкихъ дѣтей, какъ по солдатски заставляли отбивать тактъ при хоровомъ чтеніи и т. д. С. ходилъ торжествую-

щій, взглядывая на меня побѣдителемъ... Мнѣ было очень тяжело въ эти минуты.

«Я ждала собранія, разсчитывая въ немъ найти поддержку и справедливость. Собраніе началось отчетомъ С. о непригодности женщинъ-преподавательницъ и о необходимости замѣнить ихъ учениками «педагогическихъ курсовъ, которые въ прошлое-де воскресенье заявили практически свою пригодность». Собраніе отнеслось сочувственно къ этому отчету. С—му апплодировали...

«Возмущенная до глубины души, я забыла все на свѣтѣ, забыла, что здѣсь передо мною сидятъ всѣ тѣ, которыхъ я буду казнить безпощадно, забыла, что у меня здѣсь десятки враговъ и ни одного почти доброжелателя... Не помню теперь, что я говорила; но я увѣрена, что если бы были тамъ люди съ сердцемъ, они поняли бы, что это голосъ горячей любви и преданности къ извѣстной идеѣ. Я пророчила погибель школѣ, устроенной на такихъ принципахъ и съ такими людьми; я говорила, что мы создадимъ школу и докажемъ, что *женщина способна работать*; я говорила, что нѣтъ между ними людей, глубоко и искренно отдавшихся этому дѣлу... Слова мои оказались пророческими; но я не торжествую; мнѣ жаль моихъ силъ, затраченныхъ непроизводительно; жаль своего здоровья, надломившагося въ этой борьбѣ въ первый разъ; жаль своихъ страданій и слезъ... Я прощаю ихъ теперь въ душѣ тѣмъ людямъ, которые ихъ вызвали, — прощаю потому, что я теперь очень, очень счастлива... Къ концу собранія я заявила, что отказываюсь быть учительницей въ в. шк. общ. грамотности. В. Н. Том. и К. А. Б. послѣдовали моему примѣру... И не нашлось ни одной души, вызвавшейся сказать намъ теплое слово. Протестъ нашъ встрѣтилъ глубокое молчаніе... Я не виню людей, которые мало знали насъ, но были люди, слѣдившіе шагъ за шагомъ за всѣмъ ходомъ дѣла — и они молчали. Узнавши, что я оставила школу, ученицы всѣ до одной выбыли изъ нея, и въ первое же воскресенье пришли ко мнѣ.

«Изгнаніе» наше изъ общества грамотности вызвало сочувствіе въ обществѣ и дало намъ нѣсколько новыхъ союзниковъ. Наша домашняя школа насчитывала до 10-ти преподавательницъ и до 50-ти ученицъ... Все это собиралось по воскресеньямъ

въ нашей небольшой залѣ, вслѣдствіе чего становилось невыносимо душно и жарко. Все это утомляло меня до такой степени, что послѣ одного такого воскресенья я слегла въ постель.

«Сила обстоятельствъ вызвала во мнѣ мысль—просить разрѣшенія устроить школу въ большихъ размѣрахъ. Тутъ опять начался для меня рядъ испытаній. Нашлись, однако, посторонніе люди, отнесшіеся сочувственно къ этому дѣлу; въ числѣ ихъ былъ К. Когда онъ явился къ «начальству» съ просьбой о разрѣшеніи, то сказано было, что прежде всего необходимо указать на отвѣтственное лицо—распорядительницу. Съ сердечнымъ замираніемъ послали мы списокъ наличнаго числа учительницъ. Начальство посмотрѣло и отвѣчало, что въ спискѣ *нѣтъ ни одного лица достаточно благонадежнаго.* Поѣхала я къ отцу С. Я всегда знала его за человѣка умнаго и добраго; но какъ посмотритъ онъ на это сомнительное еще по своимъ результатамъ дѣло, хватитъ ли у него храбрости взять на себя иниціативу, — для меня являлось вопросомъ... Я съ нимъ говорила очень долго и старалась придать дѣлу какъ можно болѣе солидный и серьезный характеръ и какъ можно глубже затаивать степень моего увлеченія, моихъ колебаній, сомнѣній и страданій, что было для меня весьма трудно въ ту минуту. Отецъ С. слушалъ меня внимательно. Когда я окончила, онъ помолчалъ немного, потомъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ съ экзаменаторскимъ оттѣнкомъ, потомъ еще помолчалъ немного и, наконецъ, сказалъ не совсѣмъ рѣшительнымъ тономъ: «я согласенъ!»

«Счастливая я возвратилась домой, послала за нашимъ ходатаемъ по дѣламъ и объявила ему, что священникъ С. согласенъ взять на себя роль учредителя школы.

«К. отправился съ этимъ извѣстіемъ къ «начальству», «начальство» обѣщало представить на утвержденіе губернатора. Губернаторъ разрѣшилъ; но этого оказалось мало—потребовалось еще разрѣшеніе архіерея.

«Казалось, мы были у пристани; но это только казалось. Архіерей пришелъ къ убѣжденію, что «молодой вдовецъ-священникъ не можетъ быть руководителемъ женской школы». Мы сильно пріуныли и рѣшились просить совѣта «что намъ дѣлать» у самаго начальства.

«Предсѣдатель училищнаго совѣта отвѣчалъ: «если хотите, чтобы мы разрѣшили вамъ школу, просите быть учредительницей и распорядительницей кого-либо изъ администраціи, хотя, напр., жену правителя канцеляріи губернатора Е. И. Ц.»

«Къ счастію, Е. И. Ц. оказалась нашей хорошей знакомой и кромѣ своего положенія въ обществѣ, всегда казалась намъ хорошей и доброй женщиной. Въ то время она начала уже преподавать въ нашей домашней школѣ, хотя школа и не была еще разрѣшенною. Но опять-таки согласится ли она принять на себя званіе распорядительницы и учредительницы—являлось для меня вопросомъ.

«Ѣду я къ ней. Какъ ни было длинно мое предисловіе, оно нисколько не способствовало дѣлу: Е. И. отказалась на отрѣзъ.

«Я не робѣла и вымолила таки согласіе съ ограниченіемъ впрочемъ: Е. И. соглашалась быть распорядительницей, но не учредительницей.

«Подали прошеніе, въ которомъ распорядительницей школы предполагалась г-жа Ц., а учредителемъ отецъ С.

«Прошеніе было возвращено: требовалось, чтобы и распорядительницей и учредительницей была Е. И. Ц. Отецъ С. долженъ былъ только «слѣдить за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы».

«Я не знала, какъ мнѣ показаться на глаза Е. И. Ц—ой, и, какъ на отчаянную мѣру, рѣшилась на обманъ.

«Пріѣхавши къ ней, я весьма развязно развернула прошеніе и просила ее подписать свое имя, разсчитывая, что она не прочтетъ самаго прошенія, такъ какъ она читала уже его въ его первобытномъ видѣ.

«Минута была критическая. Надежды мои не оправдались. Е. И. прочла прошеніе и, не смотря на все свое добродушіе, поняла мой умыселъ и съ укоризной взглянула на меня.

«Опять начался съ моей стороны рядъ моленій и доказательствъ и на этотъ разъ окончился благополучно...

«Училищный совѣтъ разрѣшилъ намъ школу; дѣло стало за помѣщеніемъ.

«А между тѣмъ время шло да шло; народу прибавлялось все больше и больше въ нашей тѣсной залѣ; я чувствовала,

что еще нѣсколько мѣсяцевъ и я не вынесу ни этой работы, ни этихъ страданій.

«За помѣщеніемъ намъ совѣтывали обратиться къ городскому головѣ. Голова далъ разрѣшеніе. Мы явились съ нимъ къ смотрителю, завѣдывающему училищемъ.

«Что мнѣ за дѣло до городскаго головы, отвѣчалъ смотритель; у меня есть свое начальство—попечитель!»

— «Но вѣдь домъ принадлежитъ городу? «Ничего не значитъ!» Мы просили его Христомъ-Богомъ съѣздить къ попечителю. На другой день мы явились за отвѣтомъ. «Ну, mesdames, сказалъ смотритель тономъ соболѣзнованія, вы меня не вините, я тутъ не причемъ. Попечитель сказалъ мнѣ: «Если хотите лишиться мѣста, отдайте помѣщеніе подъ школу. Вы сами посудите—я человѣкъ женатый, у меня дѣти!..»

— «Что же намъ дѣлать? сказала я, глядя на него съ чувствомъ полнаго и глубокаго отчаянія.

«Доброе сердце смотрителя, повидимому, тронулось моимъ горемъ. «Вотъ что я вамъ посовѣтую, сказалъ онъ, поѣзжайте къ генеральшѣ В. Попечитель имъ знакомъ. Просите ее быть попечительницей школы и оказать вамъ содѣйствіе у попечителя».

«Ѣду къ г-жѣ В. Къ счастію, она весьма симпатично отнеслась къ моей просьбѣ и охотно вызвалась ходатайствовать о школѣ. При чемъ, впрочемъ, попросила меня тутъ же написать ей списокъ участвующихъ лицъ.

«Взявшись за перо и изображая дрожащей отъ волненія рукой званіе и фамиліи нашихъ труженицъ, я думала: Боже мой! Почему передъ каждой изъ васъ—друзей моихъ, я не могу поставить какого-нибудь титула и оградить отъ участи быть вычеркнутой изъ списка».

«На другой день г-жа В. передала мнѣ, что попечитель согласенъ и съ удовольствіемъ даетъ право на помѣщеніе.

«Мы поѣхали съ Е. И. сообщить объ этомъ смотрителю «Какъ бы не такъ, сказалъ онъ, такъ вотъ я ему и повѣрю; онъ тамъ вамъ, барынямъ, говоритъ одно, а меня турнетъ послѣ съ мѣста. Привезите-ка мнѣ письменное удостовѣреніе!»

«Ѣду опять къ г-жѣ В. Ѣдетъ она опять къ попечителю и привозитъ, наконецъ, письменное удостовѣреніе.

«Это письменное удостовѣреніе хранится у меня до сихъ поръ «при дѣлахъ школы».

«Везу я его къ смотрителю, убаюкивая себя сладостной мыслію, что, наконецъ, мои страданія кончены. Смотритель взялъ бумагу, поглядѣлъ на нее пристально и сказалъ: «Да! это его рука!» и, возвращая мнѣ документъ, добавилъ: «Вы желаете сдѣлать открытіе школы въ воскресенье, между тѣмъ мнѣ говорили, что вы *не имѣете диплома!*»

— «Какъ диплома!? сказала я чуть держась на ногахъ, я думала, что необходимо только выхлопотать разрѣшеніе... Помилуйте, я 8 лѣтъ занимаюсь обученіемъ дѣтей!..

«Это ничего не значитъ, отвѣчалъ смотритель, необходимо держать *экзаменъ!*» Какой? У кого? Изъ чего? «При училищномъ совѣтѣ: изъ русскаго языка, ариѳметики и закона Божія!»

«По случаю моего экзамена открытіе школы отложилось еще на мѣсяцъ. Трепетно перебирая въ умѣ своемъ всѣ молитвы и заповѣди, шла я на экзаменъ. За столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли смотритель, священникъ и предсѣдатель училищнаго совѣта, профессоръ Д...

«Подойдя къ столу, я взялась за уголъ его, боясь упасть. Вѣроятно, предсѣдатель понялъ это и поспѣшно поставилъ мнѣ стулъ. Я сѣла.

«Мысль, что отъ каждаго моего слова зависитъ «быть, или не быть» школѣ, какъ-то болѣзненно давила меня, я чувствовала слезы въ горлѣ и готова была расплакаться...

«Наконецъ окончилось испытаніе. «Это ваше свидѣтельство на право преподаванія! сказалъ мнѣ учтиво предсѣдатель, передавая бумагу. Я чуть не заплакала отъ радости...

«И теперь время отъ времени я гляжу въ шкатулку, чтобы справиться, цѣло ли оно—это свидѣтельство, такъ дорого оно мнѣ досталось... Да, оно цѣло, его теперь никто, никогда не отниметъ отъ меня... Но за то нѣтъ у меня прежняго здоровья, нѣтъ у меня прежнихъ силъ и—прежней энергіи хотѣла, было, сказать я, но это была бы неправда! Еще не покидаетъ меня эта энергія...»

Сколько силъ потрачено втунѣ на столь простое, повидимому, дѣло, какъ *открытіе школы!* Однако-же, благодаря этимъ усиліямъ, школа, наконецъ, была *открыта*. Открытіе ея соверши-

лось 22 марта 1870 г. На открытіи присутствовалъ попечитель округа А. А. Воскресенскій, предсѣдатель учил. сов., профессоръ Деларю. Званіе почетной попечительницы школы приняла на себя А. П. Вернадская; распорядительница школы Е. И. Цвѣткова; наблюдатель за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы о. Любицкій. Помѣщеніе школы отведено въ домѣ городскаго приходскаго училища (г. Костюрина), на Сумской улицѣ, гдѣ школа помѣщается и до нынѣ.

Собственно основательница школы, такъ много за нее выстрадавшая, посвятившая ей свои средства, силы, заботы, симпатіи, сдѣлавшая ее дѣломъ своей жизни (Х. Д. Алчевская), предпочла остаться въ скромной, незамѣтной роли учительницы своей дорогой школы, наравнѣ съ другими труженицами.

Школа была основана. Идея этой школы и самое возникновеніе ея, какъ видѣли читатели, стоятъ въ связи съ тѣмъ пробужденіемъ русскаго общества, которое въ свое время вызвало массу воскресныхъ школъ на Руси. Но школы тѣ столь же скоро исчезли, какъ быстро возникли. То былъ порывъ, непрочный и не долговѣчный. Что-же? Нѣтъ-ли чего-либо сходнаго въ Харьковской ж. в. школы съ былыми воскресными школами? Крѣпка-ли эта школа? Долгожизненна-ли она? Есть-ли въ ней гарантіи на прочность существованія? На эти важные для школы вопросы всего лучше отвѣчаетъ самый фактъ существованія школы. Харьковская женская воскресная школа не только уцѣлѣла, она роскошно сложилась, окрѣпла и съ каждымъ годомъ идетъ впередъ, изъ силы въ силу. Познакомившись съ внѣшней и внутренней организаціей школы, читатель ясно увидитъ причины этого явленія; теперь же мы отмѣтимъ лишь фактъ постепеннаго роста школы и укажемъ на признаніе его со стороны людей компетентныхъ.

Баронъ Корфъ одинъ изъ первыхъ заинтересовался Харьковскою частною женской воскресною школой и познакомившись съ нею, на первыхъ-же порахъ далъ самый благопріятный отзывъ о школѣ и ея будущности. Посѣтивъ затѣмъ школу въ 1872 году, онъ нашелъ ее неузнаваемою: такъ быстро она двинулась впередъ и такъ прочно стала она на живой практической почвѣ дѣла. По этому поводу бар. Корфъ писалъ:

«У насъ на Руси частенько умѣютъ рвануть, да не станетъ

терпѣнія и настойчивости; вотъ почему и любопытно было намъ вновь заглянуть въ ту же воскресную школу, въ которой мы были годъ тому назадъ. Мало-ли было у насъ, читатель, воскресныхъ школъ въ шестидесятыхъ годахъ, а гдѣ онѣ? Гдѣ тѣ дѣятели, которые когда-то такъ ревностно, повидимому, были преданы дѣлу? Вѣдь то была молодежь; значитъ, эти дѣятели не могли вымереть по настоящее время? Гдѣ же они?.. Они живы, дѣйствуютъ на различныхъ поприщахъ и продолжаютъ «*сочувствовать*» народному образованію, переставъ *содѣйствовать* ему,—а почему? «А потому», говоритъ онъ, «что дѣйствовать нельзя при существующихъ порядкахъ». Пусть же знакомство съ Харьковскою воскресною школою, которой не мѣшаютъ существующіе порядки, заставитъ призадуматься этихъ «дѣятелей» надъ силою когда-то руководившихъ ими побужденій, и пусть слишкомъ робкіе или нерѣшительные изъ ихъ среды почерпнутъ силу въ примѣрѣ харьковской воскресной школы, организованной на точномъ основаніи Положенія о народныхъ училищахъ 1864 года. Повторяемъ, что при этомъ намъ кажется особенно существеннымъ то обстоятельство, что эта женская воскресная школа существуетъ уже *третій годъ*, и что, слѣдовательно, просвѣтительная дѣятельность учредителей ея *не порывъ*, не мимолетное увлеченіе, а серьезное и настойчивое служеніе на пользу общую *).

Вскорѣ Харьковскую женскую воскресную школу посѣтилъ педагогъ Евтушевскій. Въ письмѣ своемъ, на имя учительницы, г-жи Алчевской, онъ говоритъ, что «какъ человѣкъ осторожный и мало довѣрчивый», даже въ виду отзывовъ о школѣ людей компетентныхъ, составилъ себѣ понятіе о ней далеко не сходное съ тѣмъ, которое составилось у него послѣ личнаго знакомства со школой.

«Видѣнныя мною воскресныя школы,—пишетъ онъ,—въ прежнія времена въ Петербургѣ наводили меня невольно на мысль, что школа въ Харьковѣ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, не могла по организаціи и ходу дѣла много отъ нихъ отличаться, а о Петербургскихъ школахъ (бывшихъ) я не могу сказать

*) Бар. *Корфъ*, Наше школьное дѣло. Сборникъ статей по училищевѣдѣнію. М. 1873 г., стр. 131.

много хорошаго, хотя въ этомъ отношеніи и расхожусь съ покойнымъ Ушинскимъ. Участіе очень многихъ лицъ въ вашей школѣ наводило меня на сравненіе съ подобнымъ же положеніемъ дѣла въ Петербургѣ, гдѣ участники отличались только добрымъ и живымъ расположеніемъ къ дѣлу, но не имѣли къ нему достаточной подготовки, не обладали достаточными свѣдѣніями и практикой, а потому не помогали другъ другу, а, напротивъ, одинъ другаго путали въ общемъ дѣлѣ. Въ большей части случаевъ не было въ школѣ *хозяина*, который бы заправлялъ дѣломъ, а потому не было порядка, не было и успѣха,— всякъ дѣйствовалъ по своему соображенію, безъ строго опредѣленной напередъ программы дѣйствій и безъ указанія человѣка, въ головѣ котораго былъ бы установившійся планъ работы. Изъ посѣщенія школы въ Харьковѣ я, взамѣнъ прежнихъ, вывелъ слѣдующія соображенія: а) школа въ лицѣ вашемъ имѣетъ *надежнаго хозяина*, который знаетъ что̀ дѣлаетъ, и хотя дрожащею рукой, но смѣло и правильно поворачиваетъ руль своего корабля; b) всѣ участники школы, повидимому, выработали *опредѣленный планъ дѣйствій*, строго его придерживаются и дѣйствуютъ *единодушно* и однообразно, чѣмъ обусловливаютъ значительный успѣхъ школы, свидѣтелемъ котораго я былъ въ Харьковѣ, и с) между участниками школы существуетъ, вѣроятно, большое *сближеніе* и самыя лучшія *дружественныя отношенія*, чѣмъ только и можно объяснить себѣ то согласіе, которое я замѣтилъ въ ихъ дѣйствіяхъ; значитъ доброе дѣло сплотило хорошихъ людей и хотя мало по малу, но мѣрно и правильно, дружными усиліями подвигается впередъ. Великое спасибо хорошимъ людямъ за доброе дѣло! Побольше бы такихъ усилій и начинаній и наше школьное, маленькое съ виду, дѣло пошло бы быстрыми шагами впередъ. Только дружныя усилія частныхъ лицъ, свято преданныхъ школѣ, могутъ принести ей существенную пользу. Отъ души желаю, чтобы прекрасное настроеніе кружка, сформировавшагося около васъ, оставалось навсегда непоколебимымъ.»

Посѣтивъ лично школу, мы можемъ заявить съ увѣренностію, что добрыя пожеланія Харьковской ж. в. школѣ исполнились, дальнѣйшее изложеніе дѣла всего лучше покажетъ, что такое теперь эта школа и въ какомъ состояніи она находится.

Внѣшняя организація Харьковской женской школы.—Помѣщеніе ея.—Матеріальныя средства школы.—Библіотека и музей.—Пользованіе ими.

Правильное обученіе возможно только въ школѣ благоустроенной. Х. ж. в. школа въ этомъ отношеніи не оставляетъ желать ничего лучшаго. Благодаря отчасти жертвамъ учительницъ, а главнымъ образомъ щедрости Хр. Д. Алчевской, школа съ внѣшней стороны организована прекрасно. Учительницы, жертвуя трудомъ и временемъ, въ то же время многія взносили по 10 р. на устройство школы. Хр. Д. Алчевская жертвовала на школу ежегодно не менѣе 300 р. (считая пожертвованія деньгами и вещами), при чемъ ею же устроена отчасти мебель для школы и пожертвована главная часть учебныхъ пособій, коллекцій, книгъ, картинъ; въ общей сложности эти жертвы весьма значительны и цѣнны. Кромѣ того, въ школу жертвовали книгами и вещами частныя лица и учительницы (г-жи Гордѣенко, Чирикова, Максимовичъ, Гольманъ, гг. Фесенко, Журавлевъ и др.). Пожертвованія эти для школы были весьма дороги; особенно жертвы г-жи Алчевской были цѣнны, потому что съ ними соединялось всегда нѣкоторое педагогическое возбужденіе въ школѣ. Каждый разъ, когда Хр. Даниловна пріѣзжала въ Петербургъ, она запасалась массою новыхъ книгъ, пособій, руководствъ; и такъ какъ въ то же время въ Петербургѣ она имѣла случай видѣться и бесѣдовать съ представителями педагогической литературы, посѣщать школы въ столицахъ и вообще изучать всякія улучшенія въ школьномъ дѣлѣ, то пріѣздъ ея въ Харьковъ былъ праздникомъ: возбуждались новые вопросы въ педагогическомъ кружкѣ школы, разматривались привезенныя пособія, обсуждалось ихъ практическое примѣненіе, подвергались разбору новыя привезенныя книги и проч. Словомъ, благодаря Христинѣ Даниловнѣ, школа всегда имѣла возможность слѣдить за всѣми улучшеніями въ школьномъ дѣлѣ и за всѣми вновь выходящими книгами и пособіями по педагогикѣ.

Помѣщеніе школа имѣетъ прекрасное. На одной изъ лучшихъ улицъ Харькова купецъ Костюринъ выстроилъ для городскаго училища помѣстительный каменный домъ, который и

предоставляется по праздникамъ въ полное распоряженіе школы. Комнаты высоки, свѣтлы, помѣстительны, снабжены достаточно мебелью. Каждое воскресенье всѣ шесть комнатъ обоихъ этажей училища наполняются шумною, полною жизни и движенія толпою ученицъ и учительницъ. При школѣ есть и открытое мѣсто для рекреацій, гдѣ въ лѣтнее время ученицы прогуливаются во время отдыха. Вообще внѣшній видъ Харьковской ж. в. школы весьма привлекателенъ. Вездѣ чистота, опрятность и въ тоже время шумная, кипучая жизнь; серьезно-добродушныя лица учительницъ, веселыя лица ученицъ, бодрость и довѣріе, господствующія въ школѣ производятъ, на посѣтителя самое выгодное впечатлѣніе. Въ классахъ же стоятъ шкафы съ книгами, по стѣнамъ картины, планы, атласы. Но собственно для храненія учебныхъ пособій школы отведена особая комната въ верхнемъ этажѣ.

При школѣ имѣются *двѣ библіотеки и педагогическій музей. Библіотека для учащихся* состоитъ исключительно изъ книгъ, одобренныхъ Мин. Нар. Просвѣщенія. *Библіотека для учительницъ* заключаетъ въ себѣ богатый и избранный матеріалъ для общаго и педагогическаго самообразованія учительницъ. *Музей* заключаетъ въ себѣ полныя коллекціи и собранія по разнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія, какъ матеріалъ для предметныхъ уроковъ.

Не касаясь состава библіотеки для ученицъ, опредѣленной каталогомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, замѣтимъ только, что книжки изъ этого отдѣла библіотеки не только служатъ для классныхъ занятій, но и выдаются ученицамъ на домъ по желанію. Здѣсь находятся лучшіе педагогическіе труды нашихъ писателей.

Въ отдѣлѣ собственно для учительницъ находятся избранныя произведенія русскихъ и иностранныхъ *классическихъ авторовъ* и пособія по всѣмъ предметамъ учебнаго курса школы, избранные педагогическіе журналы.

Библіотека и музей находятся въ завѣдываніи г-жи Крамаревой, одной изъ основательницъ школы, трудящейся почти съ первыхъ поръ ея возникновенія.

Музей представляетъ рѣдкое для школы собраніе наглядныхъ пособій для предметныхъ уроковъ.

Такъ, въ отдѣлѣ *зоологіи* здѣсь находятся чучела и модели изъ папье-маше: обезьянъ, летучей мыши, представители отряда *насѣкомоядныхъ* (кротъ, ежъ); — *плотоядныхъ* (собака, лисица, левъ, леопардъ, гіена, соболь, горностай, хорекъ, ласка, бѣлый и бурый медвѣди, еноть);—*грызуновъ* (бѣлка, заяцъ, сурокъ, сусликъ, мышь, крыса, бобръ и др.); — *многокопытныхъ* (бегемотъ, носорогъ, слонъ); *однокопытныхъ* (лошадь, лошакъ, мулъ, оселъ); *двукопытныхъ* (верблюдъ, жирафъ, сѣв. олень, корова, быкъ, буйволъ, козелъ, овца, баранъ);—*ластоногихъ* (китъ, тюлень, дельфинъ и др.). Изъ *птицъ:* орелъ, соколъ, копчикъ, попугай, дятелъ, галка, утка, выпь, коростель, курица, воробей, страусъ и др. Изъ *земноводныхъ:* черепахи, ящерицы, крокодилы, змѣи, ужи (въ спирту) и др.

Изъ *рыбъ:* щука, тарань, стерлядь, лещъ (чучела), камбала, вьюнъ, минога, сельдь (въ спирту). *Насѣкомыя:* пчела съ ея производствомъ, коллекціи бабочекъ, жестокрылыхъ, насѣкомыхъ, пауковъ, ракообразныхъ; кромѣ того есть модель улья, коллекціи раковинъ и пр.

По *ботаникѣ:* коллекціи сѣмянъ, собраніе злаковъ и ихъ продуктовъ, образцы деревъ въ разныхъ видахъ и производствахъ, окаменѣлыя деревья.—Ботаническіе атласы.

По *минералогіи:* магнитный желѣзнякъ, соль поваренная, мергель, нашатырь, жел. купоросъ, конгломератъ, образцы рудъ и глины, коллекція самоцвѣтныхъ камней, горный хрусталь.

По *математикѣ:* счеты, сажень, квадратныя и кубическія мѣры, вѣсы, дробные счеты и пр.

По *географіи и физикѣ:* барометръ, компасъ, водородное огниво, планетарій, глобусы, теллурій, стереоскопъ, микроскопъ; типы племенъ, сибирская почта, собранія сырыхъ и обработанныхъ произведеній, модели солеварни, градирни, коллекціи красокъ, образцы кожъ, типографскій наборъ; модели мебели и лодокъ, домашней столовой и кухонной посуды, различные атласы (напр., Pape-Carpantier), картины для нагляднаго обученія, историческія картины, карты (Россіи, Палестины) и проч. Вообще въ цѣломъ своемъ видѣ музей школы представляетъ богатую и весьма цѣнную коллекцію для практическаго элементарнаго ознакомленія учениць съ окружающею природой, а при чтеніи книгъ—и съ произведеніями другихъ странъ.

Читатель согласится, что уже одинъ перечень учебныхъ пособій школы и описаніе ея внѣшней обстановки сами собою говорятъ о той заботливости, съ какою отнеслись къ ней ея организаторы. Это вполнѣ понятно. Какъ хорошій хозяинъ внимательно слѣдитъ даже за мелочами своего хозяйства, хорошо зная, что только непосредственное участіе и надзоръ обусловливаютъ правильный ходъ его; такъ и учредители школы, заинтересованные ея прочностью, развитіемъ и вообще будущностью школы, вполнѣ внимательно отнеслись къ матеріальному ея обезпеченію. Всякій, понимающій значеніе матеріальныхъ условій въ школьномъ дѣлѣ, признаетъ, что указанный фактъ прежде всего говоритъ о серьезномъ отношеніи учительницъ къ дѣлу и въ то же время составляетъ ручательство его прочности. Замѣтимъ при этомъ, что многія изъ учительницъ, жертвовавшихъ на школу, своими трудами обезпечивали себя и свои семьи, значитъ хорошо знали цѣну копейкѣ.

Обсужденіе правильной организаціи *хозяйственной части* школы служило предметомъ обсужденія и на собраніяхъ учительницъ. Завѣдываніе библіотекой представляло не мало хлопотъ и требовало значительнаго пожертвованія трудомъ и временемъ; пользованіе учебными ея пособіями не разъ обсуждались учительницами; въ протоколахъ ихъ собраній я встрѣтилъ, между прочимъ, слѣдующіе вопросы, которые въ разное время ставились на общее обсужденіе и рѣшеніе. По недостатку мѣста, мы ограничимся лишь перечнемъ вопросовъ.

— О завѣдываніи *библіотекой*.

— О необходимости имѣть *помощницу* библіотекаря, для замѣны на случай болѣзни.

— О введеніи правильнаго *порядка въ выдачѣ книгъ* и пріемѣ ихъ, а также въ пользованіи учебными пособіями.

— О состояніи *кассы* воскресной школы и ея ресурсахъ (періодическій докладъ, съ указаніемъ прихода, расхода и остатковъ по школѣ).

— О составленіи библіотечнаго *каталога*.

— О необходимости, для *удостовѣренія* въ томъ, что ученицы, получающія на домъ книги, читаютъ ихъ, распрашивать, по возможности, о содержаніи прочитаннаго.

— О необходимости ввести порядокъ при *выдачѣ и возвращеніи* учебныхъ пособій послѣ занятій.

(Положено, чтобы ученицы при окончаніи урока не расходились, пока не сдадутъ своихъ книгъ и учебныхъ пособій; на учительницѣ же лежитъ обязанность аккуратной уборки тѣхъ и другихъ въ шкафы).

— О пользѣ внимательнаго пересмотра книгъ для учащихся, при чемъ въ отзывахъ о книгахъ предположено обозначать, для какого возраста и для какой степени развитія книга пригодна.

— Объ организаціи *учительской* библіотеки.

— О выпискѣ новыхъ *журналовъ* учено-литературнаго и спеціально-педагогическаго содержанія.

— Объ организаціи *музея* школы и постепенномъ его пополненіи, по мѣрѣ нужды, по заявленіямъ учительницъ.

— О выдачѣ наглядныхъ пособій изъ музея и о приготовленіи къ урокамъ учительницъ.

Изъ ряда приведенныхъ вопросовъ можно видѣть, что учительницы, пріобрѣтая учебныя пособія, въ то же время заботились, чтобы они не лежали мертвымъ капиталомъ, но шли бы въ оборотъ, и содѣйствовали пріобрѣтенію умственнаго капитала учащими и учащимися.

Личный составъ корпораціи Харьковской женской воскресной школы. — Учительницы и ученицы. — Вопросы о безплатности педагогическаго труда. — Причины колебаній въ числѣ учащихся въ школѣ.

Воскресныя школы стоятъ у насъ въ положеніи особенномъ, совершенно исключительномъ. Составляя явленіе частной иниціативы, воскресныя школы являются безусловно *свободными* для посѣщенія какъ учащихъ, такъ и учащихся. Поэтому и понятіе «корпораціи», повидимому, неприложимо къ воскреснымъ школамъ. Такъ оно и есть въ отношеніи другихъ воскресныхъ школъ; но Харьковская и въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе. Читатели ниже увидятъ, какъ тѣсно связаны и учащіяся и учащія единствомъ труда и цѣлей

въ этой школѣ. Это не только *корпорація* — живой, коллективный педагогическій организмъ, но дружеская *семья*, соединенная общностью труда, интереса и личныхъ симпатій, что мы и покажемъ въ своемъ мѣстѣ. Однако-же, не смотря на эту живую связь школы, число и учащихъ и учащихся не всегда было равномѣрно въ разные годы и даже въ разныя времена года. Причинъ для этого много.

Со дня открытія школы въ ней уже насчитывалось преподающихъ 115. Изъ нихъ 107 преподавательницъ и 8 преподавателей. Въ настоящее время, изъ числа учительницъ, бывшихъ при открытіи школы, остались три: Х. Д. *Алчевская*, Н. Ѳ. *Крамарева* и В. Н. *Томашевская*, а изъ учителей: законоучитель о. *Любицкій*, Л. Д. *Журавлевъ* и нѣсколько позднѣе М. Д. *Линда*.

Теперешній составъ школы представляетъ 26 преподающихъ; изъ нихъ 19 учительницъ и 7 учителей. Число учащихъ впродолженіи существованія школы колебалось между 20-ю и 30-ю, никогда не падая впрочемъ ниже 20.

Причины выбытія учительницъ изъ школы зависятъ, главнымъ образомъ, отъ отъѣзда, который обусловливается большею частью выходомъ замужъ и пріисканіемъ занятій внѣ города (такъ какъ большинство преподающихъ съ недостаточными средствами), а также по другимъ семейнымъ обстоятельствамъ.

По *образованію* учительницы распадаются на слѣдующія группы: гимназическаго образованія 49; домашняго образованія 34; институтокъ 11; пансіонерокъ 8 и 7 изъ духовнаго женскаго училища.

Что касается *преподавателей*, то они, исключительно, по образованію и профессіи—педагоги.

О преподавательницахъ можно замѣтить еще, что большая часть изъ нихъ *дѣвицы* и самый незначительный процентъ представляютъ замужнія; возрастъ ихъ большею частью заключается между 16-ю и 30-ю годами и незначительное число отъ 30 до 50 лѣтъ. Изъ наблюденій надъ школою было замѣчено еще, что посѣщеніе школы учительницами совершается не всѣми одинаково, а вслѣдствіе этого являются учительницы аккуратныя и неаккуратныя, хотя и послѣднія опускаютъ уроки по причинамъ уважительнымъ. Обстоятельство это вызвало,

между прочимъ, распредѣленіе учительницъ на группы, причемъ «запасныя» учительницы замѣняютъ мѣсто отсутствующей, и преподаваніе идетъ всегда безъ перерывовъ и опущеній.

Замѣчательно при этомъ, что ученицы гораздо охотнѣе занимаются съ учительницами, чѣмъ съ учителями. Въ «педагогическомъ дневникѣ» Хр. Д. Алчевской я по этому поводу встрѣтилъ слѣдующую интересную замѣтку.

«Нельзя не остановиться на совершенно непонятномъ для меня антагонизмѣ ученицъ къ преподавателямъ. Сегодня въ 1-й классъ запоздала учительница и долженъ былъ заниматься преподаватель. Ученицы остановили меня рѣшеніемъ, что онѣ разойдутся, если съ ними будетъ заниматься *не* учительница. Занятая мыслью о предстоящемъ урокѣ въ старшемъ классѣ, я мимоходомъ только замѣтила имъ, что это «очень глупо», и просила учительницъ Кр—ву и Др—ву водворить порядокъ. Онѣ возвратились ко мнѣ съ полною неудачей; но въ эту минуту появилась учительница перваго класса и была съ восторгомъ встрѣчена своими обрадованными ученицами. Онѣ цѣловали ее и со всѣхъ сторонъ кричали: «Душечка, Ольга Владиміровна! какъ мы рады» и пр.

«Этотъ антагонизмъ къ учителямъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что преподаватель—очень опытный, умный педагогъ и многія изъ нашихъ учительницъ были его ученицами, вполнѣ преданный дѣлу народнаго образованія, онъ при этомъ искренно любитъ дѣтей. Положимъ, можно видѣть въ этомъ случаѣ капризъ ученицъ; но, съ другой стороны, мыслимо-ли *насиліе* въ такомъ дѣлѣ, какъ воскресное безплатное преподаваніе?—По моему «нѣтъ»!

Конечно, скажемъ мы; хотя вопросъ остается не разъясненнымъ.

Какъ уже замѣтили мы, всѣ учащіе въ Харьковской ж. в. школѣ трудятся *безплатно*, жертвуя даже свои средства на поддержку школы. Шестилѣтнее существованіе школы, блестящая ея обстановка, успѣхи преподаванія—фактически говорятъ, что здѣсь дѣйствуетъ не минутное увлеченіе, но сознательная преданность дѣлу, живое и дѣятельное стремленіе просвѣщенныхъ представителей образованнаго общества послужить на пользу общую.

Вопросъ о *вознагражденіи* учительницъ за труды поднятъ былъ Д. Семеновымъ, который въ апрѣлѣ 1871 года посѣтилъ школу. Вопросъ этотъ, тѣсно связанный съ будущностью школы, взволновалъ тѣхъ, кому ближе всего и дороже всего была школа, созданная безкорыстными усиліями, преданностію къ святому дѣлу, доходившею до сомоотверженія. Г. Семеновъ выразилъ сомнѣніе, чтобы школа могла существовать, не платя гонорара учительницамъ; онъ не вѣрилъ въ возможность или не признавалъ практической силы самоотверженнаго служенія доброму дѣлу; допуская его, какъ минутную вспышку увлеченія, онъ предсказываетъ, что дѣло разсыпется безъ денежныхъ ресурсовъ, обезпечивающихъ вознагражденіе рабочей силы въ школѣ. Обобщая тему вопроса, можно сказать, что дѣло шло объ идеализмѣ и практическомъ утилитаризмѣ въ педагогическомъ дѣлѣ. Мнѣнія раздѣлялись. Это понятно, такъ какъ рѣшеніе зависѣло прежде всего отъ чисто-субъективнаго убѣжденія въ возможности или невозможности продолжительнаго, настойчиваго, твердаго труда на общую пользу, помимо личныхъ эгоистическихъ разсчетовъ. Кто сознаетъ *въ себѣ* такую возможность, тотъ естественно допуститъ ее и *въ другихъ*; въ комъ нѣтъ личной вѣры въ такую возможность, для того она—мечта, фраза, минутная экзальтація.

Не отрицая того, что плата за трудъ дѣло почтенное и полезное, бар. Корфъ, въ отношеніи воскресной школы, считалъ болѣе вѣрнымъ импульсомъ труда—безкорыстную ему преданность. «Говорятъ, что это непрочно,—пишетъ онъ;—но я спрошу: составляетъ ли полученіе платы, хотя бы 2 р. за урокъ, настолько сильное побужденіе, вслѣдствіе котораго труженица на долго могла бы законтрактовать свой единственный свободный день въ недѣлю? И не гораздо-ли прочнѣе, по продолжительности результатовъ, если побужденіемъ къ посѣщенію воскресной школы будетъ служить исключительно стремленіе послужить святому дѣлу,—такое побужденіе, предъ которымъ меркнетъ стремленіе заработать два рубля?» Указывая далѣе на самый фактъ существованія даровой школы въ Харьковѣ, какъ на лучшее доказательство, которое «говоритъ само за себя», бар. Корфъ обращается къ вопросу, откуда, изъ какого источника школа могла бы платить учительницамъ: «ужъ не съ ученицъ-ли брать,

для того чтобы всѣхъ разогнать изъ школы?» А по соображенію г. Семенова, на плату за уроки нужно до 2.000 р. въ годъ, цифра не маленькая. «Преподавательницы, какъ сказано въ протоколѣ собранія ихъ, полагаютъ прочность своей школы въ томъ удовольствіи, которое она имъ доставляетъ и котораго онѣ не чувствуютъ себя способными продать ни за какія деньги. Большинство преподавательницъ трудятся и помимо воскресной школы; онѣ хорошо знаютъ цѣну заработанной копѣйки, но онѣ считаютъ себя способными работать и безъ платы не менѣе добросовѣстно.»

Поставленный вопросъ, затрогивая самую возможность существованія школы, ея будущность, вызвалъ энергическій отвѣтъ со стороны Хр. Д. Алчевской въ письмѣ къ г. Семенову. Мы считаемъ обязанностью привести здѣсь эту апологію свободнаго труда, написанную краснорѣчиво и проникнутую глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ защищаемаго дѣла.

«Деньги—вещь хорошая!» говорите вы. «Трудъ долженъ вознаграждаться. Только тогда дѣло стоитъ прочно, когда работа оплачивается. Разсчитывать на пылъ увлеченья не практично»! Все это совершенно вѣрно съ одной стороны; но съ другой стороны, неужели деньги единственный рычагъ, двигающій всѣхъ и все?.. Неужели *все* можно купить и продать за деньги? Не слишкомъ-ли это меркантильный взглядъ? Гдѣ же послѣ этого *вѣра въ подвигъ*, въ неподкупность убѣжденій, въ страданіе за идею добра и т. д. А между тѣмъ примѣры тысячами приходятъ на память. Возьмемъ хоть К., кто платитъ ему за его неусыпный трудъ? Не есть-ли это безкорыстная преданность дѣлу, не есть-ли это жажда подвига, та святая жажда, лишившись которой среди жизненныхъ дрязгъ, человѣкъ становится или черствымъ эгоистомъ, или апатичнымъ человѣкомъ. Вы возразите мнѣ на это, что такихъ людей мало. Я совершенно съ вами согласна; но за то вмѣсто того, чтобы поднять цѣлый уѣздъ на ноги, вмѣсто того, чтобы устроить 5—10, можно устроить одну школу, можно 10—20 душъ поднять на ноги и съ той же преданностью относиться къ дѣлу и также *прочно* любить его. Возьмемъ примѣръ изъ жизни. Одна изъ нашихъ учительницъ NN трудится цѣлую недѣлю для прокормленія семьи. Не смотря на это, она находитъ, однако, нѣсколько свободныхъ минутъ и

отдаетъ ихъ своему любимому завѣтному дѣлу, подготовленію къ школьному уроку. Въ воскресенье, единственный день отдыха, она спѣшитъ въ школу. Тамъ ждетъ ее кружокъ друзей, проникнутыхъ стремленіемъ къ одной цѣли, тамъ ждутъ ее веселыя лица дѣтей, для которыхъ эта труженица приноситъ свою посильную лепту, и она *счастлива* и *горда* этимъ сознаніемъ.

«Какъ смѣрить все это копѣйками? Какъ предложить за это рубль серебромъ?

«Но теорія часто расходится съ практикой; такъ было и со мной. Улучивъ, какъ казалось мнѣ, удобную минуту, я таки предложила этотъ рубль серебромъ... Во вѣкъ не забуду того выраженія лица, которое служило мнѣ отвѣтомъ. «Христина Даниловна, сказала мнѣ NN., не отнимайте у меня дорогаго права! Мысль, что и я, на долю которой выпалъ тяжелый трудъ чернорабочаго, умѣю завоевать себѣ у жизни нѣсколько свободныхъ минутъ для любимаго дѣла, весьма отрадна мнѣ. Я отдыхаю въ школѣ... И съ кого я буду брать? Съ общества? Но развѣ я не вижу, какъ холодно оно относится къ дѣлу. Со школы?.. Но развѣ я не знаю средствъ ея? Съ дѣтей?..» И она не могла кончить отъ слезъ.

«Это былъ единственный разъ, въ который я отступила, было, отъ своего завѣтнаго убѣжденія, «что есть вещи, которыхъ *купить* невозможно», и послѣ этого еще тверже укрѣпилась въ немъ. Я указала вамъ одинъ примѣръ, а ихъ много и проходить безслѣдно они не могутъ, потому что это факты. Я вѣрю, твердо вѣрю, что есть въ обществѣ люди, готовые всецѣло отдаться любимому дѣлу; что люди эти энергичнѣе, теплѣе и болѣе способны трудиться и совершенствоваться во имя дѣла, чѣмъ наемщики; что эти люди развитѣе и даровитѣе наемщиковъ; что эти люди способны внести больше на алтарь народнаго образованія. Лишись я этой вѣры, я чувствовала бы себя весьма несчастной. Убивать эту вѣру въ другихъ я считаю деморализаціей.

«И гдѣ же они, укажите мнѣ, эти спеціалисты, эти народные учителя? Выгнанные семинаристы, разлѣнившіеся ученики гимназій, полуграмотные питомцы нашихъ педагогическихъ курсовъ? Я вѣрю, что ихъ можно научить правильнымъ пріе-

мамъ звуковаго метода, или подражательно механической передачѣ предметныхъ уроковъ; но этого-ли требовать отъ воспитателя? Неужели этихъ господъ можно поставить выше нашихъ учительницъ — *любительницъ*, какъ вы называете ихъ? Учительницъ, окончившихъ курсъ гимназіи съ золотою медалью, выдержавшихъ экзаменъ при университетѣ, постоянно читающихъ и работающихъ надъ собою. Неужели отдать наемнымъ учителямъ преимущество за то только, что они подойдутъ подъ мѣрку принципа: «Трудъ долженъ оплачиваться?» Но *какъ* и *чѣмъ* оплачиваться, это тоже вопросъ! Не каждый способенъ разсчитывать на карманъ ближняго, какъ на свой собственный, даже и съ благотворительною цѣлію. Не каждый способенъ вліять. Не каждый, готовый положить душу въ дѣло, можетъ дать деньги. Кромѣ того, позволить сдѣлать изъ себя дойную корову, безъ всякаго нравственнаго участія въ дѣлѣ, способны только люди тупые и глупые, а унижаться и выпрашивать, особенно передъ такими людьми, чрезвычайно тяжело порядочному человѣку. Это тоже можетъ назваться деморализаціей. Наконецъ, вспомните о томъ, что женщинѣ удобно просить только у женщины, иначе она рискуетъ наткнуться на жертву *изъ любезности*, которая дастъ право, пожалуй, вторгнуться жертвователю въ дѣла школы съ своими пошлыми и узкими взглядами «Посмотрѣть хорошенькихъ!» (фактъ изъ жизни). Если же дѣятельность женщины на этомъ поприщѣ ограничится только нападеніемъ на карманъ женщинъ съ самостоятельными средствами, то много-ли такихъ женщинъ? Не прійдется-ли инымъ унижаться и хитрить передъ папенькой, маменькой, мужемъ и т. д., изъ за того только, чтобы «выцыганить» нѣсколько какихъ-нибудь несчастныхъ рублей на бѣдную школу, въ полезность которой они неспособны и не хотятъ вѣрить (Также факты изъ жизни).

«Гдѣ же послѣ этого тѣ *источники*, о которыхъ говорите вы? Гдѣ это золотое руно, благодаря которому школа можетъ располагать *тысячами*? И не вѣрнѣе-ли послѣ этого, не практичнѣе-ли даже пользоваться тѣмъ, что предлагаетъ жизнь, т. е. нравственными силами?

«Вы приводили мнѣ въ примѣръ прежнія воскресныя школы, будто бы распавшіяся отъ отсутствія спеціалистовъ. Не знаю! Я

сама участвовала въ женской воскресной школѣ, и помню, какъ теперь, что въ день, когда пришелъ приказъ свыше о закрытіи всѣхъ воскресныхъ школъ (благодаря неумѣстному, по моему, либеральничанью нѣкоторыхъ господъ въ Петербургѣ), въ школѣ нашей было 87 ученицъ и 9 ревностныхъ учительницъ. Какъ теперь помню, какой поднялся плачъ между бѣдными дѣтьми, узнавшими отъ полныхъ смущенія и горя учительницъ, что онѣ послѣдній разъ въ школѣ. Этотъ плачъ служилъ отвѣтомъ на вопросъ, были-ли и тогда въ школѣ люди, искренно любившіе дѣло. Не даромъ 10 лѣтъ спустя, мы съ радостью встрѣтили знакомыя лица ученицъ первой школы. А если попадались барышни, ищущія жениховъ, или молодые люди, жаждущіе развлеченій, то гдѣ же и когда этого нельзя встрѣтить? Наконецъ, 10 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и хочется вѣрить, что за эти десять лѣтъ общество наше таки двинулось нѣсколько впередъ и можетъ выдѣлить большій процентъ серьезныхъ и преданныхъ дѣлу людей.

«Школа наша существуетъ недавно; но я вѣрю, твердо вѣрю, что она просуществуетъ много лѣтъ, будетъ расти, развиваться и время отвѣтитъ вамъ на вопросъ: «возможны-ли безплатныя учительницы?»

Увѣренность Христины Даниловны оправдалась блестящимъ образомъ: просуществовавъ шесть лѣтъ, школа вступаетъ уже въ седьмой годъ существованія, со всѣми задатками дальнѣйшаго и прочнаго ея развитія.

Переходя къ учащимся, мы также должны сказать, что посѣщеніе ими школы было неравномѣрно. Среднее число ученицъ колеблется между 100 и 150-ю. Общее же число всѣхъ учащихся за шестилѣтнее существованіе восходитъ до *3-хъ тысячъ*. Понятно, что изъ этого числа очень многія посѣтили школу незначительное число разъ; но всѣ неграмотныя выходили изъ школы не иначе, какъ научившись читать и писать.

Причины колебанія въ числѣ ученицъ весьма разнообразны и обусловливаются чаще всего домашними и экономическими обстоятельствами. Ученицы всѣ или мастерицы швейныхъ и модныхъ магазиновъ, или горничныя, кухарки, вообще прислуга и лица рабочаго класса, у котораго часто бываетъ недосугъ и разнаго рода житейскія невзгоды. Чтобы дать понятіе о по-

слѣднихъ, привожу замѣтку изъ «педагогическаго дневника» Хр. Д. Алчевской. Читатели сами оцѣнятъ жизненность наблюденій учительницы, стоящей лицемъ къ лицу съ нуждой и горемъ невѣжественнаго класса, къ которому школа идетъ на помощь, внося свѣтъ въ тьму жизни.

«*22-го Августа 1871 г.* Нормальное число учениць нашей школы, набирающихся по воскресеніямъ, около 100, или съ лишнимъ; сегодня было 71. Можно было бы надъ этимъ задуматься, если бы причины не были очевидны. Во-первыхъ, *ярмарка*, и увеличившіеся *заказы* въ модныхъ магазинахъ, и во-вторыхъ, *холера*: нѣсколько дѣвочекъ появились въ траурѣ, иныхъ не видно уже нѣсколько воскресеній, вѣроятно, или сами больны, или ходятъ за больными. Одну изъ ученицъ встрѣтила на улицѣ въ роли няньки, съ двумя маленькими дѣтьми; одна при смерти—нарывъ въ горлѣ; одна умерла и невозможно вспомнить безъ грусти причину этой ранней смерти. Марья Н. поступила въ школу почти съ начала ея существованія, умѣя хорошо читать и писать, и была опредѣлена въ старшій классъ. Въ школѣ она бывала весьма аккуратно съ подругой своей Кр., тоже дѣвушкой лѣтъ 15—16, пожертвовавшей въ пользу школы нѣсколько линеекъ отъ брата своего столяра. Н—ва была любимицей учительницы старшаго класса и вообще вызывала симпатію и участіе выраженіемъ своего блѣднаго, задумчиваго лица. Она обыкновенно просила «книжечку по грустнѣе», или «описаніе страданій Великомученицы Варвары, Екатерины» и т. д. Я поинтересовалась узнать домашнюю обстановку Н—ой и узнала слѣдующее: мать Н—ой, такая же блѣдная и болѣзненная женщина, шьетъ шубы; отецъ пьяница, отъ котораго тщательно прячется чужая работа, чтобы онъ ее не пропилъ; шестеро малолѣтнихъ дѣтей на иждивеніи двухъ женщинъ—сестры и матери, понятно, сколько труда выпадало на ихъ долю. «И сама вижу, говорила мнѣ мать глубоко-печальнымъ голосомъ, что заѣдаемъ мы ея жизнь этой работой, да некуда податься!» Дѣйствительно, податься было некуда и кончилось такъ, какъ и слѣдовало ожидать: побои и брань пьянаго отца, страданія болѣзненной матери, плачъ голодныхъ дѣтей, все это, въ придачу къ тяжелому труду, надорвало силы 16-ти-лѣтняго организма. Вѣроятно, школа являлась для нея единственнымъ мѣстомъ отдыха, не даромъ она

такъ любила ее. И для одной ли Н—ой является она успокоеніемъ? Мало-ли труженицъ, для которыхъ существуютъ два пути: одинъ—погибать *физически* въ нищетѣ, другой: погибать *нравственно* въ роскоши. Къ несчастью, *двѣ* подобныхъ смерти совпали на нашихъ глазахъ почти вмѣстѣ: Н—ва погибла жертвой невзгодъ житейскихъ, другая—пала жертвой соблазна.

«Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, появилась у насъ ученица лѣтъ 15—16, поразительной красоты, въ простенькомъ ситцевомъ платьицѣ. Когда я подошла къ ней, она отозвала меня въ сторону и съ лицомъ, вспыхнувшемъ до бровей, сказала тихо, взволнованнымъ голосомъ, опустивши глаза: «У меня есть женихъ и не хочетъ жениться иначе, какъ чтобы я была грамотная... Можете вы меня выучить мѣсяца въ два?»

«Я дала ей слово и старалась всячески обласкать и успокоить. Способности оказались блестящія, прилежаніе невообразимое. Видя ее у пристани, я старалась убѣдить не бросать школы, достигнувши цѣли, искренно интересуясь послѣдующей судьбой моей красавицы; но увѣщанія оказались напрасны, она исчезла съ послѣдней буквой азбуки.

«Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Я была въ театрѣ въ клубѣ; мѣста были очень дороги (5 р. 1-й рядъ), поэтому мы взяли мѣсто въ 4-мъ ряду. Я смотрѣла разсѣянно на проходящихъ впереди дамъ. Вдругъ взглядъ мой остановился на входящей въ театръ женщинѣ: на ней было надѣто глясе палевое платье, бархатный бурнусъ висѣлъ на рукѣ, на головѣ была прелестная кружевная шляпа и все это особенно бросалось въ глаза, потому что было надѣто на красавицѣ: ея темнорусые волосы локонами спускались по плечамъ, окаймляя прелестное, свѣжее личико; черные глаза казались еще глубже, еще выразительнѣе при вечернемъ освѣщеніи; всѣ головы повернулись къ ней: нѣсколько сконфуженно прошла она въ 1-й рядъ креселъ. Я не вѣрила глазамъ, это была *моя ученица*, моя 15-ти-лѣтняя дѣвочка, въ рваномъ ситцевомъ платьицѣ. Не знаю, какая изъ двухъ смертей поразила меня больше: первая-ли, или послѣдняя; кажется, что послѣдняя; тамъ конецъ страданіямъ, а здѣсь начало.

«Тяжелѣе всего въ эту минуту мнѣ было сознаніе безсилія школы въ борьбѣ съ бѣдностью и искушеніями; всѣ планы,

которые приходили мнѣ въ голову, тотчасъ же оказывались бреднями взволнованнаго воображенія, я ничего не видѣла и не слышала на сценѣ и чувствовала себя больною нѣсколько дней сряду.

«*Сентябрь 1871 г.* Изъ моихъ взрослыхъ ученицъ сегодня были три: Зайцева, Новикова и Михайлова. Не были: Парманина, потому что у нея нѣтъ няньки и нѣкому смотрѣть за дѣтьми, и Андреева, которая не пользуется хорошимъ здоровьемъ и говорила мнѣ прошлый разъ: «Если я не прихожу иногда въ школу, это значитъ, что я больна; безъ этого ни что на свѣтѣ не можетъ меня заставить пропустить ученье!»

«*4-го сентября.* Сегодня приходила ко мнѣ совершенно убитая горемъ мать Н—ой и сообщила, что дочь ея не умерла, какъ говорили мнѣ, а *сошла съ ума,* надеждъ на выздоровленіе—никакихъ, но до сихъ поръ, не смотря на самые ужасные припадки, мать держитъ ее при себѣ и не рѣшается отправить въ сумасшедшій домъ. Прежде мнѣ казалось, что нѣтъ горя больше смерти; теперь, глядя на несчастную мать, я поняла, что судьба была бы милосерднѣе, окончивъ тифъ смертью, а не помѣшательствомъ.

«*29-го августа.* Сегодня пришли всѣ ученицы, кромѣ одной. Я очень тревожусь мыслью, не служитъ-ли причиною этого то, что въ прошлое воскресенье N была какъ-то разсѣянна и невнимательна, вслѣдствіе чего отставала отъ другихъ и дѣлала большія ошибки; сосѣдки указывали ей на это и она, видимо, конфузилась. Слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, что допущеніе подобнаго рода мѣры можетъ имѣть свои невыгоды.

«*Октября 24-го.* День сегодня былъ ясный, теплый. Окруженная толпою дѣвочекъ, живущихъ въ нашей сторонѣ и заходящихъ за мною (чтобы вмѣстѣ идти), я шла въ школу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня послышалось: «Христина Даниловна!» Я обернулась и увидѣла Таню М. Дѣвочка, вся раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся, вѣроятно, давно нагоняла насъ.

«— Здравствуй, Таня!—сказала я.—Въ школу?

«Нѣтъ,—отвѣчала дѣвочка печальнымъ голосомъ,—хозяйка послала за полученіемъ денегъ».

— «А въ будущее воскресенье придешь?»—сказала я, желая ее утѣшить, продолжая путь. Отвѣта не было. Я невольно оглянулась съ мыслью—куда же она такъ скоро исчезла? Закрывши глаза концемъ своего чернаго платка, Таня горько плакала, плечики ея судорожно подергивались; я сама готова была заплакать при видѣ этого дѣтскаго горя, и старалась ее утѣшить.

— «Я сама пойду къ твоей хозяйкѣ,—говорила я,—и попрошу ее непремѣнно отпускать тебя».

«Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула испуганно дѣвочка,—она прибьетъ меня, нѣтъ, лучше не ходите!»

«Грустно шла я въ школу, сознавая свое безсиліе помочь бѣдной дѣвочкѣ и перечисляя въ умѣ тѣ ужасныя условія, при которыхъ приходится вступать въ борьбу съ невѣжествомъ массъ, и только видъ школы, веселыя лица дѣтей и беззаботный дѣтскій смѣхъ, который слышался еще до входа въ школу, нѣсколько разсѣяли во мнѣ это впечатлѣніе.

«*7-го ноября.* Погода играетъ большую роль въ жизни нашей воскресной школы: идетъ дождь—и не досчитывается 10—20 преданныхъ школѣ ученицъ: однѣхъ не пустила мать, потому что башмаковъ нѣтъ; другихъ — потому что башмаки новые, жаль надѣть въ грязь (фактъ). Сегодня была прелестная погода и въ школу собралось 154 ученицы. Постороннихъ было также душъ около 20: предсѣдатель Х. общества грамотности, проф. Бекетовъ, баронъ Корфъ, руководитель солдатскихъ школъ Абаза, членъ Александровскаго училищнаго совѣта Шабельскій, учители народной школы Столбинъ и Архангельскій, учительница гимназіи Тимоѳеева и др.».

Изъ приведенныхъ замѣтокъ читатели могутъ видѣть, чѣмъ обусловливалось колебаніе числа посѣщающихъ воскресную школу ученицъ; въ то же время читатель отчасти могъ уже познакомиться съ духомъ школы, съ тѣми сердечными отношеніями, въ какихъ учительницы стоятъ къ ученицамъ. Послѣднее нагляднѣе будетъ очерчено въ своемъ мѣстѣ.

Обученіе. а) Общая организація учебнаго дѣла.

Всякая воскресная школа въ Россіи, до настоящаго времени, по необходимости есть школа *элементарная*. При общемъ недостаткѣ у насъ школъ для начальнаго обученія, на воскресной школѣ лежитъ прежде всего обязанность, преподавать учащимся ученіе вѣры и жизни христіанской, научить людей безграмотныхъ грамотѣ и сообщить имъ тѣ начальныя познанія, которыя составляютъ необходимую принадлежность курса *элементарнаго*. Къ этой цѣли стремилась и Харьковская женская воскресная школа, въ курсъ которой входятъ предметы, преподаваемые въ начальныхъ училищахъ, именно: *законъ Божій*, *родной языкъ* (чтеніе, письмо, начальныя основанія грамматики), *ариѳметика*, наконецъ, преподаваемыя въ связи съ книгой для чтенія свѣдѣнія изъ *отечественной исторіи*, *географіи и естествознанія и церковное пѣніе*. Какъ особый предметъ, въ прежнее время выдѣлялись такъ называемые *предметные уроки*, но, имѣя предметомъ элементарное ознакомленіе учащихся съ окружающею природой, уроки эти въ сущности могутъ войти въ рубрику начальныхъ свѣдѣній о природѣ. Харьковская воскресная школа не задавалась чрезмѣрно широкими задачами. Стоя лицомъ къ лицу съ жизнью, стремясь удовлетворить *дѣйствительнымъ* потребностямъ учащихся и серьезно относясь къ дѣлу, соразмѣряя свои силы, время и средства, школа ограничилась тѣмъ, что она *могла* сдѣлать и при томъ сдѣлать толково, вполнѣ *основательно*. Черта—довольно рѣдкая въ нашихъ общественныхъ предпріятіяхъ, гдѣ любятъ задаваться широкими задачами, а затѣмъ, убѣдившись въ ихъ неисполнимости, опускаютъ руки въ сознаніи своего безсилія. Харьковская школа сразу стала на живую практическую почву и, благоразумно ограничивъ свои задачи, скромно, трудолюбиво, настойчиво шла къ цѣли и успѣшно достигла ее. Шесть лѣтъ существованія школы, въ теченіе которыхъ она имѣла до 6 т. учащихся, всего лучше говорятъ о значеніи этой школы для жизни.

Выше мы уже сказали, что въ отношеніи учебныхъ пособій школа была вполнѣ обезпечена; но она была не менѣе обезпечена и со стороны правильной *организаціи учебнаго дѣла* вообще

и цѣлесообразной постановки каждаго учебнаго предмета въ частности.

Организаціонные вопросы возникали часто въ средѣ учительницъ, вызываемые текущею практикой; обсуждались и рѣшались они обыкновенно въ общихъ собраніяхъ учительницъ. Краткій перечень этихъ вопросовъ даетъ уже читателю понятіе о томъ, какъ *всесторонне* относились къ дѣлу учительницы. По протоколамъ педагогическихъ собраній значатся слѣдующіе организаціонные вопросы, обсуждавшіеся въ разное время:

— О распредѣленіи ученицъ и учительницъ на группы.

— О контролѣ классныхъ занятій и періодическихъ сообщеніяхъ контрольной комиссіи въ засѣданіяхъ учительницъ.

— О средствахъ для устраненія несвоевременнаго и произвольнаго начала и окончанія классныхъ занятій.

— О необходимости частныхъ программъ для правильной организаціи учебныхъ занятій по группамъ.

— О мѣрахъ для избѣжанія чрезмѣрной дробности группъ и разнообразія въ ихъ составѣ

— О необходимости имѣть запасныхъ учительницъ для замѣщенія отсутствующихъ.

— Составленіе подробныхъ учебныхъ плановъ для всѣхъ классовъ.

— О выборѣ руководствъ и пособій при преподаваніи въ школѣ.

— О снабженіи учащихся учебными пособіями.

— О соединеніи группъ въ случаяхъ недостатка учительницъ.

— Образованіе отдѣленія случайныхъ посѣтительницъ школы.

— О числѣ перемѣнъ между уроками.

— О необходимости вести наблюденіе, чтобы во время уроковъ никто не шатался безъ дѣла по классамъ.

— О мѣрахъ къ увеличенію числа учительницъ.

— О помощи въ преподаваніи старшихъ ученицъ воскресной школы.

— О дисциплинѣ при классныхъ занятіяхъ.

— О необходимости одновременныхъ отдыховъ и окончанія учебныхъ занятій въ школѣ.

— Объ учрежденіи испытаній учащихся въ школѣ.

— О вредѣ чрезмѣрной спеціализаціи въ занятіяхъ по группамъ.

— О тѣсной связи всѣхъ предметовъ въ начальномъ обученіи.

— О примѣненіи системы класснаго преподаванія въ школѣ.

— О средствахъ придать воспитывающій характеръ обученію въ воскресной школѣ.

— О лѣтнихъ занятіяхъ въ школѣ.

— О пріемѣ ученицъ въ лѣтнее время.

— О срокахъ для поступленія ученицъ и выбытія ихъ изъ школы.

— О числѣ учебныхъ часовъ въ лѣтнее время.

— Не противорѣчитъ-ли дѣленіе школы на группы и классы идеѣ воспитывающаго обученія?

— О раздѣленіи школы для двухъ частей города.

— Объ испытаніяхъ (въ видѣ пробныхъ уроковъ) вновь поступающихъ учительницъ.

— О средствахъ достиженія хотя въ нѣкоторой степени одновременнаго поступленія ученицъ въ школу.

— О вліяніи мѣстныхъ условій на организацію школы.

— Объ организаціи приготовительнаго класса при школѣ.

— По вопросу объ оцѣнкѣ пробныхъ уроковъ учительницъ.

— О назначеніи учительницы-контролера надъ преподаваніемъ въ группахъ.

— Объ оставленіи нѣкоторыхъ ученицъ для занятій послѣ уроковъ.

— О внѣклассныхъ занятіяхъ учащихся.

— О старыхъ ученицахъ.

— О необходимости для новыхъ учительницъ, поступающихъ въ отдѣленіе безграмотныхъ, читать пробные уроки съ практическимъ примѣненіемъ звуковаго метода.

— Объ отстающихъ ученицахъ.

— О праздникахъ и домашнихъ посѣщеніяхъ учительницъ.

— О необходимости обращать вниманіе при занятіяхъ непремѣнно на всѣхъ ученицъ.

— О переводѣ ученицъ изъ одной группы въ другую.

Мы привели болѣе *сорока* вопросовъ относительно организаціи учебнаго дѣла; но ихъ было гораздо больше; при томъ же

далеко не всѣ вопросы вносились въ собранія,— многіе рѣшались и по словесному соглашенію учительницъ.

Простой перечень организаціонныхъ вопросовъ можетъ уже для опытнаго читателя служить наглядным выраженіемъ того вниманія, съ какимъ учительницы относились къ своему дѣлу; частная обработка каждаго изъ вопросовъ еще болѣе убѣдила бы въ этомъ читателя, но, очевидно, нѣтъ никакой возможности въ нашемъ очеркѣ вдаваться въ обстоятельное изложеніе обсужденій каждаго изъ приведенныхъ вопросовъ. Между ними есть мелкіе, есть важные, но тѣ и другіе возникали изъ практики, ставились живымъ дѣломъ. Мы не сочли нужнымъ группировать ихъ подъ извѣстныя категоріи, потому что не видѣли въ томъ пользы. Мы записывали ихъ, какъ они встрѣчались намъ при чтеніи протоколовъ педагогическихъ собраній учительницъ, и остановимся только на нѣкоторыхъ вопросахъ, почему-либо для школы наиболѣе интересныхъ.

Къ такимъ принадлежитъ вопросъ о раздѣленіи ученицъ на *группы* и *классы*. Вопросъ этотъ ставился ежегодно и въ разное время рѣшался различно, при чемъ принималось въ соображеніе число учащихся и учительницъ и разнаго рода мѣстныя условія.

Такъ въ первое время предположено было раздѣлить школу на 6 группъ. Въ слѣдующемъ году по вопросу о распредѣленіи школы на группы и назначеніи учительницъ на каждую группу было постановлено: всѣ ученицы дѣлятся на *два* главныхъ отдѣленія: 1) обучающихся чтенію и письму и 2) читающія. По составу школы первое отдѣленіе дѣлилось на 4 группы, съ особыми учительницами, а 2-е отдѣленіе на 5 группъ, съ двумя учительницами въ каждой.

Распредѣленіе ученицъ на группы было организовано такимъ образомъ: 1-я группа взрослыя, при 3-хъ преподавателяхъ и законоучителѣ, занимающаяся закономъ Божіимъ, ариѳметикой, исторіей, письмомъ; 2-я и 3-я группы, при трехъ преподавательницахъ, обучающіяся чтенію, письму, ариѳметикѣ; 4-я группа, при двухъ учительницахъ, и 5-я при 3-хъ, тоже изучающія чтеніе, письмо, счетъ. Всего 15 группъ. Главная забота при раздѣленіи ученицъ на группы состояла въ томъ, чтобы а) никто изъ учащихся не оставался безъ дѣла, безъ

занятій, безъ учительницы; б) чтобы въ каждой группѣ соединялись, по возможности, ученицы одного уровня, что и достигалось приведеннымъ выше распредѣленіемъ.

По вопросу о началѣ занятій въ школѣ было положено начинать занятія одновременно, въ 10 ч. утра. По вопросу о лѣтнихъ занятіяхъ въ школѣ было положено, что вслѣдствіе отъѣзда многихъ учительницъ, школа дѣлится на меньшее число группъ, по числу учительницъ, при чемъ по докладу г-жи Холодковской о томъ, сколько часовъ заниматься лѣтомъ, положено начинать уроки раньше и продолжать ихъ 3 часа; при распредѣленіи лѣтнихъ занятій въ старшей группѣ было положено 1-й часъ посвящать исторіи, 2-й—чтенію и письму, 3-й—закону Божію.

Относительно *пріема* ученицъ въ лѣтнее время было рѣшено: грамотныхъ принимать всѣхъ лѣтъ, а неграмотныхъ—съ 12-лѣтняго возраста.

О *срокахъ* поступленія ученицъ, въ виду исключительныхъ условій, въ коихъ находятся посѣщающія школу лица, занятыя работами. Назначеніе сроковъ поступленія отклонено собраніемъ.

Не малое вниманіе собранія привлекъ вопросъ о необходимости «*класснаго преподаванія*», такъ какъ при раздѣленіи на группы въ школѣ недостаточно наблюдается за тѣмъ, чтобы всѣ были заняты. «Учительница занимается съ одной изъ своихъ ученицъ, между тѣмъ какъ остальныя въ то время занимаются чѣмъ угодно и какъ угодно: однѣ чертятъ грифелемъ что-нибудь, другія читаютъ статейку, только не ту, которую указала учительница, а по *собственному* выбору, а нѣкоторыя упражняются въ заучиваніи стиховъ». Предлагалось слѣдовать порядку, какой принятъ въ старшихъ группахъ, гдѣ введено классное преподаваніе и занятія правильно организованы. Замѣчаніе это имѣло тѣмъ большую цѣнность, что въ воскресной школѣ время дорого и весьма важно, чтобы классныя занятія совершенно устраняли ненужную его трату. Но, съ другой стороны, положеніе воскресной школы исключительное: ученицы поступаютъ разновременно, посѣщаютъ школу съ перерывами, уровень поступающихъ крайне разнообразенъ; а при такихъ условіяхъ какъ организовать классное преподаваніе? — Собраніе

однако остановилось на мысли сдѣлать преподаваніе классным въ организованныхъ группахъ.

Еще болѣе вызвалъ вниманіе въ собраніи учительницъ вопросъ о чрезмѣрной *спеціализаціи* занятій, которая, бывъ доведена до крайности, не могла служить на пользу учебнаго дѣла. Выходило такъ, что «учительница не могла одна даже выучить вполнѣ читать свою группу, но, научивши ее десяти звукамъ, передавала другой учительницѣ, которая доучивала остальнымъ звукамъ россійской азбуки, но все-таки не доводила вполнѣ до совершенства въ чтеніи, но передавала для этого ученицу еще одной учительницѣ».

Указывалось на то при этомъ неудобство, что учебное дѣло отъ этого страдаетъ,—если не явится извѣстная учительница, то школьный порядокъ нарушенъ, выбывшую замѣнить нѣкому, потому что другія знаютъ *только свое*. Предложеніе это вызвало живой обмѣнъ сужденій въ собраніи, между прочимъ г-жа Алчевская представила записку, гдѣ весьма обстоятельно, по пунктамъ, отвѣчаетъ на приведенныя замѣчанія.

Конечно, стоя вдали отъ дѣла, не вникнувъ въ живыя его условія, не соображая силъ и средствъ, можно требовать многое, не справляясь, выполнимо или нѣтъ требованіе; но люди дѣла поневолѣ должны считаться съ условіями дѣйствительности и дѣлать то, что въ силахъ и въ предѣлахъ возможнаго. А въ этомъ отношеніи Харьковская ж. школа дѣлала и дѣлаетъ болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Сомнѣніе въ пользѣ труда, когда ему посвящаешь всѣ силы души, особенно тяжело. Конечно, и сомнѣніе бываетъ полезно. Оно ведетъ къ пересмотру нашей дѣятельности, а слѣдовательно, къ улучшенію труда. Мысль, противорѣчитъ-ли дѣленіе школы на группы и классы идеѣ воспитывающаго обученія, долго тревожила учительницъ и въ «дневникѣ» Хр. Д. Алчевской я нашелъ такое ея рѣшеніе:

«Конечно, чѣмъ меньше группа, тѣмъ легче придать обученію характеръ индивидуальности, соображая его съ личнымъ характеромъ и особенностями ученицъ; но принимая въ соображеніе а) разновременность поступленія и б) разнообразіе подготовки ученицъ, в) неодинаковость подготовки и способностей самихъ учительницъ, г) невозможность аккуратнаго посѣ-

щенія школы, мы встрѣчаемся съ необходимостью дѣлить школу на группы и классы, при чемъ выраженіемъ и главнымъ основаніемъ воспитывающаго вліянія на учениць является *духъ* школы, характеръ взаимныхъ *отношеній* учениць и учительницъ и то дружное стремленіе къ одной цѣли, которымъ проникнуты всѣ учительницы».—На сколько такое рѣшеніе вопроса осуществилось въ школѣ практически, читатели сами увидятъ это далѣе.

Пробные уроки учительницъ также служили предметомъ многосторонняго обсужденія въ собраніи. Между прочимъ, такъ какъ уроки эти давались въ присутствіи взрослыхъ учениць, то возникъ вопросъ, можно-ли имъ присутствовать при обсужденіи достоинствъ пробныхъ уроковъ. Мнѣнія были и *за*, и *противъ*.

По обсужденіи вопроса было положено: а) на пробные уроки приглашать не менѣе 5 учениць; б) по окончаніи урока, при разборѣ его, ученицы не должны оставаться; в) чтеніе пробныхъ уроковъ обязательно для всѣхъ учительницъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ годъ; г) выборъ темы предоставляется учительницѣ, но предметъ урока долженъ входить въ курсъ начальной школы; д) новопоступающія учительницы сперва посѣщаютъ школу и присматриваются къ дѣлу преподаванія, затѣмъ даютъ пробный урокъ.

Необходимость завести въ школѣ *экзамены* вызвала также разнообразныя мнѣнія. На возраженіе, что въ воскресной школѣ курсъ не вполнѣ организованъ, какъ въ школахъ ежедневныхъ, было высказано: «Учили же въ школѣ чему-нибудь, вотъ, и покажите себѣ и другимъ, что вы сдѣлали въ теченіе года». Г-жа Алчевская, между прочимъ, предложила для провѣрки занятій учениць такую мѣру: «каждая ученица получаетъ отъ своей учительницы всякій разъ марку. Ученица, получившая 30 такихъ марокъ въ продолженіе года, считается исправною и допускается къ экзамену».

За экзамены высказалось большинство, при чемъ выставлены были г. Пономаревымъ слѣдующіе мотивы: «а) экзамены могутъ поощрять учениць къ занятіямъ, заохочивать ихъ, особенно если съ экзаменами будутъ соединяться какія-либо награды; б) на экзаменахъ ученица провѣряетъ свои познанія,

приходитъ къ ясному сознанію, чего ей не достаетъ и что она знаетъ, и какъ много ей еще нужно узнать; в) посредствомъ экзаменовъ удобнѣе опредѣлять общій уровень ученицъ, что важно для группировки учащихся; г) экзаменъ полезенъ въ отношеніи самихъ учительницъ,—это самосознаніе всей школы. Каждая учительница, трудясь надъ отдѣльною группой, можетъ не знать, что и какъ дѣлаютъ другія, слѣдовательно, лишена возможности представить себѣ ясно *весь* ходъ обученія въ школѣ, въ цѣльномъ, живомъ образѣ, который бы вполнѣ отвѣчалъ дѣйствительности. Экзамены даютъ для этого возможность; д) самое *единство* обученія въ школѣ отъ экзаменовъ значительно выиграетъ; е) кромѣ того, на экзаменѣ всегда какъ-то рельефнѣе выступаютъ какъ хорошія, такъ и слабыя стороны обученія тому или другому предмету. Разумно веденный экзаменъ можетъ служить въ своемъ родѣ школою для учительницъ, давая имъ случай провѣрять свои пріемы обученія, сравнить ихъ съ другими, такъ какъ учительница на экзаменѣ такъ или иначе бываетъ вынуждена отдавать ихъ на судъ своихъ сотрудницъ по школѣ; ж) наконецъ, на общемъ испытаніи ученицъ слабыя стороны школы могутъ ярче обнаружиться и учительницы яснѣе могутъ видѣть, что имъ предстоитъ сдѣлать въ будущемъ, на что обратить вниманіе». Однако вопросъ объ испытаніяхъ, рѣшенный положительно большинствомъ, не вошелъ въ практику и теперь еще составляетъ предметъ споровъ. Не то чтобы противъ испытаній представлялись сильныя возраженія, или опровергались приведенные выше доводы *за* экзамены, но просто по предубѣжденію многіе не могутъ свыкнуться съ мыслью о нихъ, и не имѣя возможности опровергнуть ихъ путемъ логики, мысли и даже практики, инстинктивно стараются ихъ обойти. Дѣло въ томъ, что здѣсь неправильно смѣшиваются отдѣльные факты злоупотребленія экзаменами въ учебныхъ заведеніяхъ съ существомъ самого дѣла, которое, при разумной постановкѣ, можетъ оказать несомнѣнную пользу для школы.

Относительно *контроля* надъ занятіями собраніе пришло къ тому убѣжденію, что онъ необходимъ и составляетъ одно изъ существенныхъ условій для правильнаго веденія школы. Для этой цѣли положено два раза въ годъ выбирать комиссію, на

обязанности которой лежитъ подробное изслѣдованіе о ходѣ занятій въ школѣ и докладъ объ этомъ общему собранію.

Не имѣя возможности останавливаться на рѣшеніи каждаго изъ организаціонныхъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе ихъ въ каждой школѣ и въ каждомъ данномъ случаѣ должно быть *свое*, сообразное съ мѣстными условіями школы, скажемъ только, что въ общей сложности рѣшеніе ихъ отличалось педагогическою опытностью и несомнѣнно вліяло на ходъ обученія въ школѣ въ высшей степени благотворно. Остановимся еще на предположеніи раздѣлить школу для двухъ частей города. Бар. Корфъ очень мѣтко отвѣчалъ на это предположеніе сравненіемъ. «Рой,—говоритъ онъ,—выходитъ изъ роднаго улья, когда въ немъ явится своя душа, своя голова-царица, около которой сгруппируется достаточно молодыхъ силъ, чтобъ образовать новое общество, новый организмъ. Безъ этого условія выдѣленіе силъ изъ стараго общества обезсилило бы его и не представляло бы ручательства за долговѣчность новаго. Одна душа можетъ оживлять только одно тѣло». Еслибы явилось на лицо вышеприведенное условіе, то, при этомъ условіи Хр. Д. Алчевская могла бы для ней быть попечительницей; но новая воскресная школа должна имѣть «свою душу», свои силы и жизнь. О вліяніи *одной* личности на *два* учрежденія въ *равной мѣрѣ* нечего и говорить, оно немыслимо. Такимъ образомъ предположеніе было отклонено, хотя мѣстныя условія, крайній недостатокъ въ школахъ и вызывали на организацію филіальнаго отдѣленія школы въ другой части города.

б) Преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ учебнаго курса.

Въ преподаваніи каждаго изъ предметовъ въ отдѣльности Х. ж. в. школа стремилась стать на высотѣ разумныхъ требованій методики; на учительскихъ собраніяхъ весьма обстоятельно и всесторонне разсматривались лучшіе способы преподаванія каждаго предмета и, по указаніямъ опыта, избирались наиболѣе пригодные. Количество вопросовъ, обсуждавшихся въ собраніяхъ по вопросамъ о преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ весьма значительно [1]); нѣтъ сомнѣнія, что сово-

[1]) Вотъ перечень такихъ вопросовъ: О программѣ предметныхъ уроковъ

купное обсужденіе ихъ учительской корпораціей очень содѣйствовало правильной постановкѣ обученія, которое вообще велось съ полнымъ успѣхомъ.

1) *Законъ Божій* съ самаго открытія школы преподавалъ о. Ст. Любицкій. Дѣлаетъ великую честь почтенному отцу Стефану, что онъ въ теченіе 20 лѣтъ безкорыстно посвящалъ свой трудъ школѣ. Я присутствовалъ на его урокѣ въ высшемъ классѣ и вынесъ самое доброе впечатлѣніе. Я слышалъ простое, искреннее, живое слово человѣка, учившаго слушательницъ трудному умѣнью быть добрымъ, служить ближнему искренно, ради самаго добра. Рѣчь наставника отличалась ясностію, отчетливостію, спокойствіемъ; въ то же время она проникнута была убѣжденіемъ въ истинѣ преподаваемаго. Изъ долгаго ряда наблюденій надъ преподаваніемъ закона Божія въ школахъ я убѣдился, что наиболѣе близки къ цѣли тѣ преподаватели, которые ведутъ свое дѣло *просто*, безъ хитростей и методическихъ тонкостей, но живымъ словомъ убѣжденія дѣйствуя на сердце слушателей: о. Любицкій именно препода-

(докладъ г. Журавлева). — О выборѣ матеріала для предметныхъ уроковъ въ старшемъ классѣ. — О спеціализаціи этихъ уроковъ. — О связи наглядnаго обученія съ книгой для чтенія (собр. 20 н. 1870 г.). — О новой группировкѣ предметныхъ уроковъ. — О замѣнѣ предметныхъ уроковъ въ старшемъ классѣ исторіей. — О необходимости систематизировать предметные уроки, дабы они давали цѣльное и законченное знаніе.—О пользованіи наглядными пособіями на урокахъ.—О необходимости предварительнаго приготовленія къ урокамъ. — О средствахъ придать разнообразіе урокамъ, въ содержаніе которыхъ могутъ входить начальныя свѣдѣнія изъ физики, географіи и естествовѣдѣнія (докл. г-жи Томашевской). — О необходимости вести запись предметныхъ уроковъ, во избѣжаніе повтореній. — О методахъ обученія грамотѣ. — О распредѣленіи группъ при обученіи чтенію и письму (докладъ г-жи Крамаревой).—О раздѣленіи занятій на ступени при обученіи грамотѣ.—О необходимости ознакомленія учащихся съ орѳографіей и о средствахъ ея передачи. — О навыкахъ въ письменномъ изложеніи учащихся и о письменныхъ упражненіяхъ вообще.—О средствахъ улучшить каллиграфію ученицъ. — Чѣмъ устранить однообразіе занятій при обученіи грамотѣ, что вызываетъ скуку въ ученицахъ маленькихъ? — О выборѣ книги для чтенія учащихся (докл. г-жи Алчевской). — О преподаваніи въ воскресной школѣ отечественной географіи и исторіи. — О преподаваніи ариѳметики (докл. г-жъ Томашевской и Кочетовой).— О средствахъ усилить преподаваніе въ школѣ ариѳметики (докл. г-жи Александровой).— О методическихъ пріемахъ преподаванія ариѳметики (сообщеніе г. Д. Семенова).

валъ въ этомъ духѣ. Слышанное мною преподаваніе его не было урокомъ, въ казенномъ смыслѣ, но бесѣдою пастыря добраго съ людьми, которые ищутъ назиданія. Присутствіе мое нѣсколько, казалось мнѣ, стѣсняло учениць; тѣмъ не менѣе бесѣда прочно была ими усвоена и произвела на нихъ, замѣтно, доброе впечатлѣніе. Уроки закона Божія въ школѣ производили, въ ученицахъ серьезное настроеніе и самой школѣ придавали значеніе воспитательное. Они вносили въ школу благословеніе церкви и освящали занятія учениць, которыя твердо усвоили молитвы, начатки христіанскаго ученія, Св. Исторію и навыкали въ чтеніи славянскомъ.

2) *Обученіе грамотѣ* велось по звуковому способу. Между учительницами есть превеликія искусницы въ этомъ дѣлѣ, а умѣнью Хр. Д. Алчевской справедливо могъ позавидовать и всякій мастеръ въ дѣлѣ обученія грамотѣ.

При обсужденіи вопросовъ относительно обученія грамотѣ въ собраніи учительницъ также происходили дебаты, направленные къ выясненію дѣла и высказывались различные на него взгляды.

Такъ, по вопросу о распредѣленіи на группы при обученіи грамотѣ учительницей Крамаревой было высказано, что, по ея мнѣнію, «слѣдовало-бы въ звуковыхъ группахъ уяснять ученицамъ понятіе о звукѣ, буквѣ, слогѣ и словѣ и добиваться чтенія съ яснымъ раздѣленіемъ одного слова отъ другаго». На что г-жа Чирикова и г. Журавлевъ возражали, что «въ звуковыхъ группахъ въ высшей степени трудно добиться многаго, такъ какъ эти группы наиболѣе многочисленны, а количество учительницъ въ нихъ очень не велико; кромѣ того, почти каждое воскресенье прибываетъ по нѣскольку неграмотныхъ учениць, которыя поступаютъ въ тѣ же группы, и слѣдовательно, еще болѣе усложняютъ занятія учительницъ», съ чѣмъ большинство учительницъ и согласилось. Затѣмъ г-жей Чириковой былъ предложенъ собранію слѣдующій вопросъ: слѣдуетъ-ли, обучая азбукѣ, останавливаться на фразахъ, приложенныхъ къ урокамъ (см. азбуку Добровольскаго), и вести по поводу ихъ *объяснительную* бесѣду, имѣющую *развивающее* значеніе, какъ это предлагалось г. Силаковымъ [1]). По мнѣнію референтки, это

[1]) Одинъ изъ гостей собранія.

невозможно на томъ основаніи, что «при крайней ограниченности числа учебныхъ дней, обученіе грамотѣ въ воскресной школѣ слишкомъ затянулось бы и подрывало бы такимъ образомъ въ ученицахъ желаніе ходить въ школу, что непремѣнно случится, если онѣ не будутъ видѣть скорѣйшихъ результатовъ посѣщенія ими школы». Собраніе вполнѣ согласилось и съ этимъ. Но при разсмотрѣніи программы 2-й и 3-й группъ г-жею Цвѣтковою было высказано, что «необходимо было бы добиваться въ этихъ группахъ сознательнаго употребленія знаковъ препинанія,» на что г. Журавлевъ возражалъ, что это въ группахъ достигнуто быть не можетъ по той причинѣ, что для совершенно сознательнаго употребленія знаковъ препинанія необходимо знакомство съ «предложеніемъ», которое не объясняется въ группахъ, а въ классахъ. Знакомство же съ знаками препинанія въ 1-й и 2-й группахъ должно быть болѣе практическое, необходимое для выразительности чтенія. Затѣмъ г-жею Цвѣтковою же было заявлено еще: не возможно-ли въ 3-й группѣ достичь краткаго письменнаго изложенія ученицами прочитаннаго разсказа? На это г-жа Чирикова возражала, что въ этой группѣ главнымъ образомъ слѣдуетъ достигать *бѣлаго письма* подъ диктовку, которое такими упражненіями не можетъ быть скоро достигнуто. По поводу объяснительнаго чтенія во 2-й и 3-й группахъ г. Журавлевымъ было высказано такое мнѣніе:

«Сколько ни возникло бы частныхъ вопросовъ по отношенію къ преподаванію въ нашей школѣ, всѣ они для раціональнаго рѣшенія, по необходимости, должны быть сведены къ болѣе общему вопросу: о цѣли, къ которой наша школа можетъ стремиться. Цѣль эта заключается въ стремленіи заинтересовать и подготовить учащихся на столько, чтобы сами онѣ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, получили возможность учиться самостоятельно. Едва-ли было бы благоразумно требовать отъ школы, располагающей maximum 60-ю днями (учебными) въ году, чего-либо большаго по отношенію къ вышесказанной цѣли школы. Признавая умѣнье сознательно читать и писать безусловно важнымъ средствомъ для всего ученья, для пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній и т. п., нельзя не согласиться съ тѣмъ, что самые *развивающіе разговоры* самой добросовѣстной учительницы не разовьютъ за короткое время (находящееся въ рас-

поряженіи школы) ученицу; развиваемая, но безграмотная, бросая школу, иной разъ по необходимости, такая ученица, смѣло можно утверждать, навсегда останется и безграмотною, и не развитою, не получивъ отъ школы никакихъ средствъ ни для того, ни для другого,—безотрадное положеніе, въ которомъ не очутилась бы никогда ученица, научившаяся въ школѣ толково *читать* и *писать* и видящая, такъ-сказать, конкретные результаты отъ своихъ непродолжительныхъ занятій въ школѣ.

«Имѣя это въ виду, я рѣшаюсь смѣло и настойчиво утверждать, что, объясняя прочитанное, по возможности, *короче*, необходимо прежде всего обращать вниманіе и на самый *процессъ* чтенія и письма, — пока то и другое не будетъ доведено до значительной степени совершенства. Вотъ почему съ убѣжденіемъ я готовъ завѣрять въ томъ, что при тѣхъ, до нельзя растянутыхъ пріемахъ объяснительнаго чтенія, какіе указаны въ нѣкоторыхъ книгахъ для чтенія и рабски примѣнялись нѣкоторыми изъ нашихъ учительницъ, —учащіяся никогда не выучатся ни читать, ни писать достаточно *было*. Высказывая такой взглядъ, я вовсе не возвращаюсь къ безсознательнымъ пріемамъ старой школы въ смыслѣ «Петрушкинскаго» процесса чтенія, совершенно напротивъ: чтеніе и письмо съ самыхъ первыхъ началъ должны быть и толковы, и сознательны. Но дѣло только въ томъ, чтобы учитель, особенно на первыхъ порахъ, не слишкомъ бы увлекался страстью къ длиннымъ объясненіямъ хоть бы ужъ въ виду того, что «во многоглаголаніи нѣсть спасенія».

Мнѣніе это было принято собраніемъ. Затѣмъ, что касается до болѣе частнаго распредѣленія занятій при обученіи грамотѣ по группамъ, то собраніемъ принятъ былъ слѣдующій распорядокъ.

Первая группа, звуковая. Азбука; знакомство съ буквами гласными и согласными; знакомство съ понятіями о звукѣ и буквѣ, о слогѣ и словѣ; чтеніе съ раздѣленіемъ словъ одного отъ другаго; письмо, тоже съ раздѣленіемъ словъ одного отъ другаго, при чемъ буквы, составляющія слово, должны быть написаны связно, а не раздѣльно, отрывочно. Вниманіе учительницъ этой группы должно быть обращено преимущественно, на то, чтобы ученицы *не пропускали звуковъ* при чтеніи и

письмѣ. Чтеніе должно быть толковымъ, т. е. дѣвочка должна разумѣть каждое прочитанное слово и умѣть пересказать коротенькое предложеніе, состоящее изъ 5—6 словъ.

Вторая группа. Чтеніе съ яснымъ отдѣленіемъ словъ одного отъ другаго и съ остановкою на знакахъ препинанія. Пересказъ небольшихъ статеекъ. Учительницы этой группы должны заботиться объ улучшеніи почерка ученицъ и, кромѣ того, письмо должно быть *безъ звуковыхъ ошибокъ* въ самыхъ труднѣйшихъ словахъ. Ученицы должны окончательно усвоить себѣ понятія о звукѣ, буквѣ, слогѣ и словѣ.

Третья группа. Выразительное чтеніе, остановка на знакахъ препинанія; умѣнье изображать эти знаки препинанія въ письмѣ. Пересказъ прочитанныхъ статеекъ. Письмо прочитанныхъ статеекъ. Письмо прописныхъ буквъ. Знакомство съ знаками препинанія въ связи съ выразительностью чтенія, какъ условныхъ знаковъ. Диктовка въ связи съ прочитанными статьями, т. е. учительница выбираетъ избранныя мѣста, предлагаетъ на нихъ вопросы ученицамъ и, добившись полныхъ отвѣтовъ, заставляетъ ученицъ писать, при чемъ сама диктуетъ знаки препинанія.

Четвертая группа малолѣтнихъ (составляется только въ такомъ случаѣ, если таковыхъ ученицъ соберется не менѣе 10-ти).

Пятая группа взрослыхъ. Здѣсь преподается начальный курсъ грамматики роднаго языка.

Въ заключеніе нельзя не сказать, что хотя обученіе чтенію въ школѣ ведется очень успѣшно, но обученіе письму страдаетъ недостатками. Почеркъ ученицъ я не нашелъ не только изящнымъ, но и правильнымъ; въ отношеніи орѳографіи письменныя упражненія ученицъ также оставляютъ желать многаго.

3) *Ариѳметика* составляла одинъ изъ важныхъ предметовъ школы. Для наглядности начальнаго обученія счету, школа имѣетъ богатый запасъ пособій, каковы: ариѳметическій ящикъ, торговые и дробные счеты, чертежи и проч. Не ограничиваясь обсужденіемъ пріемовъ преподаванія этого предмета въ средѣ учительницъ, школа обращалась за совѣтами къ представителямъ педагогической литературы по этому предмету. Умъ хорошо, а два лучше. Заинтересованныя дѣломъ, учительницы всегда рады были услышать добрый совѣтъ отъ людей

опытныхъ въ своемъ дѣлѣ. Между прочимъ г. Евтушевскій высказался за ограниченіе курса ариѳметики въ школѣ. «По ариѳметикѣ въ воскресной школѣ,—писалъ онъ,—нельзя задаваться какимъ-либо теоретическимъ курсомъ, а слѣдуетъ достигать правильнаго понятія о числѣ, нѣкотораго навыка въ обращеніи съ числами при рѣшеніи практическихъ задачъ и умѣнья пользоваться торговыми счетами». Мы уже замѣтили выше, что Харьковская воскресная школа по преимуществу преслѣдовала цѣли практическія и совѣтъ опытнаго педагога вполнѣ совпалъ со взглядами школы. Что школа вполнѣ серьезно относилась къ преподаванію ариѳметики, это можно видѣть изъ обсужденія пробныхъ уроковъ (въ собраніи), читанныхъ учительницами по этому предмету. Такъ, въ собраніи 4 сентября 1871 года читала пробный урокъ г-жа А—ко; въ протоколахъ помѣщены замѣчанія на урокъ учительницъ весьма вѣскія. При этомъ, кромѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ пріемовъ преподаванія, отмѣчены были промахи въ обработкѣ и изложеніи предмета, напр., неудачное объясненіе числа, многословіе и сбивчивость въ изъясненіяхъ, иногда неясность, однообразіе примѣровъ и проч. Но въ то же время были указаны и достоинства урока. Видно было, что обсужденіе урока шло спокойно и серьезно, къ взаимной выгодѣ референтки и слушательницъ. Изъ учительницъ ариѳметики особенно отличались г-жи Томашевская и Кочетова.

Программа ариѳметики г-жи Томашевской обсуждалась въ собраніи и вызвала много разнообразныхъ сужденій. Главное достоинство программы состояло въ приспособленіи ея къ своеобразнымъ условіямъ воскресной школы, къ раздѣленію на группы ученицъ и слабой ихъ подготовки.

Педагогическій писатель г. Д. Семеновъ, посѣтивъ Х. ж. школу, обратилъ особенное вниманіе на преподаваніе въ ней ариѳметики и сдѣлалъ нѣкоторыя заявленія по этому поводу въ собраніи учительницъ.

Замѣчанія г. Семенова о преподаваніи ариѳметики, впрочемъ, касались только *пріемовъ* обученія, именно имъ было замѣчено, что учительницы за одинъ разъ рѣшаютъ слишкомъ много задачъ; не на всѣхъ ученицъ обращаютъ вниманіе при вопросахъ; не предлагаютъ, какъ бы слѣдовало, вопросъ раньше,

чѣмъ спрошена извѣстная ученица. Между прочимъ имъ было рекомендовано, въ видахъ возбужденія соревнованія ученицъ, чтобы желающія отвѣчать давали о томъ знать какимъ-нибудь знакомъ, напр. поднятіемъ руки. Послѣдній пріемъ найденъ учительницами неудобнымъ ради того, что онъ можетъ вызвать смѣхъ. Но это едва-ли справедливо. Слѣдуетъ только установить, чтобъ ученицы не поднимали *всей* руки, высоко надъ головою, что и некрасиво и конфузно для дѣвочки, но чтобы, имѣя руки на столѣ, не отнимая локтя отъ стола, однимъ движеніемъ кисти руки давали учителю знать, что онѣ желаютъ сдѣлать поправку къ ошибкѣ ученицы, или отвѣтить на данный вопросъ, предложить *свое* рѣшеніе задачи и т. д. Такое движеніе руки почти незамѣтное, не нарушающее тишины и видимое лишь учителю и ближайшимъ ученицамъ, мнѣ кажется, не можетъ вызвать въ ученицахъ ни смѣха, ни конфузливости, а между тѣмъ заставитъ ихъ быть болѣе внимательными въ классной работѣ и къ отвѣтамъ подругъ. Успѣхи ученицъ въ ариѳметикѣ вообще весьма удовлетворительны и преподаваніе этого предмета при мнѣ шло живо, толково и сознательно.

4) *Геометрію* предположено ввести въ старшемъ классѣ, при чемъ было рѣшено ограничиться самыми необходимыми свѣдѣніями, такъ какъ на этотъ предметъ можно было назначить всего 10 уроковъ. Въ преніяхъ по этому поводу принимали участіе г-жи Томашевская, Кочетова, Иванова. Вотъ самая программа, составленная по порученію собранія г-жею Кочетовой.

«Тѣло. *Кубъ*; его грани, ребра, двугранные и трехгранные углы, основаніе куба. *Линіи*—прямая, ломаная, отвѣсная, горизонтальная.—Линейные *углы*. *Поверхность*, измѣреніе ея; квадраты, квадр. мѣры.—Задачи.—*Призма* (четырехгранная), ея грани, ребра, основаніе, измѣреніе поверхности.—Задачи.—Объемъ тѣла. Измѣреніе объема куба и призмы.—Кубическія мѣры.—Задачи.—*Шаръ*; центръ шара, поперечникъ, ось, полупоперечникъ, окружность, кривая линія, дуга».

Послѣ довольно продолжительныхъ преній, программа эта была принята собраніемъ; но я не присутствовалъ на урокахъ этого предмета, и потому не могу сказать о ходѣ его въ школѣ

и успѣхахъ въ немъ учащихся; вообще же сомнѣваюсь въ примѣнимости этого предмета въ воскресной школѣ.

5) Элементарныя свѣдѣнія изъ *географіи* преподавались въ связи съ предметными уроками. Необходимость этихъ свѣдѣній заявилась съ самыхъ первыхъ поръ и вызывалась не только требованіемъ общеобразовательной цѣли школы, но и тѣмъ матеріаломъ, какой находился въ книгѣ для чтенія. «Такъ, по замѣчанію г. Ж., при чтеніи 1-й ч. статей «Дѣтскаго Міра» безпрерывно употребляются разные географическіе термины, и при указаніи мѣста жительства животныхъ говорится о жаркихъ странахъ, называются части свѣта и отдѣльныя государства. Вся эта номенклатура, совершенно понятная для ученицъ подготовленныхъ, остается пустымъ звукомъ для нашихъ ученицъ, не имѣющихъ ровно никакихъ географическихъ свѣдѣній. Какое представленіе могутъ составить себѣ такія ученицы, прочтя, напр., что извѣстное животное живетъ въ жаркихъ странахъ, а другое водится на сѣверѣ? Одна изъ лучшихъ ученицъ старшаго класса, на вопросъ: «Что такое Франція?» отвѣчала подумавши: «Городъ». — Выходя изъ чисто практическихъ указаній опыта, было положено преподавать необходимѣйшія географическія свѣдѣнія, насколько онѣ требуются для пониманія статей, находящихся въ принятой школою книгѣ для чтенія. Между прочимъ, было обращено вниманіе на сообщеніе ученицамъ понятій о составленіи плана, карты и проч., а для лучшаго запоминанія географической номенклатуры положено завести ученицамъ тетрадки, куда бы онѣ вносили неизвѣстныя имъ слова, съ краткимъ ихъ объясненіемъ. На этотъ подготовительный курсъ предположено назначить до 10 отдѣльныхъ уроковъ.

6) Свѣдѣнія изъ *отечественной исторіи* представляли курсъ эпизодическій, при чемъ преподаваніе велось частію въ видѣ бесѣды, частію въ видѣ чтенія избраннаго учебника. При мнѣ велъ дѣло это Л. Д. Журавлевъ, одинъ изъ старѣйшихъ тружениковъ по школѣ. Ученицы читали учебникъ Острогорскаго, потомъ разсказывали прочитанное. Занятія шли довольно вяло, почему нѣкоторыя ученицы, разсѣянно слушавшія чтеніе, не могли повторить прочитаннаго. Опыты ученицъ въ письменномъ изложеніи историческихъ разсказовъ оказались тоже не-

завидными. Повидимому, этому предмету еще не было посвящено должнаго вниманія со стороны общества учительницъ.

7) Начальныя *свѣдѣнія изъ естествознанія* преподавались *въ связи съ книгой для чтенія* и имѣли чисто элементарный характеръ. Справедливость требуетъ однако сказать, что этотъ предметъ въ школѣ наименѣе разработанъ. Мнѣ не пришлось видѣть его преподаванія. Я могъ видѣть богатый запасъ учебныхъ пособій по естествовѣдѣнію, но не видѣлъ, какъ ими пользуются на урокахъ. Такъ какъ свѣдѣнія изъ естествознанія входили главнымъ образомъ въ такъ-называемые предметные уроки, то подробности о ходѣ этого дѣла сообщимъ ниже. Теперь же замѣтимъ, что главная задача упомянутыхъ свѣдѣній заключалась въ ознакомленіи учащихся съ окружающею дѣйствительностью, съ одной стороны, съ другой—въ развитіи способности наблюденія и дара слова вмѣстѣ съ письменнымъ изложеніемъ учащихся. Наименѣе сообщалось свѣдѣній изъ физики; наибольшее же вниманіе было обращено на царство растительное.

Вопросъ о преподаваніи *ботаники* въ школѣ возбужденъ былъ А. Д. Ивановой, которая составила программу по этому предмету и представила нѣсколько объяснительныхъ къ ней замѣтокъ.

По обсужденіи программы г-жи Ивановой и замѣчаній къ ней, собраніе справедливо выразило сомнѣніе въ выполнимости намѣченнаго курса, по недостатку подготовки ученицъ, Такъ, напр., восходящее и нисходящее движеніе сока растеній, по замѣчанію Хр. Д. Алчевской, возможно объяснить только при знакомствѣ съ физикой и химіей. Поэтому ботаника не вошла въ курсъ школы.

8) *Предметные уроки* въ Х. в. школѣ вызывали особенное вниманіе учительницъ. Новость дѣла, недостаточная его разработка въ педагогической литературѣ, интересъ самаго предмета, сложныя требованія и трудныя условія его преподаванія—все это вызывало взаимный обмѣнъ мыслей, взглядовъ и убѣжденій въ средѣ учительницъ. Въ протоколахъ собраній ихъ я нашелъ массу заявленій, мнѣній и споровъ по вопросу о предметныхъ урокахъ.

Вопросъ о предметныхъ урокахъ обсуждался въ собраніяхъ

учительницъ много разъ. Такъ, еще въ 1871 г. былъ заслушанъ по этому предмету докладъ Л. Д. Журавлева.

«Вопросъ разсматривался съ двухъ сторонъ: со стороны *матеріала* и со стороны *системы* изложенія. Со стороны матеріала I-й годъ «Роднаго Слова» признанъ достаточнымъ для цѣли; сжатость же уроковъ доставляетъ, по мнѣнію референта, полную свободу учащимъ въ пріемахъ. Строго *научная* система предметныхъ уроковъ не нужна, потому что она не совпадаетъ съ элементарнымъ обученіемъ и потому что пропустившія ученицы потеряли бы связь перваго урока съ 3-мъ и т. д. Но такъ какъ *система* все-таки нужна, то ее предполагалось допустить только относительно распредѣленія и нѣкотораго *плана* занятій. Учительницы Томашевская и Чирикова требовали связи содержанія предметныхъ уроковъ съ временами года, чтобы возможно было имѣть подъ руками нужныя для уроковъ наглядныя пособія. Г-жа Шимкова требовала связи между уроками, — не научной, а хотя такой, какая существуетъ между ближайшими предметами и отдаленными, по родству явленій, признаковъ и качествъ тѣхъ предметовъ, о которыхъ читается, — также связи уроковъ съ данными явленіями извѣстныхъ временъ года, чтобы связь эта была—какъ можно нагляднѣе для дѣтей, чтобы уроки не были случайны по своему содержанію, но при томъ заявила, что связь эта должна простираться не далѣе, какъ только на предшествующій урокъ. Г-жа Чирикова высказалась противъ систематической связи предметныхъ уроковъ, говоря, что и прежде «связь эта хотя и была у преподававшихъ, но для ученицъ она пропадала по причинѣ пропусковъ; что въ замѣнъ этой связи можно бы установить краткіе *повторительные уроки*, что такъ какъ главная цѣль предметныхъ уроковъ—ознакомленіе ученицъ съ толковымъ изложеніемъ письменно или изустно-слышаннаго ими предметнаго урока, сообщеніе имъ полезныхъ свѣдѣній, пріученіе ученицъ къ разсказу, къ отчетливому изложенію слышаннаго или читаннаго, и такъ какъ недостатокъ знаній можетъ быть восполненъ и внѣ школы самостоятельнымъ чтеніемъ, а недостатокъ навыка въ изложеніи внѣ школы, безъ руководства, рѣшительно нельзя пополнить, то нужно главнымъ образомъ имѣть въ виду вторую цѣль предметныхъ

уроковъ, и поэтому 2-й часъ предметнаго урока должно отдѣлять на повтореніе и изложеніе прочитаннаго въ 1-мъ часу, при чемъ требовать, чтобы письменное изложеніе предметныхъ уроковъ ученицами дѣлалось, по возможности, полнѣе и толковѣе. Надо замѣтить, что послѣднее всегда сопровождало урокъ, и изъ видѣнныхъ мною образцовъ я могъ убѣдиться, что дѣло велось съ успѣхомъ.

«Затѣмъ, при дальнѣйшемъ обсужденіи программы предметныхъ уроковъ было заявлено г. Журавлевымъ, что имъ имѣлись въ виду требованія педагогическія и краткость времени (26 час. въ годъ), съ значительными при томъ промежутками между уроками, а равно и другія неблагопріятныя условія, какъ-то: пропуски ученицъ, частое и разновременное поступленіе новыхъ и колеблющійся вслѣдствіе этого уровень знаній въ классѣ.

«При такихъ обстоятельствахъ, конечно, и думать было нельзя объ обширной программѣ, а также невозможно было установить и тѣсную связь между уроками. Матеріаломъ для предметныхъ уроковъ избраны предметы и явленія, наиболѣе знакомые ученицамъ, нѣкоторыя животныя, растенія и минералы, разсматриваемые съ точки зрѣнія ихъ полезности или вредности, для чего выдѣлены въ особые уроки производства: шерстяное, шелковое, хлопчато-бумажное и стеклянное; въ программѣ помѣщены также 4 урока о водѣ и воздухѣ.

«Для удобства въ пользованіи наглядными пособіями уроки были распредѣлены по временамъ года; такъ, урокъ о водѣ проходился зимою, когда ее можно показать ученицамъ въ различныхъ ея видахъ: льда, снѣга; уроки о растеніяхъ лѣтомъ и т. д. При этомъ между нѣкоторыми уроками установлена была нѣкоторая связь, такъ напр., урокъ о шелковомъ производствѣ помѣщенъ въ слѣдъ за урокомъ о шелкопрядѣ; урокъ о шерстяномъ производствѣ за урокомъ объ овцѣ и т. п.

«Предполагалось составить предметные уроки, по возможности, кратко, для того, чтобы учительница имѣла время удостовѣриться—усвоила-ли каждая изъ ученицъ содержаніе всего урока; а для того, чтобы все пройденное оставалось лучше въ памяти ученицъ, рѣшено (по предложенію Н. Ф. Крамаревой) ввести по праздникамъ повторительные уроки.

«По предложенію предсѣдательницы, проф. Я. И. Ковальскій высказалъ свое мнѣніе на счетъ предметныхъ уроковъ. Онъ нашелъ, что уроки, о которыхъ говорилъ Л. Д. Журавлевъ, неправильно названы *предметными*, а скорѣе заслуживаютъ названія міровѣдѣнія, такъ какъ въ нихъ предполагается не только разсматривать отдѣльные предметы по ихъ отличительнымъ признакамъ, но дѣлать и нѣкоторыя обобщенія; затѣмъ онъ нашелъ, что предположенные уроки получатъ, по неподготовленности ученицъ, двойственный характеръ, потому что придется сообщать ученицамъ не только понятіе о самыхъ предметахъ и явленіяхъ, но еще останавливаться на разъясненіи различныхъ основныхъ понятій, напр.: плотности, растворимости тѣлъ и т. п.; во избѣжаніе этой двойственности, г. Ковальскій предложилъ устроить *приготовительный курсъ*, въ которомъ бы ученицамъ сообщались необходимыя предварительныя свѣдѣнія для слушанія предметныхъ уроковъ.

«Е. Д. Чирикова заявила на это, что такой приготовительный курсъ, безъ сомнѣнія, принесъ бы большую пользу, но что устроить его въ воскресной школѣ не представляется возможности по недостатку учительницъ и по неаккуратности посѣщенія школы ученицами.

«Важнымъ недостаткомъ предложенной программы Я. И. Ковальскій нашелъ то, что въ нее не входитъ, какъ предметъ изученія, строеніе человѣческаго тѣла, и считалъ необходимымъ удѣлить этому предмету нѣсколько уроковъ; то же мнѣніе проводилъ и г. Фесенко (гость).

«Имъ возражали учительницы, что изученіе строенія человѣческаго тѣла не стоитъ въ программѣ потому, что этотъ предметъ слишкомъ *труденъ* для пониманія ученицъ; при чемъ ссылались на теоретическое мнѣніе нѣкоторыхъ извѣстныхъ педагоговъ, съ одной стороны, и съ другой — на личный опытъ Е. Д. Чириковой, которая, прочитавши въ прошломъ году въ старшемъ классѣ нѣсколько уроковъ о человѣкѣ, нашла, что ученицы не могли ихъ усвоить.

«По поводу программы г. Фесенка и замѣчаній г. Ковальскаго о необходимости особыхъ предметныхъ уроковъ для старшаго класса, а равно внесеніе въ программу предметовъ только изъ зоологіи и ботаники, при чемъ на изученіе человѣка надо

было назначить до 5 уроковъ, учительницы заявили, что находятъ это неудобнымъ. «Особый курсъ предметныхъ уроковъ предполагаетъ связь 2-хъ годовъ обученія, а условія воскресной школы рѣшительно не допускаютъ связи даже между нѣсколькими предметными уроками. Матеріалъ же для уроковъ, предложенный гг. Ковальскимъ и Фесенкомъ, только изъ зоологіи и ботаники, ведетъ *къ однообразію*, а слѣдовательно (по мысли Любена) и къ односторонности, которой учительницы въ своей программѣ старались, по возможности, избѣжать; пять уроковъ, назначенныхъ для человѣка въ новой программѣ, по мнѣнію учительницъ, не могутъ войти въ составъ программы, во-первыхъ, потому, что, вѣроятно, не безъ основанія ни въ одной изъ лучшихъ элементарныхъ зоологій (Сентъ-Иллера, Михайлова, Мечникова) не упоминается о человѣкѣ; а во-вторыхъ, нигдѣ нѣтъ популярнаго, хотя сколько-нибудь удовлетворительнаго изложенія о человѣкѣ. То, что говорятъ о немъ Дистервегъ, Ушинскій, Корфъ, Зобовъ и Новаковскій въ своихъ книгахъ, крайне поверхностно и не интересно. У Вагнера, написавшаго множество статей по естествознанію, нѣтъ ни одной о человѣкѣ, что врядъ-ли можно счесть за случайность, 5-ти уроковъ для изученія человѣка — недостаточно, какъ это показала прошлогодняя практика. Кромѣ того, мы не понимаемъ возможности элементарнаго изученія сложныхъ процессовъ дыханія, кровообращенія и пищеваренія человѣка, назначенныхъ на первые уроки, и при томъ по способу аналогіи,—даже безъ названія органовъ».

«Учительницы охотно признавали, что въ выработанной ими программѣ есть множество пробѣловъ, что еще съ очень многимъ слѣдовало бы ознакомить ученицъ; но въ виду крайней трудности вѣрно опредѣлить, что именно тотъ, а не другой родъ явленій и предметовъ особенно важенъ и самъ по себѣ, и по отношенію къ учащимся, послѣ тщательнаго взвѣшиванія относительной важности темъ, пришли къ убѣжденію въ необходимости оставить прежнюю программу, сдѣлавши въ ней только нѣкоторыя дополненія, согласно съ мнѣніемъ г. Фесенка, который, отстаивая и на этотъ разъ свое мнѣніе о преимуществѣ изученія человѣка предъ изученіемъ производствъ и ремеслъ, говорилъ, что изученіе человѣка необходимо для

сбереженія собственнаго организма и польза отъ этихъ уроковъ несравненно больше, чѣмъ отъ уроковъ о какихъ бы то ни былъ производствахъ и ремеслахъ. Затѣмъ г. Фесенко говорилъ о сердцѣ и кровообращеніи, какъ о темахъ серьезныхъ и сложныхъ и о необходимости дать о нихъ или полное и точное понятіе, или же вовсе не возбуждать въ ученицахъ смутныхъ и сбивчивыхъ представленій.

«Къ послѣднему заявленію г. Фесенка собраніе учительницъ отнеслось сочувственно, находя въ немъ полное согласіе съ своими собственными воззрѣніями на этотъ предметъ, не допускавшими учительницъ поверхностно отнестись къ изученію человѣка, при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ преподаванія въ воскресной школѣ», почему этотъ предметъ и не могъ найти себѣ мѣста въ ней.

Особенной искусницей въ преподаваніи предметныхъ уроковъ была Е. Д. Чирикова. Достоинство ея въ этомъ отношеніи находило признаніе не только въ средѣ учительской корпораціи школы, но и въ средѣ ученицъ, такъ еще въ 1871 г., послѣ предметнаго урока «Яблоня», ученицы старшаго класса поручили г-жѣ Алчевской (на общей спѣвкѣ, бывающей у послѣдней) благодарить Елизавету Дмитріевну и просить ее остаться *навсегда* ихъ учительницей. Надо замѣтить, что предметные уроки читались учительницами по очереди; урокъ же г-жи Чириковой такъ понравился ученицамъ, что онѣ желали бы измѣнить существующій порядокъ уроковъ въ пользу любимой уичтельницы. Обстоятельство это, вмѣстѣ съ другими соображеніями, вызвало въ средѣ собранія учительницъ вопросъ (поставленный г-жею Алчевской) о сосредоточеніи предметныхъ уроковъ въ рукахъ *одной* учительницы-спеціалистки. Вопросъ этотъ вызвалъ жаркія и продолжительныя пренія, которыя однако закончились въ пользу предложенія г-жи Алчевской. Оппоненты настаивали на томъ, чтобы всѣ учительницы практиковались въ предметныхъ урокахъ; но на это защитники противнаго мнѣнія справедливо возражали, что школа и ученицы не могутъ и не должны считаться матеріаломъ, надъ которымъ каждый можетъ производить удачные и неудачные опыты; что для желающихъ поучиться вести предметные уроки будетъ въ высшей степени полезно видѣть преподаваніе и ве-

деніе ихъ опытною *спеціалисткой*. Словомъ, уроки, какъ и слѣдовало ожидать, были поручены г-жѣ Чириковой, которая и вела ихъ съ блестящимъ успѣхомъ.

То обстоятельство, что учительницы поочередно готовили предметные уроки, представляло и раньше нѣкоторыя неудобства, вызвавшія предложеніе (М. А. Шимковой) о необходимости спеціализировать эти уроки. Референтка полагала, что «преподаваніе выиграло бы въ томъ случаѣ, если бы каждый изъ преподающихъ взялъ на себя какой-нибудь отдѣлъ и велъ его самостоятельно отъ начала и до конца. Такъ, одинъ могъ бы читать уроки о животныхъ (которые были распредѣлены между многими преподавателями), другой взялъ бы на себя растенія и т. д. Въ такомъ случаѣ могли бы исчезнуть главные недостатки уроковъ, состоящіе въ отсутствіи опредѣленнаго плана, въ отсутствіи связи между уроками, въ повтореніяхъ одного и того же и въ разбавленіи уроковъ множествомъ ненужныхъ подробностей».

Однако предложеніе это вызвало возраженія (Е. Д. Чириковой), которыя признаны были собраніемъ достаточно вѣскими. «Не должно упускать изъ виду интересовъ и преподавательницъ, заявила Елизавета Дмитріевна, ибо не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что школа будетъ идти дальше тѣмъ лучше, чѣмъ разнообразнѣе, чѣмъ всестороннѣе будутъ приготовлены къ своему дѣлу всѣ принимающіе участіе въ преподаваніи. Наша воскресная школа дорога намъ, между прочимъ, и потому, что она доставляетъ каждому изъ насъ возможность, не слишкомъ отрываясь отъ постоянныхъ нашихъ занятій, подготовить себя къ обязанностямъ школьной учительницы. А отъ школьнаго учителя никто не требуетъ глубокаго знакомства съ какою-нибудь отраслью естествознанія, или какихъ-нибудь иныхъ *спеціальныхъ* познаній. Но отъ хорошаго элементарнаго учителя можно требовать, чтобъ онъ съ одинаковою легкостію извлекалъ потребный для его цѣли матеріалъ изъ всего окружающаго; чтобы онъ съ одинаковымъ искусствомъ пользовался всѣми своими, хотя бы и не обширными, познаніями.

«Можно-ли назвать хорошимъ того учителя, который неподражаемъ въ разсказахъ о жизни животныхъ и становится въ тупикъ, когда дѣти заведутъ съ нимъ рѣчь о встрѣтившемся

деревѣ? А это легко можетъ случиться даже съ человѣкомъ знающимъ, но привыкшимъ толковать только объ извѣстныхъ предметахъ, не касаясь ничего другого. Мы дорожимъ возможностью говорить въ нашихъ урокахъ о разныхъ предметахъ главнымъ образомъ потому, что многимъ изъ насъ неизвѣстно, долго-ли еще имъ придется производить эти опыты, которые, при настоящихъ условіяхъ школы, вполнѣ умѣстны, а въ другое время и въ другомъ мѣстѣ они, быть можетъ, и немыслимы».

Вопросъ о предметныхъ урокахъ поднимался много разъ; между прочимъ профессоръ Хар. университета Владиміровъ высказался за замѣну ихъ преподаваніемъ географіи и исторіи. «Чтеніе уроковъ по географіи, заявилъ г. Владиміровъ, гдѣ бы ученицы познакомились съ частями свѣта и наиболѣе значительными государствами Европы, и уроки по исторіи, въ которыхъ бы сообщались важнѣйшія свѣдѣнія изъ исторіи нашего отечества, несравненно полезнѣе тѣхъ «предметныхъ уроковъ» по естественной исторіи, какіе доселѣ читались въ школѣ, гдѣ чаще всего касаются частностей, а не основныхъ законовъ и явленій природы. Между тѣмъ какъ уроки по географіи и исторіи, съ одной стороны, дали бы ученицамъ полезныя фактическія свѣдѣнія, необходимыя и въ теоріи и при чтеніи книгъ, потому что и тамъ, и здѣсь приходится безпрестанно наталкиваться на географическія названія и историческія имена. Съ другой стороны, эти уроки могутъ имѣть развивающее значеніе для ученицъ, если заставлять ихъ задуматься о цѣли и значеніи наиболѣе крупныхъ историческихъ явленій, а также о значеніи, какое имѣли нѣкоторыя историческія лица въ русской исторіи». На это учительницы Крамарева, Чирикова и Иванова возразили, что «воскресная школа располагаетъ слишкомъ незначительнымъ количествомъ времени, поэтому пройти съ ученицами болѣе или менѣе связный курсъ исторіи и географіи нѣтъ возможности; если же ограничиться одною номенклатурою государствъ, городовъ и историческихъ именъ, то это будетъ только потеря времени и труда, такъ какъ ученицы неизбѣжно перепутаютъ эти имена и скоро ихъ забудутъ; развивающаго же значенія, понятно, такіе уроки имѣть не могутъ. Между тѣмъ какъ предметные уроки по естественной исторіи

научаютъ ихъ хотя нѣсколько *сознательнье относиться къ окружающей природѣ*».

Въ то же время г-жи Крамарева, Иванова и Чирикова поставили вопросъ о необходимости «систематически организовать предметные уроки, такъ чтобы въ концѣ года изъ этихъ уроковъ составлялось что-либо цѣлостное, а не отрывочныя свѣдѣнія о разныхъ предметахъ, не имѣющихъ между собою никакой связи». Признавая въ принципѣ педагогичность такого требованія, собраніе въ то же время не видѣло возможности вполнѣ ему удовлетворить, по причинѣ разнородности группъ и крайней неаккуратности въ посѣщеніи школы ученицами старшаго класса, гдѣ читались предметные уроки, при чемъ у большинства ученицъ утрачивается взаимная связь уроковъ. На это г-жа Чирикова основательно замѣтила, что если нѣтъ возможности ввести общую систему въ преподаваніи предметныхъ уроковъ, то ничто не мѣшаетъ по крайней мѣрѣ каждый урокъ дѣлать настолько законченнымъ, чтобы онъ оставлялъ послѣ себя цѣльное впечатлѣніе пріобрѣтеннаго знанія.

На окончательный вопросъ о томъ, что слѣдуетъ оставить въ старшемъ классѣ—уроки-ли исторіи или предметные уроки, рѣшеніе послѣдовало въ пользу исторіи. Такимъ образомъ школа дала свою дань увлеченію новымъ предметомъ; но практика отрезвила это увлеченіе. «Предметные уроки» отошли въ область преданія, уступивъ мѣсто предмету, который дѣйствительно можетъ имѣть высокое воспитательное значеніе.

9) *Пѣніе* преподавалось практически Хр. Д. Алчевской, при чемъ ученицы, послѣ воскресныхъ уроковъ, собирались въ обширный залъ ея квартиры и пѣли подъ ея руководствомъ избранные гимны и пьесы. Это самые живые и привлекательные для ученицъ уроки. Надо сказать, что Христину Даниловну сердечно любятъ всѣ ученицы; за ея ласку, доброту, труды по школѣ онѣ души въ ней не чаютъ; провести лишній часокъ съ Христиной Даниловной—это наслажденіе для ученицъ, которыя, понятно, съ чрезвычайною охотою спѣшатъ къ ней на уроки пѣнія. Я былъ на одномъ изъ этихъ уроковъ. Яркое весеннее солнце заливало свѣтомъ обширную, роскошную залу, гдѣ толпилось до ста ученицъ; на всѣхъ лицахъ—живая, свѣтлая радость, одушевленіе. Въ ожиданіи Христины Дани-

ловны ученицы толпились группами, обмѣниваясь впечатлѣніями только что оконченныхъ занятій въ школѣ. Съ послѣдними изъ ученицъ появилась и привѣтливая хозяйка, встрѣченная всѣми группами чрезвычайно тепло, сердечно. Нельзя передать словами того впечатлѣнія, которое вызываетъ въ постороннемъ даже зрителѣ эта полная жизни масса ученицъ, это дышащее свѣжестью, откровенностью настроеніе, эта простота и задушевность въ отношеніяхъ. Пріѣздъ мой былъ неожиданностью для школы; ученицы сначала, повидимому, нѣсколько конфузились отъ присутствія посторонняго лица, но когда я представился хозяйкѣ и по тону ея ученицы увидѣли, что это «свой» человѣкъ, онѣ, кажется, не обращали на меня никакого вниманія, занявшись дѣломъ. Христина Даниловна сѣла за рояль и послѣ нѣсколькихъ аккордовъ началось пѣніе. Пьесы выбирались по общему согласію. Пѣніе было простое, но очень стройное. Пѣли по слуху. Я полагаю, что слѣдовало бы ввести пѣніе по крайней мѣрѣ по цифрамъ и систематизировать это дѣло; безъ знанія нотъ ученицы навсегда лишены возможности пополнить свой репертуаръ, разучить самостоятельно что-нибудь новое. Скажутъ, что воскресная школа не имѣетъ для изученія пѣнія по нотамъ достаточно времени. Но вѣдь есть же время, чтобы научить учениць грамотѣ? А разбирать ноты нисколько не хитрѣе и не труднѣе, чѣмъ разбирать печатную книгу. Какъ повести это дѣло, мною было раскрыто въ другомъ мѣстѣ *); но что оно возможно и въ воскресной школѣ, это не подлежитъ сомнѣнію. Особенно, если за это дѣло возьмется Христина Даниловна, столько любимая всей школой и обладающая такимъ педагогическимъ тактомъ.

Однако и въ настоящемъ своемъ видѣ уроки пѣнія достигаютъ своей цѣли. Я разумѣю то нравственно-воспитательное вліяніе, которое оказываютъ эти уроки на учениць. Отчего такъ весело спѣшатъ ученицы на эти уроки? Что привлекаетъ ихъ, утомленныхъ четырехчасовыми занятіями, въ залъ ихъ учительницы? Уроки пѣнія для учениць это не просто отдыхъ,

*) См. статью «Обученіе пѣнію» въ журн. «Народная школа» и статью въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за январь 1877 г. Послѣдняя статья помѣщена и въ «Обзорѣ нашей народно-учебной литературы».

а наслажденіе, которое рѣдко достается на долю рабочаго человѣка и потому тѣмъ дороже цѣнится. Здѣсь, въ залѣ своей любимой учительницы, вся масса ученицъ чувствуетъ себя какъ дома; въ пѣніи вся эта масса сливается въ одну семью, и послѣдняя изъ ученицъ чувствуетъ, что она не лишняя, что и она—членъ этой семьи; такимъ образомъ сильнѣе закрѣпляется то живое родственное чувство, которое объединяетъ всю школу, и ученицы, пусть даже безсознательно, научаются цѣнить достоинство эстетическаго наслажденія; душа ихъ *настраивается* лучше, выше, добрѣе. Это-то настроеніе и составляетъ ту силу нравственнаго вліянія, которое даетъ музыкѣ почетное мѣсто въ ряду общеобразовательныхъ средствъ школы.

Къ сожалѣнію, собственно церковное пѣніе въ школѣ не было правильно организовано, такъ какъ не было знатока этого предмета въ средѣ учительницъ. Пробѣлъ этотъ предполагалось пополнить впослѣдствіи.

Внутренняя жизнь школы.

Внутренняя жизнь всякаго учебнаго учрежденія мало доступна стороннему наблюдателю; однако же, не зная внутреннихъ основъ этой жизни, нельзя сказать, что мы *знаемъ* учебное заведеніе. Къ счастію, по отношенію къ харьковской воскресной школѣ, какъ уже было сказано, наблюдатель поставленъ былъ въ наиболѣе благопріятныя условія въ этомъ отношеніи, такъ что мы имѣемъ возможность раскрыть предъ читателемъ живую картину и внутренней жизни этого учрежденія. Жизнь его чрезвычайно симпатична педагогу. Сколько добра, сколько свѣта и тепла разливаетъ эта школа на *учащихся*! Сколько свѣжести, сколько живаго, разумнаго содержанія вноситъ она въ жизнь *учительницъ*! Обыкновенно бываетъ такъ, что блестящая внѣшняя обстановка часто скрываетъ внутреннюю пустоту и внѣшность рѣдко сходится съ внутреннимъ содержаніемъ: здѣсь же напротивъ, внутреннее содержаніе далеко превосходитъ блестящую внѣшнюю организацію школы, и потому на этой сторонѣ ея мы остановимъ особенное вниманіе читателя.

Внутренняя жизнь всякаго учебно-воспитательнаго учреж-

денія слагается изъ взаимныхъ *отношеній учащихъ между собою*, изъ отношеній корпораціи къ своему *дѣлу* и къ *учащимся*. Но такъ какъ живымъ центромъ, объединяющимъ всѣ дѣятельныя силы школы, въ данномъ случаѣ являются *педагогическія собранія* учительницъ, то мы прежде всего остановимся на этомъ учрежденіи.

1) Педагогическія собранія учительницъ Харьковской женской школы.

Первое собраніе преподавательницъ и преподавателей Харьковской женской частной воскресной школы было 21-го ноября 1870 года. Затѣмъ общія педагогическія собранія продолжались послѣдовательно въ теченіе всего времени существованія школы; засѣданіямъ велись протоколы, пользуясь которыми мы постараемся представить, хотя въ общемъ очеркѣ, внутренній ходъ развитія, такъ сказать, педагогическій ростъ этого учрежденія, составляющаго самую видную, характеристическую особенность Харьковской школы.

Педагогическія совѣщанія учительницъ вызваны были чисто-практическими потребностями школы—именно, сознаніемъ важности и пользы *взаимнаго обмѣна* опытовъ въ преподаваніи. Въ докладѣ общему собранію 11-го марта 1871 г. г-жа Алчевская пишетъ: «Къ намъ поступаютъ новыя учительницы, проникнутыя стремленіемъ принести посильную пользу; онѣ не могли, навѣрное, не взглянуть съ критическимъ анализомъ на то дѣло, которому собираются служить вѣрой и правдой, ихъ свѣжій взглядъ легко могъ подмѣтить тѣ недостатки, къ которымъ попригляделись мы — старыя учительницы, и, можетъ быть, только робость новизны заставляетъ ихъ считать передачу своихъ дѣльныхъ замѣчаній неумѣстною. Съ другой стороны, старыя учительницы, богатыя опытомъ, легко могутъ, быть можетъ, указать на промахи въ педагогическихъ пріемахъ новыхъ неопытныхъ учительницъ и дать имъ дѣльный совѣтъ, но стѣсняются при мысли, чтобы не заподозрили ихъ въ претензіи на авторитетность, на вмѣшательство тамъ, гдѣ ихъ не спрашиваютъ, не заподозрили въ самонадѣянности и т. п. На сколько отъ этой обоюдной щепетильности должно страдать дѣло, очевидно». Поэтому Хр. Д. Алчевская поставила вопросъ

о томъ, не найдетъ-ли собраніе удобнымъ установить *взаимный обмѣнъ* опыта учительницъ въ педагогическомъ дѣлѣ и обсужденіе замѣчаній, вызываемыхъ тѣми или другими недостатками преподаванія, при совокупномъ участіи всѣхъ учительницъ?

Предложеніе это принято было, конечно, сочувственно и повело къ дальнѣйшей организаціи *педагогическихъ собраній*. Однако организація ихъ вырабатывалась медленно и постепенно.

Однимъ изъ трудныхъ для рѣшенія пунктовъ оказался вопросъ о *составѣ* собраній. Хотя число учительницъ и учителей само по себѣ всегда было довольно значительно и собранія въ этомъ отношеніи были обезпечены *), тѣмъ не менѣе корпорація учительницъ опасалась замкнутости кружка и старалась изыскать средства, чтобы стать въ возможно живое и тѣсное отношеніе къ окружающему *обществу*, что оказалось дѣломъ далеко не легкимъ. Правда, что въ засѣданіяхъ учительницъ, даже съ самыхъ первыхъ поръ, участвовали и посторонніе посѣтители**); но это была уступка жизни; теоретически же до-

---

*) По протоколамъ собраній учительницъ значатся въ числѣ членовъ собраній за истекшія 6 лѣтъ слѣдующія лица: г-жи Алчевская Хр. Д., Анисимова, Александрова, Алещенко М. И., Богаевская М. М., Блинова М. А., Бакулина, Бабенко, Воронцова, Гольманъ А. Н., Гришенко, Грудзинская, Дружкова Н. П., Дмитріева З. Н., Донцова, Долженко, Иванова А. Д., Ильяшева Ю. И., Кочетова О. В., Крамарева Н. Ѳ., Курилова Н. П., Королевцева Е. И., Козлова, Краль, Лебедева, Левандовская, Лалошъ, Михно Н. В., Микулина, Марки, Недавняя Н. Д., Никольская, Платонова, Погорѣлова, Прокофьева, Рубинская, Сокольская Е. Д., Сиренко А. И., Сабо, Савичъ, Селивановъ, Синдѣева, Томашевская В. Н., Устинова А. И., Фризе Е. И., Франковская, Филипьева, Халпаченко М. И., Холодковская, Цвѣткова Е. И., Чириковы Е. Д. и М. И., Чернай Е. А., Череватенко, Шевырева А. Я., Шимкова М. А., Шедокирская, Шитковская, Янковичъ, Ѳедоровская и др. *Учителя*: о Ст. Любицкій, Л. Д. Журавлевъ, М. Д. Линда, Ст. Н. Попомаревъ, Власовскій, и гости. Всѣ эти лица, какъ видно изъ протоколовъ, принимали самое дѣятельное участіе въ обработкѣ педагогическихъ вопросовъ, въ разное время вносившихся на общее обсужденіе собранія.

**) Изъ *посторонних* посѣтителей педагогическихъ собраній учительницъ въ протоколахъ значатся слѣдующія лица: Бар. Н. А. Корфъ, профессоры: Н. Н. Бекетовъ, Владиміровъ, Бакстъ, Гордеенко, гг. Д. Д. Семеновъ, К. К. Абаза, А. К. и Н. К. Алчевскіе, Е. И. Шабельскій (членъ Александровскаго земства), М. П. Силаковъ, Г. В. Левицкій, И. О. Фесенко, Прокоповичъ, Сикуренко, Троицкій, Платковскій, А. Д. Чириковъ и др. Каждое изъ упомяну-

пущеніе постороннихъ лицъ долго служило предметомъ споровъ и вызывало самыя разнородныя мнѣнія.

Вопросъ о томъ, чтобы кружокъ учительницъ не былъ замкнутъ, чтобы самое дѣло, по возможности, стояло ближе къ обществу, не разъ занималъ собраніе и даже въ одно время вызвалъ проектъ (неосуществившійся) организаціи «воскреснаго комитета», въ которомъ могло бы шире и ближе принять участіе все интеллигентное общество. Мотивы проекта вытекали изъ сознанія потребности привлечь общество къ доброму дѣлу. «Если въ обществѣ нѣтъ дѣятельнаго сочувствія школѣ, пишетъ г-жа А., если школа является предметомъ заботъ лишь изолированнаго кружка, если ею не заинтересована масса общества, успѣхъ школы не проченъ.» Переходя за тѣмъ къ предположенію, «Открыть двери школы для всѣхъ и каждаго», авторъ записки справедливо замѣчаетъ, что хотя найдутся люди, устроивающіе себѣ изъ этихъ посѣщеній пріятное препровожденіе времени; и хотя тѣ люди, которые способны отнестись къ дѣлу искренно, не имѣя извѣстной подготовки и не вынося изъ школы ничего, кромѣ пріятнаго впечатлѣнія, не дадутъ ей той критической оцѣнки, благодаря которой вырабатываются взгляды на вещи и выясняется истина; но въ тоже время— «Богъ знаетъ, сколько, можетъ быть, удалось бы вызвать въ обществѣ новыхъ силъ, еслибы школа не оставалась въ предѣлахъ замкнутаго кружка, еслибъ она дѣлилась съ обществомъ своими удачами и неудачами, еслибы каждому, заинтересованному дѣломъ народнаго образованія открылась возможность *непосредственнаго* въ немъ участія и каждый бы внесъ извѣстную долю энергіи и труда въ святое дѣло: одинъ, попавъ въ деревню, полюбопытствовалъ бы заглянуть въ деревенскую школу; другой — пожертвовалъ бы на нее лишнюю копѣйку; третій обучилъ бы трехъ-четырехъ дѣтей и т. д.». Въ виду такихъ соображеній, въ средѣ кружка поднимались голоса и за то, чтобы школа и собранія были открыты *для всѣхъ* желающихъ (предложеніе г. П.), «во избѣжаніе однообразія и замкнутости.» Собраніе однако не согласилось на это. «Пускать въ

тыхъ лицъ было такъ или иначе близко заинтересовано дѣломъ и участіе ихъ въ обществѣ учительницъ составляло несомнѣнное пріобрѣтеніе для школы.

школу и въ свое общество каждаго встрѣчнаго съ улицы—невозможно уже потому, что этотъ встрѣчный можетъ быть и дрянь», а слѣдовательно, можетъ скомпрометировать и самое дѣло.

Тотъ же г. П. находилъ *вреднымъ* для учительницъ самое ихъ увлеченіе педагогикой и учебно-воспитательнымъ дѣломъ, высказывалъ опасеніе *односторонности* развитія и взглядовъ учительницъ, въ связи съ «кружковой замкнутостью». Взглядъ этотъ также не нашелъ сочувствія, да онъ былъ и не справедливъ въ томъ отношеніи, что учительницы, какъ лица, всѣ получившія хорошее образованіе и преданныя дѣлу, ревностно и энергично заботились о дальнѣйшемъ самообразованіи, при чемъ, конечно, слѣдили за всѣмъ, что заслуживало вниманія, въ текущей литературѣ. «Удивляюсь я, писала по этому поводу Хр. Д. Алчевская одной изъ учитсльницъ, почему г. П. боится односторонности людей, отдавшихся педагогикѣ; какая же отрасль науки не входитъ въ нее? Что чуждо ей изъ общечеловѣческихъ интересовъ? И чему можно отдаться съ большей пользой для своего собственнаго развитія?»—«Говорятъ о «замкнутости» нашего кружка, — но возможно ли назвать его *замкнутымъ*? Вспомните, сколько различія въ нашихъ членахъ, въ ихъ жизненныхъ положеніяхъ, во вкусахъ, во взглядахъ и въ обстановкѣ?» Да при томъ надо и то сказать, что двери кружка всегда были открыты для каждой мыслящей, преданной дѣлу и желавшей потрудиться личности; въ тоже время развѣ живая внутренняя связь членовъ этого кружка, опирающаяся на глубокіе, человѣческіе интересы, сосредоточенная на дорогомъ для всѣхъ дѣлѣ, которое требуетъ отъ каждаго члена энергіи, знанія, труда, не въ силахъ спасти кружокъ отъ всякой односторонности? Но отстаивая жизненность общества учительницъ, г-жа Алчевская была весьма осторожна въ отношеніи выбора лицъ, допускаемыхъ на собранія учительницъ.

По вопросу о допущеніи постороннихъ лицъ на учительскія собранія г-жа Алчевская заявила необходимость нѣкоторыхъ *ограниченій*, именно для этого необходима, по ея мнѣнію, *рекомендація* учительницъ и во-вторыхъ, допущеніе постороннихъ лицъ только съ правомъ *совѣщательнаго* голоса и при томъ

лишь тогда, когда предсѣдательствующее лицо обратится къ нимъ съ просьбой о словѣ, такъ какъ мнѣніе свѣдующихъ и постороннихъ лицъ во всякомъ случаѣ не можетъ быть лишнимъ.

Пренія по этому вопросу были довольно горячія и продолжительныя. Между прочимъ, г. Журавлевъ требовалъ такой редакціи этого вопроса: во-первыхъ, возможно ли вообще допускать въ собранія учительницъ воскресной школы лицъ, занимающихся въ другихъ школахъ; а во-вторыхъ, допускать ли лицъ, занимающихся въ другихъ школахъ, по рекомендаціи учительницъ нашей школы?

М. А. Шимкова выразила мнѣніе, что допускать, пожалуй, можно, но только лицъ, заявившихъ себя предварительно работами по народному образованію; но что вообще допущеніе постороннихъ лицъ не приносило до сихъ поръ видимой пользы, исключая два—три случая; что сообщеніе свѣдѣній о школьномъ дѣлѣ посторонними лицами можно совершенно замѣнить чтеніемъ книгъ; что собранія учительницъ должны имѣть только *семейный* характеръ, но не оффиціальный, который можетъ только повредить школѣ; что говорить о пользѣ широкаго обсужденія педагогическихъ вопросовъ, касающихся школы, при помощи постороннихъ лицъ, въ виду невозможности услѣдить за всевозможнымъ развитіемъ этихъ вопросовъ самимъ учительницамъ, «просто даже стыдно;» что для учительницъ достаточно для этой цѣли усвоенія выдающихся статей нашихъ педагогическихъ писателей; что времени на чтеніе педагогическихъ книгъ всегда можно найти довольно и есть дѣйствительно учительницы, находящія время для всего этого; что собраніямъ учительницъ нельзя придавать такого образовательнаго значенія: въ нихъ вообще должны быть рѣшаемы только педагогическіе вопросы, а какъ вопросъ о допущеніи постороннихъ лицъ не касается педагогіи, то и не нужно поднимать его; что ни одинъ пансіонъ, ни одно учебное заведеніе не сносится съ другими, что для общенія между лицами, занимающимися педагогіей, существуютъ педагогическіе съѣзды; что, пожалуй, вообще можно допускать только лицъ, дѣйствительно заявившихъ себя своею педагогическою дѣятельностію, но что такихъ лицъ все таки очень мало для того, чтобы изъ ихъ участія въ собраніяхъ можно было выводить заключеніе; частные случаи

еще ничего не доказываютъ и самая незначительность пользы отъ постороннихъ лицъ для школы приводитъ, по ея мнѣнію, къ рѣшенію вопроса въ отрицательномъ смыслѣ, и что вообще желательно было бы имѣть въ виду при этомъ опасеніе, чтобы допущеніе въ собраніе лицъ постороннихъ не повредило школѣ.

Наконецъ, послѣ долгихъ и весьма оживленныхъ преній, вопросъ этотъ былъ рѣшенъ такъ: во-первыхъ, въ собранія учительницъ вообще допускаются лица, не участвующія въ преподаваніи въ Х. в. ж. школѣ, но занимающіяся и въ другихъ школахъ, *только по рекомендаціи дѣйствительныхъ членовъ учительскаго кружка воскресной школы*, во-вторыхъ, относительно допущенія въ собранія лицъ, заявившихъ себя педагогическою дѣятельностію не въ воскресныхъ школахъ, рѣшено допускать ихъ съ такими же условіями, какъ и тѣхъ, которыя занимаются въ воскресныхъ школахъ, и, какъ тѣмъ, такъ и другимъ рѣшено дать только право совѣщательнаго голоса.

Такимъ образомъ составъ собраній опредѣлился. Собирались учительницы по мѣрѣ нужды для обсужденія возникавшихъ вопросовъ. Но кромѣ этихъ спеціально-педагогическихъ совѣщаній по дѣламъ школы, учительницы имѣли вечернія литературно-педагогическія собранія.

Еще въ 1872 г. возникъ въ средѣ учительницъ Харьковской женской воскресной школы вопросъ о необходимости учредить общія *вечернія чтенія учительницъ*. «Признавая общія педагогическія чтенія однимъ изъ лучшихъ средствъ къ самообразованію учительницъ и преуспѣянію школы, собраніе обсуждало вопросъ о томъ, чтеніе какихъ именно книгъ и статей достигало бы своей цѣли?» По поводу чтенія чисто-научныхъ сочиненій было замѣчено, что такое чтеніе будетъ далеко «не всѣмъ по силамъ». Съ другой стороны, была заявлена необходимость не ограничиваться исключительно педагогическимъ чтеніемъ. Педагогика—живая наука, тѣсно связанная съ жизнью и часто многія литературныя явленія могутъ служить матеріаломъ и поводомъ къ возбужденію разнообразныхъ педагогическихъ вопросовъ. Въ результатѣ постановлено было предложить (желающимъ) учительницамъ принять на себя обязанность слѣдить за вновь выходящими книгами по извѣстному предмету, учебниками, за педагогическими статьями избраннаго каждою учи-

тельницею журнала, и дѣлать сообщенія собранію обо всемъ замѣчательномъ, выдающемся, обращающемъ на себя почему либо вниманіе. Спеціализируя такимъ образомъ наблюденіе за педагогической литературой въ отдѣльныхъ членахъ своихъ, собраніе удобнѣе могло дѣлать выборъ статей и для общаго чтенія. При этомъ было также положено, въ видахъ правильности занятій собранія, въ каждое засѣданіе избирать обыкновенно баллотировкой предсѣдательницу и секретаря изъ наличныхъ членовъ собранія. Такимъ образомъ положено было основаніе вечернимъ собраніямъ учительницъ, столь благотворно вліявшимъ на развитіе школы, содѣйствовавшимъ объединенію учительницъ и вызывавшимъ живой интересъ въ ихъ участникахъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что собранія учительницъ служили для школы источникомъ оживленія, возбужденія и средствомъ для объединенія разнообразнаго состава школы. Предметы занятій педагогическихъ собраній учительницъ были весьма разнообразны; но всего важнѣе то, что обсуждаемые вопросы были въ самой тѣсной связи съ живымъ дѣломъ, возникали прямо изъ практики и требовали непремѣнно практическаго рѣшенія. Стоя на почвѣ дѣйствительности, глубоко и всецѣло преданныя дѣлу, учительницы при обсужденіи вопросовъ имѣли въ виду исключительно интересъ дѣла, которому взялись послужить. Все, что можетъ служить этой цѣли, находило у нихъ отзывъ.

Появляется чѣмъ-либо выдающаяся педагогическая статья, она сейчасъ же служитъ предметомъ сужденій, бесѣдъ, споровъ, а затѣмъ все добытое общимъ трудомъ прилагается въ школѣ. Такъ, напр., статья «о воспитывающемъ обученіи» очень заинтересовала учительницъ и вызвала массу толковъ; она обсуждалась въ собраніи и заставила учительницъ подумать о средствахъ примѣнить ее въ школѣ.

Весьма много труда учительницы положили на составленіе программъ предметныхъ уроковъ, которые также обсуждались въ собраніи учительницъ; но больше того потрудились онѣ надъ разсмотрѣніемъ разныхъ книгъ и учебниковъ. Выше было сказано, что библіотека школы чрезвычайно богата книгами; между тѣмъ почти каждая изъ этихъ книгъ подвергалась разбору учительницъ, которыя вносили свои рецензіи въ общее собраніе.

Можно положительно сказать, что ни одна книга не попадала въ школу, не бывъ предварительно разобрана и обсуждена въ собраніи учительницъ. Итакъ, читатель можетъ видѣть, что дѣятельность этого учрежденія была многосторонняя и, въ тоже время, весьма серьезна; для школы же она была плодотворною. Но значеніе педагогическихъ собраній станетъ еще очевиднѣе, когда мы обратимся къ отношеніямъ учительницъ между собою — другъ къ другу, а равно и къ своему дѣлу,—установленіе этихъ отношеній значительно обусловливалось общимъ участіемъ учительницъ въ ихъ собраніяхъ.

2) Отношеніе членовъ корпораціи Харьковской женской воскресной школы между собою и къ школѣ.

Отношенія учительницъ между собою, въ сущности самыя простыя, дружескія, искреннія, основывались на солидарности въ общемъ дѣлѣ, на горячей преданности школѣ, на стремленіи честно, по силамъ, потрудиться на пользу общую, наконецъ, на общемъ всѣмъ участницамъ школы стремленіи къ самообразованію. Всякая учительница дорожитъ репутаціей, успѣхами, благосостояніемъ школы; она знаетъ, что это *ея* дѣло или лучшее *общее дѣло всѣхъ*. Скажутъ: трудно стороннему человѣку судить о подобныхъ отношеніяхъ, источникъ которыхъ лежитъ глубоко въ душѣ другихъ людей и доступенъ лишь самосознанію, а не внѣшнему наблюденію. Совершенно вѣрно: если только наблюдатель останавливается на внѣшней сторонѣ дѣла и по внѣшнимъ фактамъ судитъ о внутреннихъ мотивахъ, по собственнымъ предположеніямъ. Тутъ возможна ошибка весьма крупная. Но въ данномъ случаѣ я имѣю положительныя основанія утверждать, что ошибки въ сказанномъ мною нѣтъ, потому что, говоря объ отношеніяхъ учительницъ воскресной школы, я не иду изъ личныхъ предположеній, но опираюсь на факты, или лучше сказать, — только описываю живой фактъ, не дѣлая никакихъ предположеній. Дѣло въ томъ, что, благодаря довѣрію Хр. Д. Алчевской и другихъ учительницъ, мнѣ открыта была возможность познакомиться съ частной перепиской учительницъ по дѣламъ школы; здѣсь же отношенія учительницъ

рисуются чрезвычайно живо, просто и съ полною искренностью.

Перечитывая эти письма, дружескія, простыя, откровенныя, писанныя, очевидно, не для публики, наполненныя отчасти личными впечатлѣніями, отчасти вопросами педагогическаго характера, опытами, наблюденіями, вполнѣ испытываешь то впечатлѣніе, какое производитъ на человѣка живая, теплая бесѣда въ тѣсномъ кружкѣ друзей, или семьи. Нигдѣ съ такою силою не выражается внутренняя связь, — тѣсная, искренняя, задушевная связь учительницъ, какъ въ этихъ письмахъ. Особенно рельефно это выражается въ письмахъ учительницъ къ г-жѣ Алчевской. Всѣ знаютъ, что если Христина Даниловна поѣхала въ Петербургъ, то она многое увидитъ, многое изучитъ путемъ наблюденій въ столичныхъ школахъ, путемъ бесѣдъ съ представителями нашей педагогики, а въ тоже время привезетъ цѣлую массу новыхъ книгъ, учебныхъ пособій. Все это необыкновенно содѣйствуетъ общему оживленію дружескаго кружка. Сколько благодарности и желанья узнать новые методы; узнать, какъ ведется дѣло въ школахъ образцовыхъ, для того чтобы улучшить свое дѣло, высказывается въ письмахъ учительницъ къ Хр. Даниловнѣ, когда она живетъ въ Петербургѣ. Здѣсь всего нагляднѣе видишь, какъ дороги людямъ, всецѣло, безраздѣльно преданнымъ дѣлу, даже мелкія подробности относительно наилучшаго веденія школьнаго дѣла. Чтеніе этихъ писемъ мнѣ доставило истинное наслажденіе, и хотя личности писавшихъ мнѣ почти всѣ незнакомы, но въ письмахъ онѣ являются какъ живыя. Я вынесъ чувство глубокаго уваженія и самыя теплыя симпатіи къ этимъ лицамъ, съ которыми, быть можетъ, судьба не приведетъ и видѣться въ жизни. Для меня особенно дороги были эти письма, потому что въ нихъ раскрывалась та внутренняя сторона жизни кружка, которая совершенно недоступна внѣшнему, стороннему наблюдателю, а между тѣмъ очень важна для правильнаго пониманія характера дѣятельности учительницъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что это семья, въ которой и радость, и горе— все было общимъ, до того тѣсно объединило лицъ кружка ихъ доброе дѣло.

Я читалъ письма бывшей распорядительницы школы Е. И.

Цвѣтковой, которая, по служебнымъ обстоятельствамъ мужа, переѣхала въ Москву. И здѣсь та же горячая, беззавѣтная преданность дѣлу, тоже сердечное, теплое воспоминаніе о занятіяхъ въ школѣ, какъ о свѣтломъ минувшемъ. «Мнѣ до боли хочется знать, что дѣлается у васъ», пишетъ она Хр. Даниловнѣ. «Перебирая въ памяти прошедшее, мысль моя съ отрадой останавливается на томъ счастливомъ времени, которое я провела въ Харьковѣ; да, истинно это было золотое время! Какъ была добра ко мнѣ судьба, пославъ вашъ кружокъ. Немного принесла я вамъ пользы, но вашъ кружокъ оставилъ во мнѣ добрый слѣдъ. Отъ души желала бы я моей Сашѣ (дочери) попасть въ подобную обстановку. Какая рѣдкая задушевность была въ нашемъ кружкѣ, что, къ сожалѣнію, бываетъ рѣдко даже и не между такими скромными дѣятелями, какими были мы — женщины...»

Въ одномъ ошибается почтенная Е. И., что она мало принесла школѣ пользы. Школа останется ей всегда благодарной, такъ какъ только благодаря участію и помощи Е. И., она получила офиціальное признаніе права на существованіе; а затѣмъ Е. И. всегда была одною изъ ревностныхъ, выдающихся труженицъ школы и всегда энергично ее отстаивала. Школа воспоминаетъ Е. И. съ теплою, задушевною благодарностью. Сколько я ни перечиталъ писемъ учительницъ, всѣ они проникнуты самымъ горячимъ, живымъ сочувствіемъ школѣ.

Однако, я не считаю себя вправѣ умолчать о томъ, что были порою явленія и другого порядка, заявлялись отношенія къ школѣ и не совсѣмъ доброжелательныя. Правда, отношенія эти явились единичнымъ исключеніемъ, но все же они были «тѣнью на ясной лазури». Впрочемъ, отношенія эти также представляютъ свой интересъ и мы на нихъ нѣсколько остановимся.

Есть люди—умные, какъ-будто развитые, но зараженные пессимизмомъ и какимъ-то болѣзненнымъ желаніемъ — уязвить ближняго, принизить доброе дѣло, и не то чтобъ осмѣять, но дать ясный намекъ, что дѣло, которымъ люди такъ дорожатъ и которому преданно служатъ, не важное, пустое дѣло, что-де напрасно придавать ему какое-нибудь значеніе. Не имѣя въ запасѣ фактовъ для удовлетворенія «обличительнаго зуда», они стараются все истолковать въ духѣ пессимизма и когда захо-

дитъ рѣчь о дѣлѣ, иронически пожимаютъ плечами, презрительно щурятся, отпускаютъ шуточки. Люди эти *не любили;* сами они не умѣютъ любить и не вѣрятъ въ возможность чистой, безграничной любви къ дѣлу другихъ. Живя исключительно разсудкомъ, они все мѣряютъ на свой разсудочный аршинъ, презрительно относятся къ живому проявленію чувства (къ которому сами не способны) и клеймятъ его названіями мечтательности, сантиментальности, дѣтства. При сужденіи о дѣлѣ они обыкновенно заявляютъ, что они-де профаны, ничего не дѣлали и не знаютъ; это однако же не мѣшаетъ имъ самоувѣренно и авторитетно судить о дѣлѣ вкривь и вкось, при чемъ возраженія недопускаются. Подобно тому, какъ сквозь дыры плаща Антисфена сквозила гордость, напущенное смиреніе этихъ лицъ скрываетъ неодолимое тщеславіе, самоувѣренность, самомнѣніе, доходящее до самообожанія. Эти люди, даже дѣлая хорошее дѣло, остаются черствыми эгоистами, резонерами, не будучи въ силахъ проникнуться всецѣло идеею безкорыстнаго служенія обществу. Они готовы бросить самое лучшее дѣло, если только ихъ проекты, предположенія, планы потерпѣли фіаско. Въ отношеніяхъ къ другимъ они обнаруживаютъ крайнюю нетерпимость и—злопамятность.

Для общества это тяжелые люди, хотя нельзя отрицать и доли нѣкоторой пользы отъ нихъ. Они жалятъ и не даютъ инымъ спать; но за то вызываютъ часто и озлобленіе. Для дѣлъ, гдѣ общество дѣйствуетъ корпоративно, такіе люди тоже могутъ составлять противувѣсъ спячкѣ; но за то могутъ сбивать и съ толку неопытныхъ, могутъ внѣдрять въ общество разъѣдающій пессимизмъ, могутъ убить и подорвать вѣру въ трудъ и, подвергая безпощадному осмѣиванію людей робкихъ, могутъ совсѣмъ отбить ихъ отъ дѣла. Надо знать провинціальную жизнь, чтобы понять всю тяжесть и вредъ вліянія такихъ личностей на молодое, неокрѣпшее въ убѣжденіяхъ общество. Тамъ и такъ на всякій общественный починъ смотрятъ подозрительно, недовѣрчиво, и лицъ чѣмъ-либо выдающихся называютъ «выскочками»; какъ бы ни было хорошо, благотворно дѣло, найдутся доброжелатели, которые не прочь подставить ему ногу. А если тутъ орудіемъ осмѣянія является человѣкъ бойкій на слово, злоязычный, ядовитый и въ то же время пользующійся

авторитетомъ мѣстнаго остряка,—бѣда! Я остановился нѣсколько на характеристикѣ этого *типа*, потому что онъ въ послѣднее время *нерѣдко встрѣчается и въ обществѣ, и въ литературѣ*. Въ данномъ случаѣ не обошло это явленіе и харьковскую школу, которая также имѣла своего enfant terrible, отъ котораго больно приходилось особенно тѣмъ, кто полагалъ всю свою душу въ дѣло. Въ письмахъ учительницъ я нашелъ весьма наглядную картину борьбы школы съ пессимизмомъ одного изъ ея членовъ. Къ счастію, связь кружка была слишкомъ тѣсна и любовь къ дѣлу, безграничная къ нему преданность, особенно руководящихъ имъ лицъ, спасли школу въ этомъ испытаніи, спасли вѣру въ трудъ, въ будущность дѣла и въ высокое его значеніе. Но тяжело досталась эта борьба инымъ. Здѣсь нѣтъ возможности и нужды вдаваться въ изложеніе всего дѣла, для характеристики его приведу выписку изъ одного письма учительницы. «Отношеніе г. N, пишетъ она, къ учительницамъ вообще и ко мнѣ особенно — возмутительны. Каждый серьезный вопросъ, каждая задушевная просьба о совѣтѣ,—по поводу ли предметныхъ уроковъ, или чего бы то ни было въ этомъ родѣ,— не вызываютъ ничего, кромѣ пошлыхъ шуточекъ и хихиканья. И знаете ли, какъ это больно! Какъ это больно, когда проникнешься до глубины души извѣстною мыслью, когда радуешься ей, какъ великому пріобрѣтенію, то мучишься сомнѣніемъ, то прячешь ее отъ постороннихъ праздныхъ взоровъ, то томишься желаніемъ высказаться и желаешь услышать дѣльное слово, искренній совѣтъ порядочнаго человѣка... Можно было бы извинить человѣку ограниченному, а тутъ... остается одно — игнорировать пошлую иронію...»

Можно порадоваться, что школа съ достоинствомъ вынесла это испытаніе и я полагаю, что ядовитая озлобленность пессимизма навсегда потеряла кредитъ въ глазахъ школы. Каждая изъ учительницъ сознаетъ, конечно, свои недостатки; но она сознаетъ также, что дѣйствуетъ въ предѣлахъ для нея возможнаго. Итакъ, сдѣлаемъ, что сдѣлать можемъ; пусть сдѣлаютъ больше и лучше тѣ, кто это можетъ совершить. Ошибки, промахи, недосмотры въ сложномъ педагогическомъ дѣлѣ неизбѣжны; не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ; итакъ, будемъ трудиться и хотя медленно, но постепенно подвигаться

впередъ. Успѣхъ вознаградитъ трудъ! Больше всего и важнѣе всего — это *любовь* къ дѣлу, полная и беззавѣтная ему *преданность*,—а этими сокровищами школа богата.

До какой степени преданныя дѣлу труженицы сживаются со школой, какъ ее цѣнятъ, трудно и представить человѣку, невидавшему ни этой школы, ни учительницъ. Въ письмахъ учительницъ это отношеніе обрисовывается чрезвычайно ярко и симпатично. Для характеристики сдѣлаю нѣсколько выписокъ изъ писемъ В. Н. Т—ой къ г-жѣ Алчевской изъ деревни, куда первая, по необходимости, должна была выѣхать и прожить нѣкоторое время. Самый характеръ писемъ, какъ могутъ видѣть читатели, слишкомъ ясно говоритъ о томъ, что писались эти письма для себя, дружески, отъ души; но для насъ они тѣмъ интереснѣе.

«...Мысль, что я оставила школу въ то время, когда я была для нея наиболѣе нужна, что можетъ быть долго ее не увижу—не даетъ мнѣ покоя ни минуты и мучитъ меня—безъ того уже измученную, надрываетъ и безъ того надорванное здоровье. Я не знаю, что вы будете дѣлать лѣтомъ. И теперь уже возникаютъ затрудненія (въ недостаткѣ учительницъ), а что будетъ дальше? Я умоляла С. замѣнить меня по ариѳметикѣ и, кажется, она согласилась; Л. Д. я поручила убѣдить ее въ этомъ окончательно... Пишу вамъ, а сама думаю: неужели это не сонъ? Неужели придетъ воскресенье и я не пойду въ школу?...»

Посвящая свое время разбору школьныхъ книгъ, составленію предметныхъ уроковъ, обсужденію вопросовъ, подымаемыхъ въ собраніяхъ, г-жа Т., состоя учительницею при одномъ семействѣ въ деревнѣ, до того соскучилась по дорогой харьковской школѣ, что во что бы то ни было захотѣла устроить и въ деревнѣ воскресную школу. «Съ нетерпѣніемъ жду азбукъ, пишетъ г-жа Т., чтобы поскорѣе начать занятія; желающихъ учиться является все больше и больше...» По поводу высказаннаго въ одномъ изъ писемъ предположенія, что г-жа Т—ая заживется въ деревнѣ и забудетъ про харьковскую школу, пишется горячій, энергическій протестъ: забыть дорогую школу—«но вѣдь это значитъ отупѣть, опошлиться, значитъ перестать жить нравственною и умственною жизнью, перестать трудиться на пользу ближняго и быть полезнымъ членомъ общества, пе-

рестать интересоваться окружающимъ міромъ, его горемъ и радостью, а зажить муравьиною жизнью, лишенною всякихъ общечеловѣческихъ интересовъ...»

Находясь даже вдали отъ любимой школы, г-жа Т—ая энергично работала для нея чѣмъ могла, между прочимъ изготовляя образцовые предметные уроки и составляя рецензіи книгъ для собранія. Это однако же не мѣшало учительницѣ весь досугъ свой отдавать созданной ею въ деревнѣ школѣ и нельзя безъ сердечнаго сочувствія читать извѣщеніе, что школа *пошла*. «Спѣшу подѣлиться радостью (пишетъ г-жа Т—ая учительницамъ воскресной школы),—уже два воскресенья мы занимались въ нашей маленькой школѣ. Сперва явилось 10 дѣтей — 7 мальчиковъ, 3 дѣвочки; теперь еще поступили дѣвочки. Дѣти охотно идутъ въ школу и бодро занимаются, и—что всего удивительнѣе, за недѣлю—отъ воскресенья до воскресенья—почти ничего не забыли изъ того, что дано было въ прошлый урокъ...»

«Сегодня воскресенье, пишетъ г-жа И — ва изъ деревни, — въ школѣ занятія. Отъ 10 до 2 часовъ я постоянно поглядывала на часы и думала теперь поютъ «Коль Славенъ», теперь учатся и т. д. Когда я занималась въ школѣ, часто бывало, если подниму голову и всмотрюсь, то школа производила на меня впечатлѣніе, какъ муравейникъ. Подойдешь къ нему и не разберешь, куда и зачѣмъ идетъ то или другое маленькое насѣкомое; видно только, что всѣ они суетятся, трудятся. Такъ и наши учительницы. Кажется, для нихъ теперь ничто не существуетъ кромѣ школы,—все существо ихъ въ урокѣ...

«Раздается звонокъ; но не всѣхъ онъ радуетъ: иныя продолжаютъ заниматься, и во время всего отдыха слышно, какъ неутомимые, энергическіе голоса произносятъ: *мм—аа, шш—аа*... Милая, дорогая школа! Когда я тебя опять увижу?..»

Сколько жизни, любви, теплоты въ этихъ добрыхъ дружескихъ отношеніяхъ къ школѣ, и какъ благотворны они не только для школы, но и для учительницъ. Въ одномъ письмѣ я прочелъ (къ Хр. Д. А—ой): «безъ васъ я не узнала бы воскресной школы и не полюбила бы педагогической дѣятельности; можетъ быть, я бы увлеклась балами и разными пустыми удовольствіями»...

Вотъ высокая заслуга школы предъ обществомъ: она не

только даетъ образованіе бѣднымъ дѣвушкамъ, которыя безъ школы всю жизнь оставались безграмотными; она спасаетъ самихъ труженицъ школы отъ жизненной пустоты; она вызываетъ въ нихъ симпатіи къ лучшему изъ дѣлъ человѣческихъ—къ образованію дѣтей; она заставляетъ ихъ любить этотъ трудъ до самозабвенія и самопожертвованія [1]).

Знакомство съ школой, какъ видно изъ многихъ писемъ, служило сильнымъ мотивомъ для многихъ отдаться этому дѣлу, жертвовать ему всѣмъ. Въ иныхъ письмахъ встрѣчается такая горячая, беззавѣтная преданность дѣлу, такое горячее сочувствіе къ труду образованія, какія только и можно встрѣтить здѣсь.

Даже разъѣзжаясь на дачи лѣтомъ, учительницы и туда увозили ту же преданность просвѣтительному дѣлу. Имѣя досугъ, онѣ и лѣтомъ старались, гдѣ то возможно, собрать дѣтей и сообщить имъ хотя простую грамотность. Такъ, въ 1872 г., живя на дачѣ въ 3-хъ верстахъ отъ Харькова въ с. Филипповомъ, г-жа Алчевская тамъ основала лѣтнюю школу, въ которой было 8 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ. Занимаясь въ теченіе 3-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ ежедневно, дѣти, ко времени отъѣзда учительницы въ городъ, научились молитвамъ, читать, писать, и начальному счету. Доброму примѣру слѣдовали и другія учительницы.

И вотъ это-то увеличеніе школой, эта беззавѣтная преданность дѣлу инымъ изъ Аристарховъ казалась излишествомъ, чѣмъ-то чуть не предосудительнымъ, крайностью и *односторонностью* (отзывъ г. N.).

Если хотите—это односторонность, но та живая и свѣжая

---

[1]) Бывали случаи, когда учительница посѣщала школу до полнаго нездоровья. Въ письмѣ (отъ 30 н. 1871 г.) Л. Д. Алчевскій сообщаетъ Хр. Д., что Кр—ва захворала, кашляетъ, почти лишилась голоса и докторъ вообще запретилъ ей говорить, а въ частности и думать о школѣ. На ея просьбу, въ видѣ вопроса, можетъ ли она иногда ѣздить (ходить запрещено вовсе), чтобы навѣстить школу? Д-ръ сострилъ: можете не только доѣхать до школы, но даже обойти ее, если хотите, со всѣхъ сторонъ; только въ школу не ходить». На усиленную ея просьбу—хотя изрѣдка дозволить себѣ это удовольствіе, д-ръ отвѣтилъ: «бѣда съ этой школой! Теперь, благодаря ей, въ городѣ на дамъ, но особенно на дѣвицъ напала новая эпидемическая болѣзнь, можно назвать ее *школопатія*...

односторонность любви, безъ которой не мыслимо живое дѣло, не мыслима преданность ему. Въ главной руководительницѣ школы Хр. Д. А—ой эта «односторонность» проявляется со всѣми своими крайностями; но она то является источникомъ жизни, тепла, свѣта для школы. Это забота безконечно любящей матери о дорогомъ дитяти. Всякая непріятность для школы служитъ источникомъ страданій для ея руководительницы; всякая общая радость, успѣхъ ея—составляетъ предметъ восторженнаго чувства, ликованія. Интересы школы, интересы горячо любимаго дѣла служатъ для Хр. Д. критеріемъ даже для оцѣнки людей. Утрата хорошей учительницы въ школѣ служитъ для нея личною потерею, горемъ, страданьемъ. «Хорошій человѣкъ и хорошая учительница», пишетъ она въ одномъ письмѣ къ учительницѣ Т., «до такой степени сливаются для меня въ одно цѣлое, что я никакъ не разберу, кого именно люблю въ васъ: хорошаго ли человѣка, или хорошую учительницу.—Если хотите порадовать меня, пишите мнѣ и говорите безъ конца о томъ, что связь ваша со школой не порвана, что и тамъ, вдали, вы будете любить и жалѣть ее, какъ любятъ дорогое дитя, что и тамъ вы будете трудиться и работать во имя ее и для нее и будете утѣшать себя, что рано или поздно мы будемъ опять работать вмѣстѣ, какъ прежде работали [1]). Кто не понимаетъ силы и значенія этой «односторонности», съ тѣмъ и разсуждать нечего: съ слѣпыми о цвѣтахъ не разсуждаютъ. Мы отмѣчаемъ эту «односторонность»—какъ самую живую, типическую и чрезвычайно симпатичную черту Харьковской женской воскресной школы, которая спасетъ ее отъ застоя, однообразія и рутины, отъ самомнѣнія, считающаго себя непогрѣшимымъ, и отъ унынія, которое лишаетъ человѣка силъ и энергіи.

3) Отношеніе учительницъ къ учащимся.

Не знаю, какъ кому, а мнѣ при входѣ въ школу прежде всего бросается въ глаза *настроеніе* школы, *духъ* ея, по моему

[1]) Письмо къ г-жѣ Т—ой, которая отправилась учительницей въ деревню, чтобы, заработавъ средства, получить возможность снова жить въ Харьковѣ и трудиться для школы.

убѣжденію, служащіе наилучшимъ *критеріемъ* воспитательнаго вліянія школы на учащихся. Въ моемъ опытѣ не было еще случаевъ, чтобы заключеніе отъ настроенія школы къ ея успѣхамъ и вообще благоустройству—оказалось ошибочнымъ. Войдешь въ иную школу — точно въ яму или въ смирительный домъ: дѣти сидятъ робко, поникши головами, избѣгая взгляда учителя, изъ боязни быть спрошенными; вялость въ отвѣтахъ, трусость и какая-то пришибенность учениковъ, наконецъ, что-то давящее, мертвое, черствое и бездушное—наполняющее школу, невольно обдаетъ душу холодомъ и щемитъ сердце. Тутъ—даже при самомъ ревностномъ усердіи учителя—ученики мученики, учитель — страдалецъ (если онъ не извергъ). Объ успѣхахъ тутъ нечего и справляться. Уроки, конечно, могутъ и при этомъ выучиваться исправно, но дальше — ничего не ищи и не спрашивай.

Войдешь въ другую школу—свѣжестью и весельемъ обдаетъ тебя съ перваго раза! Точно солнышко заберется въ такую школу и грѣетъ и веселитъ всѣхъ своимъ тепломъ и свѣтомъ. Духъ бодрости, взаимнаго довѣрія, живость и ясность настроенія класса невольно располагаютъ васъ въ пользу школы; здѣсь уже нѣтъ боязливо-потупленныхъ взоровъ: всѣ наперерывъ стремятся отвѣчать и на лицѣ каждаго ученика такъ и сквозитъ желаніе, чтобъ и его спросили. Очень естественно, что въ такой школѣ и обученіе идетъ прекрасно, съ полнымъ успѣхомъ. Такъ повторялось и вездѣ.

Входя въ Харьковскую женскую воскресную школу, сейчасъ чувствуешь освѣжающее впечатлѣніе *духа* ея; общее настроеніе школы точно электризуетъ васъ. Шесть большихъ классныхъ комнатъ заняты учащимися; какой-то «учебный гулъ» трепетно носится надъ всею ихъ массою; вездѣ вы встрѣчаете оживленныя лица, то съ радостною улыбкой послѣ удачи, то озабоченныя желаніемъ передать дѣло какъ можно вразумительнѣе; тамъ слышится скрипъ пера, здѣсь скрипѣнье грифеля по доскѣ; тамъ раздается звуковая работа—сложеніе и разложеніе словъ, сліяніе звуковъ; здѣсь до вашего слуха долетаетъ отрывочная фраза изъ исторіи, или изъ какого-нибудь разсказа; тамъ ученица пытливо допрашивается чего-то у учительницы; здѣсь учительница употребляетъ всѣ усилія втолко-

вать ученицѣ, какъ рѣшить задачу по ариѳметикѣ,—словомъ, васъ охватываетъ масса разнородныхъ звуковъ и впечатлѣній, повидимому, шумныхъ и нестройныхъ, но въ сущности строго объединенныхъ въ общемъ единствѣ дѣятельности школы. Вы переходите изъ одной комнаты въ другую, на васъ мелькомъ взглянутъ и дальше оставляютъ безъ вниманія: *нѣкогда!* Въ школу всякій идетъ за дѣломъ и время дорого, *всѣ заняты* работой. И какъ славно, живо и весело идетъ работа: любо-дорого посмотрѣть! Раздался звонокъ—перемѣна занятій, отдыхъ! Вся разнородная масса ученицъ загудѣла: одни пошли на просторный дворъ вздохнуть на вольномъ воздухѣ, другія остались на мѣстахъ доканчивать работу, иныя шумно заговорили—заспорили по поводу прочитаннаго на урокѣ; учительницы—однѣ сошлись на галлереѣ втораго этажа; другія сгруппировались въ музеѣ и ведутъ бесѣду о школьныхъ нуждахъ; со двора доносится въ окна веселый, задушевный смѣхъ дѣтей; а яркое весеннее солнце (я былъ въ Харьковѣ въ маѣ) горячимъ свѣтомъ обливаетъ группы ученицъ, которыя бѣгали, гуляли, шалили и смѣялись,—веселились, какъ умѣетъ веселиться только беззаботная юность... Славныя, теплыя воспоминанія! Однако пора и за дѣло: какъ птичка рѣзвая, маленькая общая любимица «*Галя*» (украинское уменьшительное *Анна*) бѣжитъ съ колокольчикомъ. Съ первымъ ударомъ его классы наполнились; снова все пришло въ порядокъ и съ новымъ одушевленіемъ началась работа...

Я останавливаюсь на *внѣшней картинѣ школы*—она симпатична, отъ нея вѣетъ свѣжестью, теплomъ и свѣтомъ; но понять истинный смыслъ этой внѣшности можно, только проникнувъ во внутреннія отношенія школы. Дѣло это очень трудное; но намъ окажутъ помощь ежедневныя записи, которыя вели нѣкоторыя изъ учительницъ о своихъ занятіяхъ въ школѣ, подъ именемъ «педагогическихъ дневниковъ». Но сперва скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ послѣднихъ.

Вопросъ о «педагогическихъ дневникахъ» школы занималъ собраніе учительницъ не одинъ разъ. Признавъ въ принципѣ полезность веденія «дневниковъ», собраніе обращалось затѣмъ къ опредѣленію ихъ формы, задачъ, обязательности веденія и проч. Между прочимъ, г. Ж. представилъ мотивированный до-

кладъ о томъ, чтобы школьные дневники были вполнѣ *доступны для всѣхъ* учащихъ въ школѣ—безъ исключенія, то-есть, составляли бы общее достояніе корпораціи, которая вправѣ читать и обсуждать «дневники», безъ чего они потеряли бы свой смыслъ. На это мнѣніе возражала г-жа Алчевская.

«Какъ важное нововведеніе, вопросъ о педагогическомъ дневникѣ,—пишетъ референтка,—вызвалъ различные взгляды: иные видятъ въ этомъ полезный отчетъ, даваемый самому себѣ учителемъ; другіе признаютъ «дневникъ» достояніемъ общественнымъ и допускаютъ значеніе его только при полной гласности; третьи желаютъ дѣлиться опытами, вносимыми въ дневникъ, съ людьми, на судъ которыхъ можно положиться. Согласить всѣ эти мнѣнія, привести ихъ къ одному знаменателю, силиться склонить общество къ какому-либо извѣстному взгляду, по моему, и трудно, и излишне. Кто возьмется заставить 16-лѣтнюю робкую, начинающую учительницу, чутко и трепетно относящуюся къ своимъ впечатлѣніямъ и занятіямъ въ школѣ, прочесть *публично* эти впечатлѣнія? Кто, съ другой стороны, вызовется опровергать ту изъ учительницъ, которая самоувѣренно заявитъ о полезности прочтенія ея дневника въ собраніи? Обѣ правы съ своей точки зрѣнія; обѣ, по моему, приносятъ пользу школѣ: одна—выработывая въ себѣ будущую учительницу, другая—дѣлясь съ другими результатами своего опыта. Вслѣдствіе этого, по моему, является возможнымъ только вопросъ: признаютъ-ли учительницы вообще *полезнымъ* веденіе «педагогическихъ дневниковъ»? А *форма* ихъ должна быть предоставлена на волю каждой. Къ чему намъ заключать дневники въ одну казенную рамку? Во имя-ли порядка и блага школы,—школы, девизомъ которой должно быть: «Какъ можно больше свободы и какъ можно меньше стѣсненій».

«Исходя изъ принципа, что всякое общественное дѣло требуетъ отъ насъ всевозможныхъ ограниченій и пожертвованій, можно зайдти слишкомъ далеко и неожиданно посягнуть на личность, что, кажется, и случилось при обсужденіи настоящаго вопроса. Вопросъ о пользѣ дневника касается вполнѣ школы, всего собранія; но вопросъ о томъ, въ какой я формѣ буду вести дневникъ, какимъ слогомъ, предназначаю-ли я его для печати, или для ограниченнаго кружка друзей, все это до-

стояніе моей личности, всѣмъ этимъ, кромѣ меня, никто не вправѣ располагать».

Въ одномъ изъ «педагогическихъ дневниковъ» Х. Д. Алчевской я встрѣтилъ слѣдующія замѣчанія о пользѣ для школы и самообразованіи учительницъ вести постоянную запись своихъ опытовъ по школѣ:

«Повѣряя педагогическому дневнику свои промахи и удачи, свои взгляды и соображенія, наблюденія и выводы, учительница привыкаетъ относиться къ дѣлу разумно, критически; у нея является подъ рукою возможность сличить прошлое съ настоящимъ, осязательно провѣрить движеніе впередъ, какъ въ отношеніи собственной личности, такъ и въ отношеніи всего дѣла. Дневникъ долженъ содѣйствовать выясненію отношеній учительницъ къ школѣ, отношеній ихъ къ ученицамъ, наконецъ, выяснить характеръ, способности, индивидуальныя свойства каждой ученицы. Педагогическій дневникъ имѣетъ огромное значеніе, въ воспитательномъ отношеніи, какъ для самой учительницы, такъ и для развитія школы. Такой дневникъ поможетъ и постороннему наблюдателю прослѣдить ходъ школы, ея постепенный ростъ, развитіе; выяснить тѣ силы, которыми она крѣпла, ту жизнь, которою она жила».

Далѣе указывалось и на значеніе дневниковъ, какъ средства для взаимнаго обмѣна опыта въ педагогическомъ дѣлѣ. Если бы всѣ учительницы вели «дневники», то опытъ школы сталъ бы многостороннимъ и доступнымъ сравненію и оцѣнкѣ всѣхъ учительницъ. При этомъ иная мѣтко указала бы на то, что у другой ускользнуло изъ вниманія и все вмѣстѣ направлялось бы къ всестороннему выясненію дѣла.

Таковы основанія и мотивы, вызвавшія «дневники» учительницъ. Читатель согласится съ нами, что эти основанія глубоко-жизненны, эти мотивы вѣрны и обнаруживаютъ въ руководительницахъ дѣла вполнѣ педагогическій тактъ. На одномъ изъ «дневниковъ» я нашелъ слѣдующій эпиграфъ изъ Кера:

«Приготовляйтесь къ вашимъ учебнымъ часамъ не только *прежде*, но и *послѣ* нихъ; то-есть, записывайте собранныя во время занятій опыты по школѣ, чтобы на будущее время вы могли себя обезопасить отъ могущихъ встрѣтиться ошибокъ и, такимъ образомъ, прямымъ путемъ шли къ цѣли». Этотъ со-

вѣтъ опытнаго педагога нашелъ разумное примѣненіе въ средѣ учительницъ Харьковской женской воскресной школы.

Полагая, что читатель достаточно ознакомился съ задачами «педагогическихъ дневниковъ» Харьковской женской воскресной школы, позволимъ себѣ познакомить читателя съ ними въ извлеченіяхъ изъ педагогическаго дневника Христины Даниловны Алчевской. Въ живыхъ замѣткахъ руководительницы школы всего лучше, живѣе и нагляднѣе обрисовываются тѣ отношенія, въ какихъ находятся учительницы къ своимъ ученицамъ и вмѣстѣ отношенія учительницъ къ своему дѣлу. По прочтеніи предлагаемыхъ извлеченій, для читателя, надѣемся, будетъ совершенно ясенъ тотъ живой источникъ, изъ котораго истекаетъ свѣтлый, радостный духъ школы, внѣшнюю картину которой мы выше слегка очертили *). При этомъ не можемъ не пожелать, чтобы веденіе «педагогическихъ дневниковъ» привилось нашимъ школамъ. Сказанное выше о пользѣ подобныхъ записокъ достаточно оправдываетъ такое пожеланіе.

«*1871 г. 12 сентября, воскресенье.* Въ школѣ было 103 ученицы. Мои всѣ 5 были на лицо и прибавилась 6-я, дѣвушка лѣтъ 20-ти, фамиліи не успѣла узнать—способности замѣчательныя, минутами я колебалась надъ вопросомъ: Не училась-ли она прежде? Но, во-первыхъ, собственное сознаніе, во-вторыхъ, незнакомство ея при чтеніи съ новою, съ умысломъ поставленною мною буквой, доказывали, что она знакомилась съ азбукою въ первый разъ. *Сліяніе* звуковъ далось ей моментально и мы прошли съ нею 4 урока, на что для другихъ требуется 4 воскресенья, не смотря на то, что я не могла посвятить ей цѣлаго утра, такъ какъ занималась отдѣльно съ 5-ю. Надѣюсь, что, продолжая такимъ образомъ, она догонитъ остальныхъ черезъ 3—4 воскресенья.

*) Сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности познакомить читателя съ педагогическими наблюденіями Хр. Д. Алчевской надъ школами у насъ въ Петербургѣ и заграницей—въ Парижѣ, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ. Педагогическая поѣздка за границу предпринята была г-жею Алчевской съ цѣлію ознакомиться съ организаціей воскресныхъ школъ въ З. Европѣ. Общій выводъ изъ наблюденій почтенной учительницы оказался далеко не въ пользу Европы. Что же касается нашихъ Петербургскихъ школъ, то между ними оказались и неудачныя, и хорошія учрежденія.

«Мы прочли въ классѣ прекрасное стихотвореніе Никитина: «Дѣдушка», останавливаясь на каждомъ мало-мальски непонятномъ выраженіи, какъ напр.: «Сѣдъ, какъ *лунь*», «съ *испитымъ* лицомъ», «Гдѣ ты *черпалъ эту силу*, бѣдный мужичокъ?» и т. п. Занятія разнообразились, переходя отъ одиночнаго чтенія къ хоровому, отъ диктовки къ списыванію съ книги, при чемъ требовалось крайнее вниманіе и безупречная безошибочность. По окончаніи чтенія, мы бесѣдовали по поводу этого стихотворенія, при чемъ ученицы высказывались совершенно свободно и вообще въ продолженіи всего урока были чрезвычайно веселы и оживлены.

«Вышла я изъ школы съ самымъ отраднымъ впечатлѣніемъ, совершенно успокоенная въ своей тревогѣ по поводу прошлаго воскресенья, которое мнѣ грустно было даже записывать въ «Дневникъ». Прошлый разъ пришло всего 42 ученицы. Правда, погода была невыносимая,—2 дня сряду шелъ, не переставая, проливной дождь; правда, что у иной нѣтъ обуви, у другой нѣтъ свитки, третьей маменька не собралась купить платка; но вѣдь такая погода можетъ простоять очень долго, обуви купить будетъ тоже не на что и вотъ въ воображеніи моемъ живо представлялся цѣлый рядъ такихъ неудачныхъ воскресеній, и мнѣ дѣлалось невыносимо грустно.

«Два факта, впрочемъ, примиряли меня съ этимъ горемъ: фактъ первый—это что почти всѣ учительницы были на лицо, и фактъ второй—что не смотря на то, что это былъ день Елисаветы (5-го сентября), моя ученица Елисавета Яковлевна, именинница, нарядная, сіяющая и съ букетомъ цвѣтовъ, первая встрѣтила меня въ школѣ.

«Мы начали съ нею чтеніе Евангелія. «Когда родился Іисусъ въ Вифлеемѣ Іудейскомъ, пришли волхвы съ востока и говорятъ: «Гдѣ Царь Іудейскій»? Мы видѣли звѣзду на востокѣ и пришли поклониться Ему!» При этомъ я показала ей большую карту Палестины и помогла отыскать Іудею, Іерусалимъ и Вифлеемъ, и картину «Поклоненіе волхвовъ». Всѣ слова, требующія поясненій, мы записали въ тетрадку въ слѣдующемъ порядкѣ: «Вифлеемъ» — городъ (какъ бы нашъ Харьковъ); «Іудея» — страна (или часть страны, какъ бы Малороссія); «Волхвы»—умные и ученые люди; «Востокъ» — та сторона, на

которой восходитъ солнце. На эту сторону всегда строится алтарь. Такимъ образомъ я предполагаю продолжать и на будущее время, не идя далѣе, пока не будутъ вполнѣ разъяснены и усвоены всѣ сколько-нибудь непонятныя слова. Ученица слушала меня съ большимъ интересомъ и съ непритворной признательностью благодарила за сообщенные факты».

«Обыкновенно при выходѣ изъ школы я предлагаю своимъ взрослымъ ученицамъ выходить минутами 5 — 10 ранѣе другихъ, чтобы устранить ихъ отъ сообщества съ малолѣтними при выходѣ изъ школы,—сообщества, которое можетъ стѣснять ихъ. Каково же было мое удивленіе, когда сегодня моя Елисавета Яковлевна подошла ко мнѣ и сказала. «Христина Даниловна! Позвольте мнѣ остаться въ школѣ до конца! Мнѣ такъ нравится, когда поютъ—я и сама подтягиваю, хотя и не умѣю пѣть какъ слѣдуетъ, а подтягиваю». Нечего и говорить, что я съ удовольствіемъ согласилась на это. Вообще Елисавета Яковлевна кажется мнѣ въ высшей степени симпатичною. Сегодня, призадумавшись надъ тѣмъ, не стѣсняетъ-ли ее плата за уроки, я сказала: «Послушайте, Елисавета Яковлевна, не пора-ли уже мнѣ перестать брать съ васъ деньги, теперь мы уже окончили азбуку и вы сами должны работать надъ собою!»— «Нѣтъ, Х. Д.,—отвѣчала мнѣ она,—лишь бы далъ Богъ здоровья, а я на это всегда заработаю. Развѣ я не вижу, какъ вы хлопочете по школѣ и тратитесь! Нѣтъ ужъ, пока я могу, позвольте платить, не отказывайтесь, не обижайте меня!»

Эта Елисавета Яковлевна З., съ которою читатели еще встрѣтятся, взрослая ученица Хр. Дан., личность чрезвычайно замѣчательная и симпатичная. Сорока лѣтъ отъ роду, она взялась за грамоту и одолѣла ее, подъ руководствомъ учительницы. Какъ личность, имѣющая нѣкоторыя средства, она не пожелала учиться безплатно и дѣлала взносы на нужды школы. Впрочемъ, читатели всего лучше познакомятся съ этой личностью изъ талантливаго разсказа самой учительницы, записаннаго въ ея «дневникѣ». «Взглянувъ на мою Елисавету Яковлевну, я замѣтила сегодня на ея лицѣ какое-то особенное, таинственно-веселое выраженіе. «Что это вамъ какъ будто хочется что-то передать мнѣ?» сказала я, глядя на нее. — Да, отвѣчала она мнѣ, съ нѣкоторой торжественностью, вчера пріі-

ѣхала барыня.—«Ну, и что же?» спросила я, въ свою очередь не безъ сердечнаго замиранія, при мысли: «что, какъ запретятъ ходить въ школу?»—Вчера еще ей никто не докладывалъ объ этомъ, начала Елисавета Яковлевна. Позвала она меня съ вечера и говоритъ: «Ну, Е. Я., прошу васъ завтра отправиться на базаръ и купить запасы на зиму, мы и такъ немного съ этимъ запоздали!» Я сказала: «Слушаю!» и ушла. Встала я сегодня чуть свѣтъ, и на базаръ. Сама торгуюсь, а у самой сердце не на мѣстѣ: какъ бы не опоздать въ школу. Суетилась, суетилась, къ 9-ти часамъ таки справилась. Воротилась домой. Прямо къ барынѣ. «Что, какъ заспится? «думаю себѣ. Нѣтъ, Слава Богу! Говорятъ, проснулась. Пришла я къ ней. Сдала отчетъ, все какъ слѣдуетъ. Не ухожу—дожидаюсь. А сама смотрю на нее, въ духѣ-ли она,—отпуститъ-ли! «А чего вы еще ждете?» спросила барыня. Позвольте мнѣ *въ школу идти?* сказала я, а у самой такъ кровь и бросилась въ голову.—«Какъ въ школу? зачѣмъ?» сказала барыня, расхохотавшись.—Учиться!—«Такъ вы учитесь!»—Учусь!—«Давно?»—Два мѣсяца?—«Что жъ научились чему-нибудь?»—Какъ-же-съ! Умѣю уже читать и писать!—«Ну, ступайте, помогай Боже!» сказала барыня, усмѣхаясь. Я скорѣе отъ нея, да за платокъ, да въ школу. Ну, думаю, вѣрно *началось!* Бѣжала, запыхалась. Подхожу, слышу молитву поютъ. Ну, слава Богу! Не опоздала! «А по четвергамъ теперь нельзя уже будетъ приходить ко мнѣ?» спросила я съ участіемъ.—Нѣтъ! Если позволите, такъ ужь я буду приходить по пятницамъ. Пятница—базарный день, я скуплюсь, да прямо къ вамъ, какъ будто забарилась на базарѣ. Оно не хорошо обманывать, да для такого дѣла, я думаю, не грѣхъ, Богъ проститъ!—Я посовѣтывала Е. Я. когда-нибудь, когда барыня будетъ въ хорошемъ расположеніи духа, выпросить себѣ право ходить въ школу не на одно воскресенье, а на всегда, и мы начали заниматься.

«Въ группѣ нашей появилась съ прошлаго воскресенья новая ученица лѣтъ 20, Магдалина Г. Подруга ея, приведшая ее въ школу, говорила мнѣ потомъ, что школа произвела на Магдалину такое сильное и пріятное впечатлѣніе, что она просто бредитъ ею и взбунтовала весь свой дворъ: кормилица собирается бросать въ воскресенье ребенка и идти въ школу, ку-

харка желаетъ просить за себя сготовить кушанье куму и т. д. Этакъ, пожалуй, мы наживемъ себѣ столько враговъ въ лицѣ господъ, что бѣда! Магдалина читаетъ и пишетъ очень плохо, училась по старинному, но очень старательна, такъ что черезъ нѣсколько воскресеній ей, навѣрное, легко будетъ идти съ другими. Ради ее я остановила чтеніе статей, а упражняла ихъ въ составленіи и разложеніи словъ, въ опредѣленіи слоговъ и т. д. Желая ознакомить Магдалину съ новымъ произношеніемъ буквъ, я употребила слѣдующій пріемъ: взяла написанную разрѣзную азбуку, принесенную мною въ классъ, и, показывая всѣмъ ученицамъ каждую букву, спрашивала. «По старому? — *бе!* — «По новому?» — *бъ!* — Такимъ образомъ мы прошли всю азбуку; это очень оживило классъ, а подъ конецъ Магдалина вполнѣ постигла произношеніе звуковъ «по новому». Послѣ этого мы занялись разложеніемъ словъ на буквы, при чемъ со мною произошелъ довольно курьезный случай. Разлагалось слово *столъ*. «Изъ сколькихъ буквъ состоитъ слово *столъ?*» спросила я, заставя на этотъ разъ ученицъ считать буквы умственно (про себя).—«Изъ 4-хъ!» отвѣчала съ увѣренностью Елисавета Яковлевна.—«Напишите!» сказала я. Она написала правильно: «считайте!» повторила я. «Изъ 4-хъ», настаивала Е. Я. «Сложите изъ буквъ!» продолжала я съ ненатуральнымъ спокойствіемъ, начиная терять терпѣніе. «Изъ 4-хъ», подтвердила Е. Я.—Какъ изъ 4-хъ? не выдержала я, и начала считать сама: *С*—разъ, *т*—два, *о*—три, *л*—четыре, *ъ*—пять! «Я *твердый знакъ* ни во что считаю!» отвѣчала спокойно Е. Я., относясь къ нему съ нѣкоторымъ презрѣніемъ; «стоитъ онъ, не стоитъ-ли,—все одно!» Я отъ души расхохоталась этому недоразумѣнію и своей напрасной горячности. Доведя ученицъ до быстраго счета буквъ въ недлинныхъ словахъ, я объяснила имъ слоги слѣдующимъ образомъ. Сколько разъ я останавливаюсь въ словѣ, столько, стало быть, въ немъ слоговъ: Слушайте! ти—ши—на! «Сколько разъ я остановилась?»—Три раза!—«Сколько, стало быть, здѣсь слоговъ?»—«Три слога!»—«Почемъ еще можно узнать сколько слоговъ въ словѣ?» — «По числу въ немъ гласныхъ буквъ.» — О различіи гласныхъ и согласныхъ я объяснила имъ еще прежде двумя способами. Во-первыхъ, гласныя отличаются отъ согласныхъ тѣмъ, что онѣ легко произносятся сами по себѣ, во-вто-

рыхъ, онѣ не измѣняются ни по старому, ни по новому. «*А*» было и есть «*а*» и т. д. Занимаясь составленіемъ различныхъ словъ, я подмѣтила, что всѣ почти ученицы затрудняются нѣсколько составленіемъ словъ; въ которыхъ приходится отличать «*и*» отъ «*ы*». Вѣроятно, причиною этого малорусскій выговоръ. Желая облегчить имъ это обстоятельство, я придумала въ классѣ нѣсколько словъ для упражненій: *Рисъ — рысь. Мило — мыло. Мишка — мышка. Кликъ — клыкъ. Сито — сыто. Лысый — лисій.* Разумѣется, слова эти онѣ писали не безсознательно, но предварительно отвѣтивъ на вопросъ, что слово означаетъ. Тутъ же я замѣтила, что нѣкоторыя изъ ученицъ называютъ *й* (короткое) *ій* и, благодаря этому, затрудняются составленіемъ словъ съ такого рода окончаніями. И на этотъ случай я дала имъ нѣсколько упражненій въ такомъ родѣ: «Чей это горячій *чай?*»— Мой! — Мой любимый весенній мѣсяцъ Май. Какой несносный *лай. Мои. Мой. Твои. Твой. Свои. Свой.* Желая сообщать ученицамъ нѣкоторыя необходимыя правила, я оставляю для нихъ мѣсто въ дневникѣ. Каждый разъ, сообщивъ новое правило, я буду записывать его, во-первыхъ, для того, чтобы помнить самой, во-вторыхъ, чтобъ имѣть возможность указать ученицамъ на письменное доказательство ихъ небрежности, на случай, если онѣ при письмѣ упустятъ изъ виду какое-либо изъ этихъ правилъ. Разумѣется, свѣдѣнія эти будутъ сообщаться крайне осторожно, постепенно и провѣряться практикой (Далѣе слѣдуетъ самая запись правилъ правописанія).

«Читать мы не успѣли, при чемъ у меня явился вопросъ: «Хорошо-ли это?» Но сколько я ни думала, обвинять себя не могла. Читаютъ ученицы всѣ порядочно и *вполнѣ сознательно.* Эта сознательность можетъ помочь имъ и служитъ отвѣтомъ на вопросъ, такъ-ли онѣ читаютъ, какъ слѣдуетъ? Другое дѣло — умѣніе разложить слово, усвоеніе извѣстныхъ пріемовъ, — правильно указанный путь — какъ именно приниматься за дѣло и т. д. Вотъ чему должны быть посвящены тѣ немногіе часы, которыми мы можемъ располагать, вотъ то, къ чему долженъ стремиться каждый, трезво относящійся къ дѣлу преподаватель. Дѣло не въ терпѣливомъ сидѣніи съ указкой въ рукахъ. Нѣтъ! Пріучить ученика къ самостоятельной работѣ, развить въ немъ стремленіе бороться съ трудностями, съ помощью притомъ сво-

ихъ собственныхъ силъ, любить эту борьбу и побѣду—вотъ та истинная цѣль, къ достиженію которой должны быть направлены всѣ наши силы.

«Въ школѣ было 102 ученицы и нѣсколько постороннихъ лицъ,—между ними одинъ учитель сельской школы, не вѣрующій въ пригодность звуковаго метода. Уходя изъ школы, онъ замѣтилъ однако: «Вѣдь я, ей-Богу, это въ первый разъ слышу! Прежде не вѣрилъ,—право! Попробую у себя поучить,—авось удастся!» Услышавши это, я отъ души пожелала ему успѣха.

«*7 ноября 1871 года.* Наблюдая за педагогами, посѣщавшими нашу школу, я пришла къ выводу, что они подраздѣляются на *два* разряда: къ *первому* разряду принадлежатъ люди, входящіе въ школу съ какимъ-то нервическимъ желаніемъ искать недостатки и съ ребяческой боязнію—не подмѣтить ихъ и скомпрометировать себя,—такіе люди придираются къ мелочамъ, придаютъ имъ огромное значеніе; сосредоточиваютъ на нихъ все свое вниманіе и, отдавшись имъ всецѣло, теряютъ способность взглянуть въ лицо самому дѣлу, почувствовать его жизненность, заглянуть въ его душу, попробовать его пульсъ и съ наслажденіемъ удостовѣриться, что это *живой организмъ*, способный рости и развиваться. Такъ, напр., недавно одинъ молодой педагогъ вмѣсто того, чтобы вглядѣться, съ какой энергіей работаютъ мои 30-ти-лѣтнія ученицы, завидѣвши у одной изъ нихъ матовую доску, по которой она обводила буквы, пришелъ въ ужасъ. Напрасно я увѣряла его, что это *временная* мѣра, что ученица нуждается въ механическомъ навыкѣ для выработки почерка и т. д. Ничто не помогло,—юный педагогъ до того ахалъ и охалъ, что, казалось, отъ этого происшествія должна была погибнуть вся школа. Не таковы люди втораго разряда: школа не представляется имъ «охотой за ошибками» (какъ называетъ это одинъ изъ нашихъ педагогическихъ писателей). Они входятъ въ школу съ любовью къ дѣлу, они стараются даже найти въ ней какъ можно больше хорошаго, какъ мать въ любимомъ дѣтищѣ; они увлекаются всѣмъ, чѣмъ можно увлечься человѣку, посвятившему себя дѣлу; они радуются всему, чему можно порадоваться, и вселяютъ то довѣріе и вызываютъ ту откровенность, которая одна способна только помочь критикѣ заглянуть въ душу школы. Такіе люди вызы-

ваютъ послѣдователей своихъ стремленій, они сильны своей любовью и преданностью дѣлу и эти стремленія не умираютъ...

«*15-го ноября 1871 г. Понедѣльникъ.* Вчера я объявила своимъ ученицамъ объ отъѣздѣ и просила ихъ сказать мнѣ откровенно, съ которою изъ учительницъ желаютъ онѣ безъ меня заниматься.

«Сказавъ это, я ушла на нѣсколько минутъ, чтобы дать имъ возможность посовѣщаться на свободѣ. Когда я возвратилась, всѣ, повидимому, сошлись на одномъ рѣшеніи и успокоились. «Чѣмъ же порѣшили?» спросила я.—«Желаемъ заниматься у вашего брата, Леонтія Даниловича, потому что онъ «ужасно какъ» похожъ на васъ лицомъ и голосомъ!»—Очень рада, сказала я; не потому, что онъ «похожъ на меня лицомъ и голосомъ», а потому, что онъ хорошій учитель и будетъ хорошо заниматься съ вами. Передъ отъѣздомъ я оставила Л. Д. подробную письменную характеристику каждой ученицы, съ отчетомъ о ея знаніяхъ. Сегодня пришли проститься со мною еще разъ Елисавета Яковлевна и Т. С. А. Я усадила ихъ и мы проговорили часа 2. Елис. Як. была какъ-то особенно разговорчива и откровенна: «Знаете, Христина Даниловна,—говорила она мнѣ,—я до того рада, до того рада, что научилась грамотѣ, что сама себѣ не вѣрю,—проснусь иногда этакъ ночью и думаю съ просонку: «Что, какъ мнѣ это *приснилось*»? Такъ бы вотъ, кажется, встала, да за книжку, чтобы удостовѣриться. И съ дѣтства же была у меня эта страсть. Помню, было намъ, дворовымъ дѣвочкамъ, лѣтъ по 14-ти, когда старая барыня посулилась учить насъ грамотѣ. Выбрали сначала одну (Господи! Какъ мы ей завидовали!), говорятъ: «Посмотримъ, что изъ нея выйдетъ?» Нужно же было случиться—грѣхъ такой! Доучилась она грамотѣ и убѣжала съ учителемъ. Тутъ старая барыня говоритъ: «Теперь кончено! *Чтобъ ни одного человѣка въ дворнѣ не было грамотнаго!*» Такъ и застыла наша грамота,—нечего было о ней и думать. Выдали меня замужъ, прожили мы съ мужемъ, слава Богу, благополучно 20 лѣтъ; дѣтей нѣтъ; думаю себѣ, возьму воспитанницу и взяла, вотъ эту самую Машу, что въ школѣ у насъ учится. Думаю себѣ: «Ужъ ее-то непремѣнно научу грамотѣ; только вотъ бѣда—дѣвочка уже порядочная,—лѣтъ 14-ти, чтобы еще не избаловалась въ ученьи. Стала совѣтоваться съ знакомыми, онѣ и говорятъ мнѣ: «Знаете, нѣтъ

лучше въ городѣ, какъ воскресная школа,—если хотите, чтобы дѣвочка выдержку имѣла, отдайте туда, а выучиваютъ скоро, такъ это страсть!» Подумала я, подумала и послала дѣвочку въ школу. Гляжу, мѣсяца черезъ 2, Маша моя какую ни попадетъ книгу, каждое слово разберетъ; весело мнѣ смотрѣть на нее и завидно. Задумала я себѣ думу и спрашиваю ее: «Маша! Съ кѣмъ бы это мнѣ тамъ у васъ посовѣтываться на счетъ ученья? Можетъ и меня бы научили?»—Съ Христиной Даниловной, сказала мнѣ Маша, она васъ *непремѣнно* научитъ, — она, говорятъ, очень *легка на руку!* «Ну, спроси!» Жду я ее не дождусь будущее воскресенье изъ школы. Пришла! «Ну, что? говорю,—спрашивала?»—Неудача! «Какъ же ты спрашивала?» — Такъ какъ вы, говоритъ, приказали. Говорю: «Одна дама желаетъ у васъ учиться и деньги даже за это платить!»—Что жъ Христина Даниловна?—Отказалась: «Мы, говоритъ, барынь не учимъ!» Эхъ, дура, дура, говорю я ей, — какая же я *барыня*, или дама! Ты бы сказала, что я безграмотная, а если я деньги желаю платить, такъ это отъ моего усердія за ихъ труды — больше ничего!» Ну, тутъ ужъ вы знаете, какъ она привела меня къ вамъ и какъ вы уговорили меня ходить въ школу,— сначала было немножко страшно, а теперь просто будто я *вѣкъ въ ней была*».

«Грустно мнѣ оставлять школу на мѣсяцъ, только и примиряетъ мысль, что покидаю ее для нея же и черезъ мѣсяцъ опять возвращусь къ ней, соскучившись и почерпнувъ въ отдыхѣ новыя силы для работы. А работы много, такъ много, что подъ часъ нападаетъ тяжелое раздумье — «не поздно-ли?» И вопросъ о томъ:—«Имѣешь-ли право учить?»—при сознаніи своей подготовки, является какимъ-то зловѣщимъ вопросомъ. Сидишь надъ книгами, работаешь, читаешь, подъ часъ перечитываешь три-четыре раза одну и ту же страницу, пока не доберешься до смысла, пока не отдашь себѣ яснаго отчета въ прочитанномъ. И что же выходитъ изъ этого?

«Положимъ, что такого рода чтеніе способствуетъ общему развитію, но даетъ-ли оно знанія,—тѣ знанія, обладаніе которыми есть нравственная обязанность учителя? Нѣтъ! Сказавъ затѣмъ, что случайное, безъ опредѣленнаго плана и выбора, чтеніе книгъ по педагогикѣ, психологіи, философіи и естествознанію не при-

водитъ къ цѣли, учительница продолжаетъ: «Какъ помочь горю,—остается все тѣмъ же вопросомъ... И какъ и къ кому подойдти съ этимъ вопросомъ? Подойдти къ такимъ же неподготовленнымъ людямъ, какъ она?.. Они не помогутъ горю. Подойдти къ тѣмъ людямъ, которые способны были бы помочь? Но повѣрятъ-ли они въ искренность просьбы? Не заподозрятъ-ли въ этомъ «слѣпаго поклоненія авторитетамъ», не скажутъ-ли, что въ такіе годы человѣкъ способенъ самъ отнестись разумно къ своей работѣ? И не захотятъ задуматься надъ тѣмъ: по силамъ-ли работа?»

«*26-го ноября 1871 г. Петербургъ.* Сегодня я получила письмо отъ своей Елисаветы Яковлевны. Тронутая имъ до глубины души, я думала: «давно-ли съ видомъ безнадежности человѣка, дожившаго до сѣдыхъ волосъ безграмотнымъ, она говорила мнѣ печально: «Нѣтъ, Христина Даниловна, никогда я не научусь читать и писать!» и вотъ, въ эту минуту она чувствуетъ, что создала *самостоятельно* письмо, что это письмо пойдетъ за тысячи верстъ, что Христина Даниловна прочтетъ это письмо, порадуется ему и будетъ отвѣчать на него, и, получивъ черезъ нѣсколько дней этотъ отвѣтъ, она сама прочтетъ его! Сколько радости и гордости должны вызывать эти мысли въ головѣ пожилаго человѣка, одолѣвшаго на старости лѣтъ грамоту? Я отвѣчала такъ: «Многоуважаемая Елисавета Яковлевна! Вы пишете, что не смотря на самую ужасную погоду, вы были въ школѣ,— это доказываетъ, что вы искренно любите ее! Это радуетъ меня больше, чѣмъ даже ваша любовь ко мнѣ. Я могу уѣхать, могу умереть, а школа всегда останется вашимъ другомъ, всегда найдутся въ ней люди, готовые помочь вамъ продолжать ученье. Любите школу— она гордится любовію такихъ ученицъ, какъ вы! Спасибо, впрочемъ, вамъ и за любовь вашу ко мнѣ. Повѣрители, какъ вспомню о томъ, какъ вы всѣ любите меня, какъ-то весело становится на сердцѣ! Въ Петербургѣ живется мнѣ очень хорошо; все хожу по школамъ и приглядываюсь, нельзя-ли научиться чему-нибудь, чтобы потомъ ввести это и у насъ въ школѣ. Выѣзжаю 10-го. Какъ ни весело мнѣ въ Петербургѣ, а соскучилась обо всѣхъ васъ и о школѣ. Особенно грустно бываетъ мнѣ въ воскресенье, какъ подумаю, что всѣ вы собрались въ школу, а меня нѣтъ. До свиданія! Глубоко уважающая васъ Х. А.»

Нѣкоторыя изъ ученицъ, по выходѣ изъ школы, поступали въ учительницы сельскихъ народныхъ училищъ, и въ письмахъ этихъ лицъ къ Хр. Даниловнѣ сказывается беззавѣтная любовь къ школѣ. «Занятія мои идутъ хорошо,—пишетъ Елена М., учительница изъ Липцовъ;—но только здѣсь школа не харьковская; я почти постоянно думаю о вашей школѣ. Мнѣ кажется, еслибъ у меня были крылья, то каждое воскресенье летала бы въ нее, особенно на спѣвки...» Такимъ образомъ, живая связь учащихся со школой хранится и за предѣлами школы, сопровождаетъ учениць въ жизни. Прекрасно характеризуется отношеніе учительницъ къ школѣ въ одномъ изъ дневниковъ Христины Даниловны, гдѣ она пишетъ:

...«Я стремилась вдохнуть въ учениць любовь къ школѣ, къ умственному труду, къ книгѣ,—достичь того, чтобы школа была *праздникомъ*, на который дѣти сбѣгались бы съ радостью; я стремилась вызвать въ ученицахъ довѣріе, откровенность и любовь и употребить эти сокровища души, какъ орудія для ихъ же собственнаго блага...»

Эти стремленія не остались безплодны,—вся школа жила ими и служила живымъ ихъ выраженіемъ.

Душою школы была, безспорно, Христина Даниловна. Когда она уѣзжала изъ Харькова въ Петербургъ, учительницы ей посылали письма, въ которыхъ весьма наглядно высказывалось, такъ сказать, одиночество школы безъ той души, которая, какъ хозяйка въ семьѣ, полна думами обо всѣхъ и обо всемъ. При этомъ, если иногда, въ отсутствіи Христины Даниловны, въ школахъ возникали осложненія, тревоги,—все это находило разрѣшеніе въ общемъ центрѣ школы. Но не однѣ учительницы; ученицы, особенно группы Христины Даниловны, тоже тосковали о ней и писали дружескія письма, полныя простоты и рѣдкой преданности. Стоитъ *видѣть* (непремѣнно *видѣть* и тѣ клочки бумаги, на которыхъ писались эти письма, и тотъ дѣтски-неустановившійся почеркъ, какимъ они написаны) и прочитать нѣсколько изъ этихъ писемъ, чтобы понять, изъ какого источника они явились. Эта сердечная рѣчь простыхъ людей, которые и грамотѣ еще не вполнѣ научились, но научились любить тѣхъ лицъ, которыя съ ними трудятся и ведутъ ихъ къ знанію.

Въ заключеніе нашего очерка отношеній школы къ учащимся, считаемъ необходимымъ сказать еще о *школьныхъ праздникахъ*, которые не только оживляютъ, освѣжаютъ школу, но и служатъ къ взаимному сближенію всего разнороднаго состава школы—учащихъ и учащихся. Изъ приведенныхъ выписокъ изъ дневника, а равно и вообще изъ отношенія къ школѣ главной ея руководительницы, читатель могъ замѣтить, что Христина Даниловна Алчевская—натура поэтически одаренная*), съ *идеалистическимъ* характеромъ (чему, скажемъ мимоходомъ, лично мы сердечно сочувствуемъ); эти элементы она вноситъ и въ школу. Не говоря уже объ изяществѣ обстановки, весь складъ и характеръ школы производитъ впечатлѣніе чего-то отраднаго, радостнаго; все, что такъ или иначе можетъ вліять смягчающимъ образомъ на учащихся, высоко цѣнится Христиной Даниловной. Въ одномъ изъ дневниковъ ея я нашелъ такую мысль: «Не отнимайте у бѣднаго люда права хоть на частицу поэзіи, допустите ему хоть изрѣдка становиться человѣкомъ и возвышаться душою надъ тою грязью, которая окружаетъ его; эта поэзія спасетъ его отъ многаго; дайте ему отдохнуть и забыться отъ тяжелаго труда среди свѣтлой, ясной обстановки школы. Поэзія является воспитательницей нравственной жизни».

Въ этихъ цѣляхъ г-жа Алчевская по временамъ устраивала въ школѣ *ёлку*. Для характеристики этихъ школьныхъ праздниковъ я не нахожу ничего лучше, какъ опять обратиться къ тому же «дневнику» Христины Даниловны, изъ котораго мы уже представили столь обширныя заимствованія. Замѣтки ея по поводу ёлки въ школѣ могутъ служить также для характеристики отношеній школы къ учащимся.

«Ученицамъ обѣщана *ёлка*.—Меня занимаетъ вопросъ, какой характеръ должна имѣть эта ёлка?—*реальный*-ли, какъ тутъ выражались, или *поэтическій*? Въ одной школѣ не такъ давно дѣлали ёлку, гдѣ каждому ребенку досталось по $^1/_2$ булки, по куску колбасы и по $^1/_2$ ф. пряниковъ. Для меня лично значеніе ёлки представлялось совсѣмъ инымъ; кто изъ дѣтей не

*) Въ журналѣ «*Дѣтское Чтеніе*» г-жа Алчевская помѣстила нѣсколько разсказовъ для дѣтскаго чтенія, написанныхъ талантливо; разсказы эти съ особеннымъ удовольствіемъ читаются дѣтьми.

ѣдалъ булки, колбасы и пряниковъ? Почему не роздать бы всего этого и безъ ёлки? Какое впечатлѣніе, наконецъ, кромѣ переполненнаго желудка, оставитъ ёлка въ такомъ родѣ?—Мнѣ представлялось огромное зеленое дерево, освѣщенное сотнею разноцвѣтныхъ свѣчей и фонариковъ, украшенное гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ, охваченное золотыми бумажными букетами, со множествомъ позолоченныхъ орѣховъ и яблокъ, разнообразныхъ вещицъ и ящичковъ съ конфектами. Дерево стоитъ въ раззолоченной кадкѣ, наполненной лакомствами, точно оно выросло на этой привлекательной почвѣ такимъ блестящимъ, свѣтлымъ и красивымъ... На самой верхушкѣ дерева красуется сѣдой старикъ—годовикъ, старый годъ, а на одной изъ вѣтокъ летитъ ангелъ—новый годъ...

«Я привела свой планъ въ исполненіе.

«Нужно было видѣть тотъ моментъ, когда открылись двери и веселая толпа дѣтей съ шумомъ влетѣла въ комнату; нужно было видѣть эти блестящіе глаза, полные удивленія и восторга; они точно говорили: какъ хороша эта ёлка! Мы ее никогда не забудемъ!» И какъ мнѣ въ ту минуту хотѣлось *вѣрить* этому выраженію! Мнѣ представлялось, что пройдетъ 10—15 лѣтъ, ребенокъ станетъ женщиной, матерью, и вспомнится порою этой женщинѣ ея горькое сиротское дѣтство, прошедшее въ тяжелой работѣ у эксплоататорши модистки, или въ рукахъ угрюмой матери и пьянаго отца, вспомнится все: побои, ругань, слезы, и среди этихъ тяжелыхъ воспоминаній, какъ лучъ свѣта во мракѣ, выступитъ воспоминаніе о свѣтлой минутѣ: комната, освѣщенная сотнями огней, полная знакомыхъ и ласковыхъ лицъ, припомнится удивленіе, восторгъ и радость, пережитыя въ школьной семьѣ, и бѣдная благословитъ ту минуту и тѣхъ людей, которые дали ей эту минуту... Ей вспомнится, что здѣсь, въ этой комнатѣ, она встрѣчала любовь и ласку и научилась отвѣчать на нихъ тѣмъ же. Въ душѣ ея *шевельнется старая симпатія къ школѣ* и она сознательно благословитъ дрожащей отъ внутренняго волненія рукой своего ребенка, *въ первый разъ* идущаго въ школу. Дай только Богъ, чтобы *та* школа была такой же дружеской и искренней семьей, какъ наша, чтобы въ нее бѣжали дѣти съ тѣми же веселыми взглядами, съ тѣми же радостными лицами и счастьемъ.

«Мнѣ вспомнилось при этомъ вотъ что. Лѣтъ 6 назадъ, я также, какъ теперь, дѣлала дѣтямъ ёлку. Съ тѣхъ поръ нѣкоторыхъ изъ нихъ я потеряла изъ виду. «Христина Даниловна!» сказала мнѣ на-дняхъ одна изъ теперешнихъ моихъ ученицъ, «я познакомилась недавно съ Надей К., она замужемъ; говоритъ, что училась прежде у васъ... полѣзла при мнѣ въ сундучекъ, отыскала коробочку, которую получила отъ васъ на ёлкѣ, показала мнѣ и—заплакала...»

«На ёлку собралось до 250 душъ: 200 ученицъ, человѣкъ 20 отцовъ и матерей, до 20 человѣкъ дѣтей и родственницъ учительницъ и до 20 учительницъ. Сначала кое-что спѣли, потомъ начался дѣлежъ. Всѣ разошлись съ веселыми лицами, бережно держа въ рукахъ пакетъ, заключающій въ себѣ какую-нибудь вещицу, нѣсколько золотыхъ орѣховъ и конфектъ; взрослыя получили ящики съ ножницами, шелками и нитками. Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливалась я на лицахъ 17-лѣтнихъ дѣвушекъ, на которыхъ тоже было выраженіе дѣтскаго любопытства и радости; радовалась я этому выраженію, какъ признаку, что онѣ остались еще чисты душой и помыслами въ развращающей средѣ модныхъ магазиновъ; я замѣтила, впрочемъ, что въ школу рѣшаются вступить именно только такія личности. Оно и понятно: кто окунулся въ омутъ пошлостей и интрижекъ, та не почувствуетъ потребности въ стремленіи къ нравственному совершенствованію и къ умственной работѣ.

«Елка обошлась около 50 р.; но я не считаю этихъ денегъ затраченными непроизводительно».

Внѣшнія отношенія школы.

Обладая богатствомъ живыхъ внутреннихъ силъ, Харьковская женская воскресная школа естественно обнаруживала нѣкоторую экстенсивность и частію — *силою вещей* вызывалась на внѣшнія отношенія, частію и *сама искала* послѣднихъ, въ видахъ улучшенія дѣла, разрѣшенія иногда спорныхъ вопросовъ, иногда помощи. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что учительницы школы, съ свойственною русской женщинѣ скромностію, энергически, съ полною преданностью, усердно тру-

дясь по школѣ, далеки были отъ самоувѣренности и всегда рады были доброму совѣту, дѣльному указанію; въ случаяхъ же сомнѣнія и разногласія по какому-либо вопросу, учительницы, чрезъ посредство Христины Даниловны Алчевской, нерѣдко обращались къ представителямъ нашей педагогіи за рѣшеніемъ дѣла; хотя, съ другой стороны, были случаи, когда и къ школѣ обращались за совѣтомъ и помощью, что свидѣтельствуетъ о прекрасной репутаціи, которою школа пользуется и которую она вполнѣ заслужила*). Между прочимъ, въ школу не одинъ разъ обращались съ просьбами—выслать уставъ ея и программы учебныхъ занятій, для того чтобы руководиться ими при устройствѣ подобныхъ же школъ. По этому поводу было предположено даже составить *уставъ* и историческую *записку* о возникновеніи и развитіи воскресной школы; «записку» предполагалось составить въ виду того, что уставъ, заключая въ себѣ лишь общія положенія, даетъ лишь весьма неопредѣленныя указанія о школѣ**). Къ сожалѣнію, дѣло это двигалось медленно; въ исполненіи дѣла оказались непредвидѣнныя затрудненія, которыя и помѣшали окончанію его. Быть можетъ, настоящій очеркъ школы, въ нѣкоторой степени, представитъ замѣну предположеннаго труда; по крайней мѣрѣ мы старались придать нашему очерку возможную полноту именно въ тѣхъ видахъ, чтобы желающіе познакомиться обстоятельнѣе съ Харьковской женской воскресной школой нашли достаточный для этой цѣли матеріалъ. Но здѣсь мы остановимся преимущественно на внѣшнихъ сношеніяхъ школы съ представителями нашего педагогическаго міра.

Могутъ сказать (и говорятъ): «за чѣмъ эти сношенія съ генералами отъ педагогіи», какъ ихъ называетъ г. П.—Не есть-ли это исканіе популярности, заискиваніе? Люди, судящіе по внѣшности, со стороны, могутъ судить и такъ; но сужденіе это въ данномъ случаѣ было бы совершенно произвольно и невѣрно.

*) Сумское земство въ 1872 г., высылая въ Харьковъ свою стипендіатку (Ю. Н. И—ву), обратилось, между прочимъ, съ просьбою къ Харьковской женской воскресной школѣ—принять ее въ кружокъ учительницъ и допустить ее къ постояннымъ занятіямъ въ воскресной школѣ, съ цѣлію теоретической и практической подготовки къ школьному дѣлу.

**) Заявленіе проф. Владимірова.

Дѣло проще. Учительницы почти всѣ въ педагогіи *самоучки*; занятыя усовершеніемъ своего труда, онѣ очень дорожатъ всякимъ дѣльнымъ, практическимъ указаніемъ въ дѣлѣ обученія; скромныя труженицы, чуждыя всякой самоувѣренности, полныя жажды знанія, онѣ высоко ставятъ оцѣнку труда ихъ лицами *свѣдущими*, *спеціалистами* въ педагогическомъ дѣлѣ. Не надменность и самоувѣренность, переходящія въ сознаніе непогрѣшимости, но скромное сознаніе пробѣловъ въ своемъ знаніи являлось результатомъ такихъ сношеній, и какъ слѣдствіе этого сознанія,—новыя усилія въ дѣлѣ самообразованія и въ улучшеніи школьнаго дѣла.

Въ одномъ изъ писемъ къ г-жѣ Т—ой учительница А., выставляя выгоды жизни въ Харьковѣ, гдѣ университетъ, новыя книги, избранное общество друзей, общее дѣло, вызываютъ и поддерживаютъ самообразованіе учительницы, убѣждаетъ ее оставить деревню и возвратиться въ школу, между прочимъ, въ такихъ словахъ: «Вы должны искать той жизни, которая *движетъ впередъ* и расширяетъ кругозоръ, а убѣгать той, которая дѣйствуетъ усыпительно часто и на самыя хорошія натуры. Доведя свою деревенскую школу до nec plus ultra совершенства, по вашему крайнему разумѣнію, вы опочите на лаврахъ. У васъ не будетъ судей! Къ вамъ не придетъ на помощь критика! Никто не собьетъ съ васъ спѣси! Не такъ дѣйствуютъ большіе города. Отправляясь въ Петербургъ въ послѣдній разъ, я чувствовала большое самодовольство: успѣхъ школы, отзывы о ней Корфа, Семенова и нашего общества грамотности, все это избаловало меня и отчасти вскружило голову. Въ такомъ настроеніи духа явилась я въ Петербургъ, съ такимъ настроеніемъ встрѣтилась съ людьми, достойными полнаго уваженія... Не скажу, чтобъ эти люди отнеслись ко мнѣ скептически,—нѣтъ! Съ непритворнымъ интересомъ распрашивали они о дѣлахъ школы, о Харьковѣ и его умственномъ движеніи, объ учительницахъ и ихъ развитіи, дружески передавали они, въ свою очередь, свои планы и надежды, свою прошедшую и настоящую дѣятельность и вотъ, когда я невольно сравнила ихъ работу, ихъ дѣятельность, ихъ знанія, ихъ развитіе съ своимъ, какъ сильно почувствовала я свое ничтожество! Я плакала надъ своимъ невѣжествомъ... Не скажу однако, чтобъ это были горь-

кія слезы зависти, злобы и отчаянія,—нѣтъ! такими слезами можетъ только плакать человѣкъ, котораго не усыпило мелочное самолюбіе,—человѣкъ, который не погрязъ среди житейскихъ дрязгъ, не потерялъ способности къ самоусовершенствованію и самообразованію, — человѣкъ, у котораго есть будущее...»

И это пишетъ, слѣдуетъ замѣтить, личность, не только всецѣло преданная педагогическому дѣлу, но и глубоко его понимающая, обладающая рѣдкимъ тактомъ, прекраснымъ даромъ слова и обильными свѣдѣніями,—словомъ, личность, у которой многому могли бы поучиться и наши корифеи педагогическаго міра. Какъ не сказать: о, если бы чаще между педагогами проявлялось сознаніе своихъ пробѣловъ и потребность учиться! Тогда мы меньше бы встрѣчали самодовольныхъ, самоувѣренныхъ рутинеровъ, для которыхъ все ясно, рѣшено, закончено и—сдано въ архивъ, которые безучастно и равнодушно относятся къ своему дѣлу и выполняютъ его съ ровностью и спокойствіемъ машины.

Такимъ образомъ, сношенія съ представителями литературно-педагогическаго міра были для школы весьма благотворны: они вызывали сознаніе пробѣловъ и недостатковъ въ дѣлѣ обученія, они служили стимулами для дальнѣйшаго его усовершенствованія, они открывали возможность взаимнаго обмѣна педагогическихъ опытовъ, они вливали новую, свѣжую струю въ обыденную жизнь школы и, вообще, дѣйствовали возбудительно на учительницъ. Живымъ примѣромъ такого вліянія служатъ сношенія школы съ б. Корфомъ.

Надо при этомъ замѣтить, что бар. Корфъ вовсе не принадлежалъ къ тѣмъ хвалителямъ, которые всѣмъ «восторгаются»; совершенно напротивъ: относясь участливо къ доброму дѣлу, бар. Корфъ нерѣдко является въ своихъ письмахъ сильнымъ критикомъ.

Во многихъ случаяхъ, когда вопросъ представлялъ важность для школы, а мнѣнія расходились, г-жа Алчевская обращалась къ бар. Корфу за разъясненіями. Такъ, напр., по поводу вопроса о средствахъ примѣнить въ школѣ идею воспитывающаго обученія, о чемъ былъ горячій споръ въ средѣ учительницъ, г-жа Алчевская пишетъ: «Хотя мой споръ и выигралъ, тѣмъ не менѣе я сильно задумалась, запечалилась, встревожилась и,

какъ всегда въ трудныя минуты жизни нашей школы, принялась за письмо къ вамъ. Абаза просить насъ—позволить ему присутствовать у насъ на собраніи при васъ, что я отклонила бы, еслибы не видѣла въ немъ человѣка искренняго, умнаго и преданнаго дѣлу. Боже мой! Когда же наконецъ будетъ это собраніе! Я сильно волнуюсь, думая о немъ и только успокоиваюсь при мысли о томъ, какъ вы добры и снисходительны, какъ вы любите школу и эта любовь, поощряя и поддерживая все хорошее въ школѣ, игнорируетъ мелочи, ободряетъ человѣка и вызываетъ въ немъ новыя силы на новую работу. Другіе не умѣютъ такъ относиться къ школѣ. Входя въ нее, они думаютъ только о томъ, какъ бы сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе и выставить себя знатокомъ дѣла. У васъ этого нѣтъ. Вотъ отъ чего, при мысли, что вы будете въ школѣ, вмѣсто боязни является полное довѣріе».

Въ одномъ изъ писемъ бар. Корфъ, обращаясь къ кружку учительницъ, который онъ называетъ «единодушной и разумной педагогической семьей», указываетъ на мотивы своей преданности харьковской школѣ и ея дѣятелямъ. «Вы, подобно мнѣ,—говоритъ онъ,—*автодидакты*, самоучки въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Мы всѣ самоучки, такъ какъ не у кого было намъ учиться, и самимъ приходилось намъ, прислушиваясь къ голосу жизни и провѣряя послѣдній опытомъ другихъ и наукою, тѣмъ же генетическимъ способомъ, который мы примѣняемъ въ школѣ, по крупинкамъ, воздвигать зданіе, связывая эти крупинки цементомъ неразрывнымъ—*любовью къ дѣлу*. Вы, подобно мнѣ, не искали дохода отъ начальной школы, а считали и считаете за счастье удѣлять ей весь досугъ свой. Наконецъ, вы, также какъ и я, многимъ и многимъ обязаны школѣ: дѣти и школа — вотъ тѣ учители наши, которые воспитали и воспитываютъ насъ, многимъ изъ насъ указали цѣль въ жизни и, я въ томъ увѣренъ, каждому изъ насъ много доставили отрады и наслажденія. Такою общностью интересовъ и стремленій только и можетъ быть объяснена нравственная связь, установившаяся между вами и мною». Далѣе бар. Корфъ замѣчаетъ, что Харьковская женская воскресная школа служитъ лучшимъ, фактическимъ отвѣтомъ на ту мысль, что-де «русская женщина способна только на слова, а не на

дѣло»; при чемъ не менѣе справедливо настаиваетъ на томъ, что «надо *беречь школу*, дорогое дитя, *отъ всякихъ прикосновеній нечистыми руками*». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еслибы подобная школа была заграницей, она пользовалась бы общимъ почетомъ, авторитетомъ; она изучалась бы иностранцами и служила бы предметомъ общихъ симпатій; но у насъ къ дѣлу относятся иначе, и кто знаетъ, развѣ не можетъ найтись литературный баши-бузукъ, которому доставитъ удовольствіе бросить тѣнь на самое лучшее изъ дѣлъ?

По вопросу о самообразованіи учительницъ бар. Корфъ писалъ къ г-жѣ Алчевской: «Вѣдь наша наука бѣдовая! Для *творчества* въ этой наукѣ нужно много труда. Представьте себѣ ученика, который чрезвычайно отчетливо подписываетъ одно число подъ другимъ, подчеркиваетъ и проч., для того, чтобы сдѣлать сложеніе. На всякій вопросъ, почему онъ такъ поступаетъ, онъ молчитъ. Вы говорите, что онъ дѣйствуетъ *механически*, что его дѣйствія *не осмыслены*. Въ такомъ положеніи, какъ этотъ ученикъ, тотъ преподаватель, который, не зная законовъ физической и психической жизни человѣка, примѣняетъ хотя бы самые раціональные методы обученія. Если вы спросите его, почему онъ, обучая ариѳметикѣ, начинаетъ съ именованныхъ чиселъ, а не съ отвлеченныхъ, онъ не объяснитъ вамъ этого законами душевной жизни. Спросите преподавателя, который не думалъ надъ человѣкомъ и не изучалъ его, а изучалъ только методы обученія, для чего онъ ставитъ наводящіе вопросы, вмѣсто того, чтобы разсказывать,— и онъ вамъ не отвѣтитъ. Чуть же явится въ школѣ новое обстоятельство, непредвидѣнное книгою, побудившее этого мастера обученія замѣнить кремневое ружье скорострѣльнымъ, и этотъ учитель не попадетъ въ цѣль, смутится и станетъ въ тупикъ. Я хочу сказать, что только тотъ изъ насъ, педагоговъ, способенъ къ совершенствованію, къ вполнѣ основательному обученію, кто не довольствуется изученіемъ методики, а смотритъ глубже».

То, что я видѣлъ, слышалъ и узналъ при посѣщеніи школы, даетъ мнѣ право сказать, что самообразованіе учительницъ Х. Ж. В. школы дало блестящіе результаты. Я нашелъ здѣсь не только горячую, беззавѣтную преданность дѣлу, но и вѣрное,

глубокое пониманіе его, рѣдкій педагогическій тактъ, замѣчательное умѣнье ставить прямо всякій педагогическій вопросъ и рѣшать его практически—просто и цѣлесообразно.

Сношенія руководительницы школы съ педагогическимъ міромъ дѣйствовали несомнѣнно возбуждающимъ образомъ на учительницъ. Въ обсужденіи педагогическихъ вопросовъ по школѣ особенно принимали участіе Семеновъ, Евтушевскій, Абаза, Острогорскій, а равно и авторъ настоящей статьи.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ написана эта статья. Много воды утекло въ море, многое измѣнилось; много школъ открылось вновь, много закрылось; но Харьковская женская воскресная школа осталась вѣрна своему призванію. Она идетъ впередъ и развивается, потому что идутъ впередъ и работаютъ надъ собою тѣ лица, которыя руководятъ школой. Пророчества скептиковъ о ея недолговѣчности не оправдались; а наша вѣра въ безкорыстную преданность дѣлу труженицъ школы вполнѣ подтвердилась. Черезъ школу прошли многія тысячи учащихся. Теперь въ школѣ учащихся бываетъ до 300 человѣкъ, а учительницъ состоитъ до 80.

Хотѣлось бы еще разъ взглянуть на эту школу, посмотрѣть ея занятія, послушать ея пѣніе, сердечно побесѣдовать въ дружескомъ кружкѣ ея образованныхъ, преданныхъ дѣлу учительницъ, затѣмъ продолжить свой разсказъ о школѣ, начатый много лѣтъ назадъ,—но служебныя обстоятельства не даютъ времени, а потому нѣтъ и надежды на исполненіе этихъ желаній, и мы рѣшаемся издать настоящій очеркъ въ прежнемъ его видѣ, уступая желанію многихъ почитателей Харьковской школы, которая теперь пріобрѣла себѣ почетную извѣстность не только въ Россіи, но и заграницей. Продолженіемъ нашего разсказа можетъ служить брошюра г. Я. Абрамова *), написанная имъ для парижской выставки 1890 г., на которой школа экспонировала трудъ своихъ учительницъ, книгу—«Что читать народу?»

---

*) «Частная женская воскресная школа въ Харьковѣ и воскресныя школы вообще». Харьковъ. 1890 г.

Харьковская воскресная школа не только сама окрѣпла, но сдѣлалась разсадникомъ и другихъ подобныхъ школъ. Съ разныхъ концовъ Россіи, иногда изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ, обращаются къ руководительницѣ Харьковской школы за совѣтами и указаніями, и кому бы ни принадлежалъ починъ въ этомъ добромъ начинаніи—сельскому-ли священнику, скромной-ли деревенской учительницѣ, или высокопоставленной особѣ съ благими намѣреніями; подъ какимъ названіемъ ни возникала бы эта новая школа,—церковно-ли приходской, правительственной, частной-ли, земской, Х. Д. Алчевская съ одинаковымъ привѣтомъ и готовностію спѣшитъ откликнуться на первый призывъ.

Добрая и участливая Христина Даниловна Алчевская не только даетъ требуемые совѣты, но и снабжаетъ подчасъ вновь открываемыя школы библіотеками изъ одобренныхъ книгъ.

Представляя собою какъ бы филіальныя учрежденія, школы эти поддерживаютъ живую и дѣятельную связь съ школой Харьковской въ лицѣ ея руководительницы.

Много любви, много труда и много средствъ было положено Христиной Даниловной на ея школу. Отрадно, что труды эти дали добрые результаты и были оцѣнены по достоинству. Не разъ получила г-жа Алчевская выраженія одобренія за свою дѣятельность отъ учебнаго начальства; Государыня Императрица, по представленію учебнаго начальства, удостоила г-жу Алчевскую милостиваго вниманія и подарка; С.-Петербургскій Комитетъ грамотности присудилъ ей большую почетную золотую медаль. Находясь на послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ, г-жа Алчевская избрана была вице-президентомъ международной лиги народнаго образованія, президентомъ которой состоитъ маститый Масе. Наконецъ, за труды по народному образованію, въ связи съ оцѣнкой книги «Что читать народу» на той же выставкѣ г-жѣ Алчевской присуждена была высшая награда—почетный дипломъ, при чемъ Христинѣ Даниловнѣ предоставлены были, въ ея личное распоряженіе, двѣ золотыя и двѣ серебряныя медали для выдачи тѣмъ изъ ея сотрудницъ, которыхъ она найдетъ наиболѣе достойными. По выбору г-жи Алчевской медали эти были выданы А. М. Калмыковой, Л. Е. Ефимовой, Е. Д. Гордѣевой и М. А. Ивановой.

Слѣдуетъ сказать, что кромѣ Харьковской женской воскресной школы, г-жа Алчевская основала образцовую школу въ с. Алексѣевкѣ (Екатериносл. губ.), съ устройствомъ прекраснаго зданія и полнымъ обезпеченіемъ.

Въ маѣ текущаго года совершилось тридцатилѣтіе педагогической дѣятельности г-жи Алчевской, и она была задушевно привѣтствована письмами, телеграммами, адресами изъ самыхъ разнообразныхъ и отдаленныхъ мѣстностей.

Услуга народному образованію есть услуга общественная и мы душевно радуемся, что эти услуги находятъ себѣ признаніе въ обществѣ.

Зная г-жу Алчевскую болѣе 20-ти лѣтъ, мы положительно знаемъ, что въ просвѣтительныхъ трудахъ ею руководили *любовь* и *призваніе*; она никогда не стремилась къ выдающемуся положенію, не искала почестей и наградъ; она всегда старалась выдвинуть впередъ своихъ сотрудницъ, а себя оставить въ тѣни; она всегда чужда была зависти къ своимъ даровитымъ сотрудницамъ; но какъ человѣкъ призванія, всѣмъ существомъ преданный дѣлу, она была душою его, что чувствовалось всѣми.

Извѣстно, какъ трудно у насъ соединить у одного дѣла многихъ дѣятелей. Однако же, Христинѣ Даниловнѣ удалось это сдѣлать съ рѣдкимъ успѣхомъ, именно благодаря ея уступчивому характеру, деликатности; она всегда уважала личность человѣка и умѣла съ уваженіемъ относиться къ чужому мнѣнію, хотя бы и не раздѣляла его. Никогда не принимала она начальническаго тона въ отношеніи своихъ сотрудницъ. Этими чертами характера г-жи Алчевской и объясняется то рѣдкое явленіе, что въ 20 лѣтъ существованія Харьковской школы корпорація учительницъ ея дѣйствовала, какъ *дружная семья*, единодушно, въ добромъ согласіи, въ мирѣ и любви. Уходили старыя учительницы, являлись новыя; но духъ школы оставался неизмѣннымъ, единодушіе этой большой корпораціи не нарушалось и стало живымъ преданіемъ школы. Явленіе рѣдкое въ нашей жизни. Желаемъ сердечно дальнѣйшаго ему процвѣтанія и отъ всей души привѣтствуемъ его руководительницу съ добрымъ успѣхомъ трудовъ ея.

Составленіе книги «Что читать народу?» составляетъ эпоху въ жизни Харьковской женской школы. Къ практическому труду

учительницъ присоединился трудъ литературный, очень сложный, требовавшій много труда и времени. Когда задуманъ былъ этотъ трудъ, многіе выражали сомнѣніе въ его исполнимости; высказывали мысль, что онъ будетъ лежать въ складахъ, что онъ холодно будетъ принятъ читающей публикой, не найдетъ себѣ сочувствія; говорилось, что онъ не по силамъ учительницъ и т. д. Много нужно было вѣры и любви къ дѣлу, чтобы совершить этотъ трудъ. На первый томъ изданія потребовалось болѣе трехъ лѣтъ. Постепенно составлялись рецензіи, заслушивались въ собраніи учительницъ, обсуждались, разсматривались, исправлялись совокупными силами и только послѣ тщательнаго обсужденія вносились въ изданіе. Въ обсужденіи разныхъ возникавшихъ по поводу изданія вопросовъ принимали участіе педагоги и наши лучшіе писатели.

Наконецъ появился первый томъ книги. Пророчества пессимистовъ не оправдались. Книга, не смотря на свой значительный объемъ и спеціальность, встрѣтила теплый пріемъ въ публикѣ и была оцѣнена по достоинству. Представители печати самыхъ разнообразныхъ направленій дали о новой книгѣ единодушно одобрительный отзывъ. Книга расходилась успѣшно и скоро потребовалось новое изданіе ея. Ободренныя успѣхомъ перваго тома, учительницы съ новой энергіей взялись за продолженіе своего труда. Опять пошла живая, энергичная работа, которая исполнялась всѣми безкорыстно, съ страстнымъ увлеченіемъ, благодаря чему скоро явился и второй томъ этого почтеннаго изданія.

На Парижской выставкѣ 1890 г. книга «Что читать народу» обратила на себя вниманіе ученыхъ и публицистовъ, особенно дѣятелей по народному образованію. Книга единодушно была признана жюри выставки заслуживающею высшей награды; *методъ* ея признанъ былъ совершенно новымъ, оригинальнымъ; вся книга—цѣннымъ вкладомъ въ народно-учебную литературу. Было отмѣчено, что западно-европейская литература даже еще не имѣла подобнаго изданія, и *пріемъ* рѣшенія вопроса—«что читать народу», принятый въ книгѣ, рекомендованъ былъ, какъ наилучшій.

Большаго успѣха трудно ожидать. Скромныя труженицы получили высшую награду въ этомъ признаніи достоинствъ ихъ многолѣтняго и безкорыстнаго труда.

Кстати, изъ нашихъ писателей гр. Л. Н. *Толстой* съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнесся къ этой книгѣ и въ тепломъ письмѣ къ г-жѣ Алчевской выразилъ свое одобреніе къ этому труду.

Въ настоящее время учительницы Харьковской школы заняты составленіемъ «книги для чтенія взрослыхъ». Наши школьныя «книги для чтенія», наполненныя сказками, побасенками и всякою дребеденью, безъ обдуманнаго плана и хорошаго выбора статей, по своей безсодержательности, непригодны и для дѣтей, а тѣмъ болѣе для взрослыхъ, которые посѣщаютъ воскресныя школы. Составленіе книги для чтенія дѣло не легкое. Учительницы намѣрены провѣрять пригодность избираемыхъ статей на практикѣ, преимущественно обращая вниманіе на религіозно-нравственное воспитаніе учащихся. Такому дѣлу можно только пожелать успѣха.

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

Отъ автора. 1

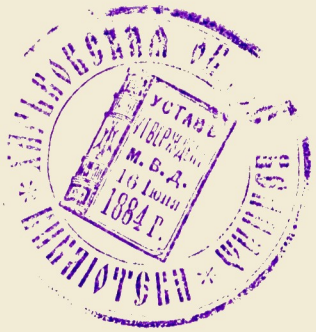
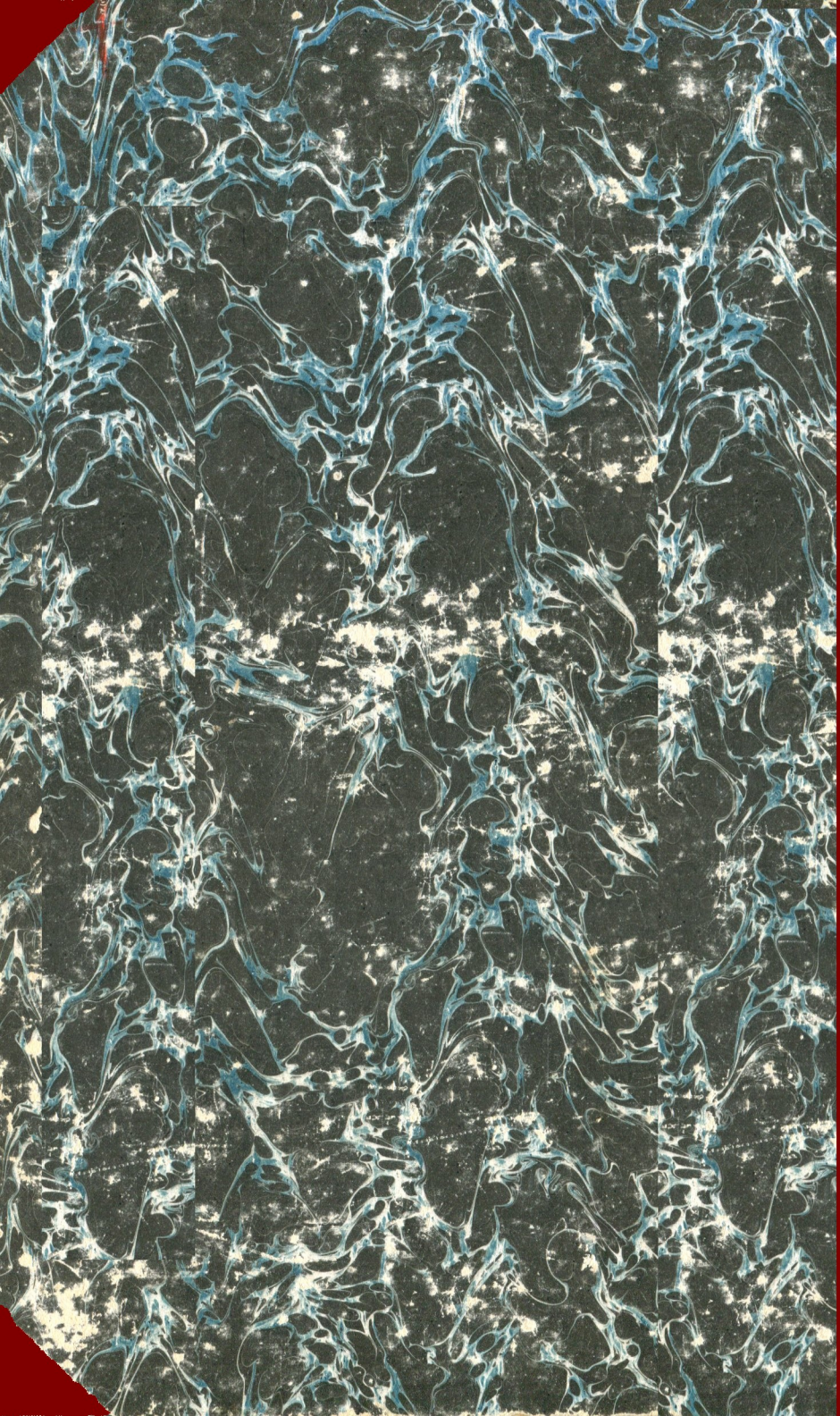
Очеркъ возникновенія Харьковской частной женской воскресной школы. 7

Внѣшняя организація Харьковской женской школы —Помѣщеніе ея.— Матеріальныя средства школы. – Библіотека и музей.—Пользованіе ими. 19

Личный составъ корпораціи Харьковской женской воскресной школы.— Учительницы и ученицы.—Вопросы о безплатности педагогическаго труда.—Причины колебаній въ числѣ учащихся въ школѣ 23

Обученіе. а) Общая организація учебнаго дѣла. 35

б) Преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ учебнаго курса. 43

Внутренняя жизнь школы. 62

Перевірено 1948 р.